

Мери Каммингс

С ПЕЦЗАДАНИЕМ для ИСТИННОЙ ЛЕДИ

Современный детективный роман

Специальный агент ФБР Симпсон утверждает, что Глэдис Четтерсон обладает потрясающим интуитивным умением владеть нестандартной ситуацией. Только муж Глэдис, Джек, не верит в ее способности и считает, что ничего более серьезного, чем украшение рождественской елки, ей поручать нельзя. Но он, разумеется, неправ, ведь с кем бы ни столкнула Глэдис судьба — с контрабандистами или грабителями, шпионами или маньяком — она, не моргнув глазом, с блеском выпутывается из любой, казалось бы, самой безнадежной ситуации.

Мери Каммингс

Спецзадание для истинной леди

Все совпадения случайны.

*В Нью-Йорке нет ни аэропорта Монро,
ни универмага «Додсон и Тейт».*

*И я очень сомневаюсь,
что кому-нибудь удастся найти на карте
Гавайских островов атолл Вайнамяки.*

История первая

АЭРОПОРТ

«Наш самолет, следующий рейсом Майами-Нью-Йорк, по техническим причинам вместо аэропорта Ла-Гардиа прибывает в аэропорт Монро. Повторяю, наш самолет по техническим причинам вместо аэропорта Ла-Гардиа прибывает в аэропорт Монро. Командир самолета и экипаж желают всем счастливого полета».

В принципе, в этом не было ничего страшного — даже для тех пассажиров, которых встречали в Ла-Гардиа, как и для тех, кто оставил там, на стоянке свои автомобили. Для них была организована бесплатная подвозка.

Лишь молодая женщина, сидевшая на одном из передних кресел, восприняла эту новость как катастрофу. Услышав слова «аэропорт Монро», она подскочила на месте, быстро обернулась к соседу и переспросила — правильно ли все поняла? Убедившись, что не ослышалась, женщина решительно нажала кнопку вызова стюардессы.

— Что вам угодно, мисс?

— Неужели мы действительно прибываем в аэропорт Монро?

— Да, совершенно верно.

— Но я хочу в Ла-Гардиа? Я покупала билет до Ла-Гардиа и я хочу именно туда!

— К сожалению, по техническим причинам это невозможно. Наш самолет прибывает в аэропорт Монро, но вам будет предоставлена возможность бесплатно добраться до Ла-Гардиа.

— А нельзя мне поговорить с пилотом? Может быть, я сумею его уговорить? Я не хочу в Монро, я же специально выбрала рейс до Ла-Гардиа!

Стюардесса, привыкшая к подобным мелким скандалам, говорила успокаивающим тоном, пытаясь убедить строптивую пассажирку, что ничего страшного не произошло, но та была уже близка к истерике. Остальные пассажиры начали оборачиваться и переговариваться.

— Простите, мисс...

— Делано, Глэдис Делано.

— Простите, мисс Делано, но мы уже заходим на посадку и через четверть часа будем на земле.

— Но... — попыталась еще что-то возразить Глэдис и осеклась — это было уже безнадежно.

В аэропорт входить нельзя — придурок может быть в любую смену, не дай бог, заметит ее! Что же делать, господи, что делать?

А может, все-таки пройти через аэропорт, а если он осмелится появиться, обдать его ледяным презрением и неторопливо прошествовать мимо — пусть видит и страдает. Впрочем, страдать он не будет — слишком толстокож и ленив. Еще, чего доброго, ляпнет что-нибудь — и придется отвечать...

«Достоинство и приличие — вот качества истинной леди» — эту заповедь мать ей внушала с детства. А ответить ему — на людях — значило потерять это самое достоинство.

А может, не выходить и дожидаться, пока самолет полетит еще куда-нибудь — хоть на Аляску?! Все лучше, чем сталкиваться носом к носу с этим флегматичным болваном. Амеба! Тюлень с зубочисткой!

А может, выйти, но не идти в здание аэропорта, а попытаться перебраться через ограду? Слава богу, вещей у нее — всего один чемодан, она даже в багаж его не стала сдавать! Сейчас темно, никто и не заметит. А потом проголосовать на шоссе и спокойно добраться до дому...

«Решено — так я и сделаю!», — подумала Глэдис и откинулась на сидении. Столько хлопот из-за какого-то негодяя, который не стоит ее мизинца! Да на него вообще внимания обращать не стоило бы! И что только женщины в нем находят?!

Еще полгода назад Глэдис не задала бы подобного вопроса — но с тех пор она его раскусила. Да он ничтожество! Пустое место! Медлительный тьюфяк!

Впрочем, иногда его медлительность была кстати. Даже очень-очень кстати... Руки, медленно ласкающие ее, губы, медленно целующие ее грудь, медленное скольжение внутри нее... Глэдис обдало жаром, и она одернула себя — как можно сейчас об этом думать?! Да ей видеть его противно — не то, что вспоминать о его ласках!

Впрочем, она сама во всем виновата — с самого начала надо было думать лучше! Мама всегда говорила, что скоропалительные браки ни к чему хорошему не приводят. А их брак был именно таким — они оказались в постели через три часа после знакомства и поженились всего через неделю.

Правда, ничто в нем, на первый взгляд, не выдавало черную душу и подлую натуру мерзкого лживого бабника. Здоровенный — шесть футов пять дюймов¹ — чуть ли не на полтора фута выше нее. Серые глаза, светлая шевелюра, в которую так приятно было запускать пальцы. И весьма привлекательный...

Ей завидовали все подруги — как же, этой малявке — и вдруг удалось отхватить такого шикарного парня!

— Простите, мисс, — голос стюардессы оторвал Глэдис от непрошенных воспоминаний. Она вскинула голову — какого черта ей мешают планировать операцию по спасению из ненавистного аэропорта! — и обнаружила, что в салоне никого нет. Самолет как-то незаметно сел, и все пассажиры уже ушли — почему же ей об этом не сказали?

— А куда этот самолет полетит дальше? — спросила она, не двигаясь с места.

— Простите, мисс? — стюардесса явно не поняла вопроса.

— Куда этот самолет полетит потом? — снова спросила Глэдис, тщательно выговаривая слова.

— Простите, мисс... — растерянно пробормотала стюардесса. Да что она, других слов не знает, что ли?

— Но я хочу в Ла-Гардиа! — попыталась Глэдис в последний раз поспорить с неизбежным.

— Простите, мисс, — с бесконечным терпением повторила стюардесса, — прошу вас выйти из самолета. Может быть, вы хотите, чтобы я пригласила кого-нибудь из службы безопасности аэропорта — помочь вам?

— Нет-нет, не стоит! — услышав эту угрозу, Глэдис вскочила, схватила чемодан и устремила к выходу.

Это было как раз то, чего она больше всего хотела избежать — ее бывший муж, Джек Четтерсон, работал в службе безопасности аэропорта Монро.

Сойдя с трапа, Глэдис огляделась. Вдалеке светилось здание аэропорта, но автобус с пассажирами уже ушел. Ну и черт с ним! — ей было в другую сторону.

Слава богу, одежда на ней была темной. Темно-синий — под цвет глаз — костюм,

черные сапоги на высоком каблуке, сумка и чемодан тоже черные.

В такой темноте никто и не заметит, как она тихонечко переберется через ограду и уйдет подальше отсюда.

По мере ее продвижения от маячивших на горизонте огней аэропорта толку было все меньше и меньше, и под ногами скоро стало совсем уже ничего не видно. Глэдис шла очень медленно, боясь споткнуться и надеясь, что рано или поздно наткнется на забор. Лучше бы пораньше! Трава, с воздуха всегда казавшаяся ей гладкой, как английский газон, изобиловала кочками и выбоинами, тонкие каблуки цеплялись за какие-то ветки и вязли в мокрой земле.

На забор она действительно наткнулась — увы, в прямом смысле этого слова. При очередном шаге, совершенно неожиданно, ее лицо, грудь, носок сапога и судорожно выброшенная вперед рука — словом, все тело — чувствительно соприкоснулись с шершавой твердой поверхностью. Звук, сопровождавший этот удар, гулко разнесся на сотню футов вокруг: «Бам-м».

Испуганно ойкнув, Глэдис отшатнулась и потеряла равновесие. Приземление было мягким — к сожалению. Если бы хоть кто-то поинтересовался ее мнением, она бы выбрала пусть более жесткое, но сухое место, а никак не лужу! С трудом встав на четвереньки, она нашарила сумку и выпрямилась. В кармане плаща должна была быть зажигалка — ее единственное спасение сейчас! Слава богу, что после ухода от мужа Глэдис начала курить — понемножку, иногда, чтобы показать всем окружающим, что она современная, эмансипированная и свободная женщина. А все он виноват! Если бы не эта мерзкая белобрысая рожа, она сейчас бы уже была дома, а не стояла на ветру с мокрой задницей, тщетно пытаясь что-то разглядеть в темноте.

К счастью, зажигалка нашлась быстро и даже сразу загорелась. В ее тусклом свете Глэдис нашла чемодан — прямо под ногами — и осмотрела забор.

Не меньше семи футов, из гофрированного железа и с ржавыми потеками! Она выхватила из сумки пудреницу — так и есть, на щеке и на носу рыжие пятна! И глаза потекли! И помада размазалась! И выглядит она, как клоун! И все он виноват!

От злости ей даже расхотелось плакать. Забор был сплошной, без единой дырки. Она попыталась встать на цыпочки, но ее роста явно не хватало, чтобы выглянуть наружу. Ощупью найдя чемодан — зажигалку надо было беречь! — Глэдис приставила его к забору и вскарабкалась наверх.

Как хорошо, как светло! Вожделенное шоссе оказалось всего в полсотне футов — только через канаву перебраться! — и было ярко освещено. Даже машина стояла неподалеку — словно нарочно ждала. Ее послала сама судьба! Глэдис присмотрелась — в машине было пусто. Но никто же не будет оставлять автомобиль надолго на шоссе... Значит, наверное, там кончился бензин — с ней самой такое не раз случалось — и водитель скоро приедет с канистрой. И сможет ее подвезти! Теперь главное — успеть перебраться через забор!

Перебраться? А как? Дырку искать бесполезно — Джек как-то говорил, что забор проверяют чуть ли не каждый день. Вскарabкаться? Можно, конечно... с трудом. Но что тогда будет с чемоданом? Ведь невозможно одновременно тащить его с собой и стоять на нем... А там новые туфли, только что купленные! И потом, эта ржавчина... во что превратится костюм?! Впрочем, ему и так уже досталось, все равно чистить придется...

Глэдис глубоко вздохнула и решила пожертвовать костюмом. Но туфлями — никогда! И тут внезапно ее осенило — можно пожертвовать двумя парами колготок: связать их, как веревку, привязать к чемодану и, перебравшись, вытянуть следом и его.

Восхитившись собственной изобретательностью — назло врагу! — она принялась осуществлять свою идею, открыв чемодан и пытаясь в полной темноте нашарить в нем колготки.

Какой-то звук? Голоса? Шаги? Глэдис затаила дыхание — неужели это та самая проверка? Они что, и по ночам забор проверяют? Сейчас ее схватят! Приведут в аэропорт! В мокрой юбке и с ржавыми пятнами! И он это увидит!!!

Но голоса были тихими — возможно, это просто какие-нибудь воры? Тогда она не будет их арестовывать — пускай крадут все, что хотят, зато потом у Джека будут неприятности. Ха-ха-ха! Интересно, а как они перебрались через забор?

Глэдис прислушалась. Говорили несколько мужчин — двое или трое. Может, это их машина стоит, и ей удастся уговорить их подвезти ее?

Она решила тихо подойти и присмотреться — на всякий случай. Тем более что у них, кажется, был фонарик — ярдах в тридцати от нее замаячило пятно света.

Людей было почти не видно — только силуэты на фоне еле заметных огней аэропорта. Четыре человека: двое с обеих сторон поддерживали третьего — очевидно, бедняжка подвернул ногу на этих чертовых колдобинах — а еще один, чуть пониже ростом, шел сбоку, освещая им путь.

Зажегся второй фонарик — теперь ей стало видно получше. Все они были одеты в темные костюмы, типа спортивных — ну явно воры! — с темными вязаными шапочками на головах. Только один, тот, которого вели с двух сторон, а теперь прислонили к забору и поддерживали, чтобы не упал — был одет в летнюю форму с белой рубашкой. Его лицо было ярко освещено — человек, шедший до того сбоку, неподвижно держал фонарик. Ничего особенного — слишком большой нос, залысины и вид какой-то бледный — наверное, нога болит...

В пятне света появился второй — этот был явно куда симпатичнее. Блондин — светлые волосы выбились спереди из-под шапки — и на вид ничего. Похож на Кристофера Уокена. Вот к нему и надо обращаться!

Она достала из кармана платок и попыталась хоть чуть-чуть привести себя в порядок, чтобы не выглядеть совсем уж пугалом.

Блондин между тем обратился к человеку в летней форме:

— Где это?

— В здании аэропорта, я хорошо спрятал. Два свертка.

— Где именно? Давай, не тяни.

Глэдис нашла именно этот момент подходящим, чтобы вмешаться в разговор, и вышла на свет.

— Простите, это не ваша машина стоит за оградой? — самым вежливым тоном поинтересовалась она.

Все обернулись к ней. Еще никогда ее появление не вызывало подобного фурора — казалось, они онемели. Застывшие лица — как маски. Она что, так ужасно выглядит?! Глэдис, в полном молчании, снова вытерла лицо платком.

— Чего? — спросил блондин, словно не веря своим ушам. Да что они все, перестали понимать человеческую речь?

Сначала — стюардесса, теперь — этот тип, который решительно переставал ей нравиться. Но пришлось повторить:

— Это ваша машина стоит там за оградой? Вы не могли бы меня подвезти?

Внезапно произошло сразу много событий. Фонарик, направленный на человека в летной форме, дернулся, чуть не упал, и луч метнулся к лицу Глэдис. Человек в летной форме неожиданно сорвался с места и бросился куда-то в темноту. Так у него ноги в порядке? В руке блондина появился пистолет, раздались выстрелы. Глэдис взвизгнула от неожиданности, замерев на месте.

Луч фонарика метнулся вслед убежавшему — тот уже падал. Блондин и второй тип в шапочке — тоже с пистолетом — подбежали к нему, и она снова услышала все тот же вопрос:

— Где?

Блондин нагнулся к упавшему и приставил пистолет к его голове. Глэдис поняла, что ей лучше уйти, пока они не обращают на нее внимания и заняты своими делами. К сожалению, она забыла про человека, державшего фонарик, и вспомнила, лишь почувствовав, что ее обхватили за горло и ведут к остальным, чувствительно и оскорбительно подпихивая коленом под зад. Попытка вырваться не удалась — зажим на горле стал еще сильнее, и она даже закашлялась.

Человек в летной форме что-то еле слышно говорил. Блондин прижался ухом почти вплотную к его губам, а Глэдис издалека не удавалось разобрать ни слова.

— Это все? — внезапно спросил блондин, поднимаясь с колен.

— Да.

Выстрел прозвучал неожиданно. Глэдис не сразу поняла, что произошло, и лишь увидев дернувшееся и обмякшее тело человека в летной форме, догадалась, что тот... кажется... уже мертв?...

— Давай ее сюда! — обратился блондин к невидимке, державшему Глэдис. Почувствовав новый пинок, она шагнула вперед. Блондин кивнул второму типу, очень противному — со шрамом на щеке и злобно сдвинутыми бровями — тот засунул пистолет за пояс, подошел и снял с ее плеча сумку. Глэдис попыталась возразить, но смогла лишь слабо пискнуть.

— Глэдис Делано. Восемьдесят третья улица, двадцать пять, — доложил мерзкий тип, отобравший сумку, найдя ее кошелек и водительские права. Все это он сунул себе в карман, а сумку бросил куда-то в темноту.

— Что ты здесь делаешь? — спросил блондин.

Говорить Глэдис не могла — горло ее было слишком сжато. Блондин сделал нетерпеливый жест — зажим тут же ослаб, и она честно ответила:

— Иду домой.

— Чего?

У нее что, зубы выпали? Ее все перестали понимать! Глэдис терпеливо и привычно повторила:

— Иду домой. С самолета. Из Майами. Хотела перебраться через ограду и проголосовать на шоссе.

— Почему?

— Это мое личное дело! — не будет же она — сейчас, здесь, им — рассказывать всю историю своего неудачного брака...

Блондин криво усмехнулся, коротко бросил второму мерзкому типу:

— Ладно, разберись с ней — только без шума, — и, больше не обращая на Глэдис внимания, пошел к забору.

Что значит — без шума? Только сейчас до Глэдис, до сих пор пребывавшей в легком

ступоре, дошла правда. Это — убийцы. Блондин уже убил человека в летной форме и сейчас приказал сделать то же самое с ней. С ней?!!! И этот мерзкий тип уже направляется к ней — явно не с лучшими намерениями.

Непредсказуемость Глэдис была одной из тех ее черт, которые в свое время так забавляли Джека. Вот и сейчас никто не ожидал от нее взрыва — до сих пор она покорно шла, куда пихали, и стояла, когда не пихали.

Человек, державший ее сзади, никак не мог ожидать, что внезапно в его ногу воткнется острый, как гвоздь, каблук сапога и одновременно его жертва резко вскинет голову. С головой, правда, получилось случайно — Глэдис просто очень рассердилась.

Она всегда гордо вскидывала голову, когда сердилась — ей казалось, что это прибавляет ее пяти футам (и почти целому дюйму!)² роста.

Захват на горле внезапно ослаб. Никто не успел опомниться, как Глэдис, подгоняемая страхом, рванулась и очертя голову понеслась в темноту — куда попало — визжа тонким пронзительным голосом.

Выстрел! Еще один! Шум мотора! Это что, уже самолет? Еще выстрел! Свет!!!

Она споткнулась обо что-то и упала ничком, всем телом проехавшись по земле.

Несколько мгновений Глэдис не могла прийти в себя — перед зажмуренными глазами плыли яркие пятна. Почему столько шума? Она открыла глаза — прямо в них бил луч прожектора. Снова зажмурилась и услышала крик:

— Стой, стрелять буду!

Опять выстрелы... Топот... Снова крик — уже ближе:

— Лежать, не двигаться! Лицом вниз!

Глэдис тут же попыталась встать — слава богу, кажется, этих бандитов поймали! — и услышала еще более грозное:

— Кому говорят — лицом вниз! Не двигаться! Стрелять буду!

Какое «лицом вниз»? Это что — ей?! Но тут же лужа! Грязная и воняет бензином!

Неожиданно что-то весьма чувствительно нажало ей на шею. Глэдис ткнулась лицом прямо в вонючую грязь, заизвивалась и попыталась вывернуться — проклятые мерзавцы все-таки добрались до нее и хотят утопить! Чуть приподняв голову, она дико заорала — возможно, в последний раз в жизни...

К ее удивлению, нечто, до сих пор державшее ее за шею, вместо того, чтобы продолжать вжимать ее лицо в грязь, неожиданно крепко ухватилось за воротник многострадального костюма и дернуло вверх, придав Глэдис вертикальное положение. Какие-то руки начали ее щупать — она взвизгнула и попыталась отбиться локтями, но ей не дали и шевельнуться, схватив за запястья с обеих сторон. Они что, хотят ее еще и изнасиловать? Значит, хоть не сразу убьют!

Свет прожектора куда-то убрался и Глэдис медленно открыла глаза. Вокруг нее столпилось несколько человек в темной одежде — но не тех бандитов, что были раньше, и без шапочек. Свет фар двух автомобилей, стоявших неподалеку, позволял видеть все достаточно четко. А где же те? И кто эти?

Глэдис снова зажмурилась, чтобы обдумать происходящее и отплеваться от грязи, которой набрался полный рот. Выплюнув часть грязи — как можно дальше, чтобы не попасть на костюм — она услышала громкое проклятье и открыла глаза. Ее костюм не пострадал — правда, он был в таком виде, что еще один грязный плевок уже ничего бы не изменил. Но плюнула она прямо на пиджак человека, незаметно — как нарочно! —

подошедшего к ней спереди. Нечего было подкрадываться!

— Ладно, ведите ее в здание, — рявкнул оплеванный и попытался чистым платком стереть грязь с пиджака, галстука и рубашки — попала Глэдис на редкость метко.

Что? В здание? Значит, это уже не бандиты? Мимолетное чувство облегчения сменилось дикой злобой — все было напрасно... Ее все-таки волокут в вотчину этого развратного негодяя — а она в таком виде!

Ее схватили за плечи с двух сторон и повели, но сделать шаг — хотя бы один — не удалось. Что-то было не так с ногами — они не болели, не считая ссадины на коленке, но идти Глэдис почему-то не могла.

Попытавшись потоптаться на месте, она сделала открытие — не хватало одного каблук! А как можно ходить, когда одна нога на пять дюймов короче другой? Но ей не дали поискать каблук — подхватили под руки и потащили в автомобиль.

ГЛАВА ВТОРАЯ

За те несколько минут, что они ехали до аэропорта, Глэдис удалось немножко прийти в себя. Да как они смеют так с ней обращаться?! Ей даже не дали ничего объяснить!

Ну что же — раз они не дают ей и слова вымолвить, она тоже не будет с ними разговаривать... Только через своего адвоката — так, кажется, полагается? И только после того, как ей дадут переодеться... и умыться... и согреться... и отдохнуть... и поесть! Как всегда после столь бурных переживаний, в ней проснулся волчий аппетит.

А где ее чемодан? Его забыли! И сумка... И новые туфли! И сапоги теперь пропали! Слезы сами брызнули из глаз, оставляя светлые дорожки на покрывавшем лицо слое грязи.

Ее ввели — точнее, втащили — в какое-то помещение и усадили на жесткий стул в центре комнаты. Вокруг столпилось несколько человек, внимательно разглядывавших ее. От злости и унижения Глэдис снова закрыла глаза и прислушалась. Реплики были весьма странные и оскорбительные, что усилило ее нежелание разговаривать со столь грубыми и нечуткими людьми — ей даже не предложили умыться!

— Хоть одну из них удалось задержать — и то хорошо!

— Сейчас приедет полиция, зачитают ей права и произведут арест по всей форме — мы не имеем права...

— Хорошо бы женщину-полицейскую догадались привезти — отмыть эту...

— В тюрьме отмоют! Нам-то чего возиться? Она же злая, как черт — локтями дерется и плюнула в фэбээровца...

Ненадолго наступило молчание. Глэдис почувствовала, как по промокшим ляжкам потянуло холодом — очевидно, открылась дверь и вошли еще несколько человек. Снова оскорбительные тихие реплики:

— Одна из этой банды...

— С момента задержания молчит — ни на один вопрос не ответила.

А они что, разве спрашивали о чем-то? Кажется, какой-то бубнеж она и в самом деле слышала краем уха, но не придала ему значения — оплакивала потери. И внезапно, как мокрым полотенцем по лицу — знакомый голос с протяжным и певучим тexasским акцентом:

— Та-ак... И кто же это у нас тут?

Сильная рука прихватила Глэдис за подбородок и приподняла лицо. Чертов негодяй все-таки добрался до нее!

Она услышала сбоку испуганное: — Джек, ты что делаешь?! — и открыла глаза.

Это действительно был он... Ничуть не изменился и явно не отоцал от страданий и угрызений совести. И зубочистка, как всегда, во рту... Сколько месяцев Глэдис боролась с этой вульгарной и неаристократической привычкой, пока не махнула на нее рукой! И одет с иголки — а она такая грязна-ая! И в рваных колготках, а чемодан потеря-ался!!! Слезы снова сами потекли из глаз.

Джек отпустил ее подбородок и повернулся к невысокому подтянутому человеку лет сорока пяти, с недоумением взиравшему на происходящее.

— Нет, сэр. Это не террористка и не контрабандистка — это просто идиотка.

Говорил он спокойно и лениво, как всегда. Когда-то его тexasский акцент сводил Глэдис с ума и казался ей страшно сексуальным,

но сейчас он не вызывал у нее ничего, кроме злости. Вместо того, чтобы помочь, этот негодяй еще смеет ее оскорблять — на людях!

— Четтерсон, вы уверены? Вы ее знаете?

Джек глубоко вздохнул.

— Да, сэр. Это моя жена.

— Бывшая! — нарушила обет молчания Глэдис.

— Говорит!.. — донеслось сбоку.

— С утра до вечера и весьма громко, — отозвался Джек.

— Так это ваша бывшая жена, Четтерсон?

— Развод еще не оформлен, сэр.

— И вы уверены, что она не связана с контрабандой?

— Абсолютно, сэр. Ни один контрабандист, если он в здравом уме, близко ее к делу не подпустит.

— Почему?

— В силу ее природной взбалмошности и недомыслия. Ее предел — украшение рождественской елки, ничего более серьезного ей доверять нельзя.

— А что она делала ночью около забора? — спросил еще чей-то голос.

Глэдис повернула голову, чтобы ответить — голос, по крайней мере, звучал вежливо — и обнаружила, что этот вопрос задал оплеванный ею фэбээровец. На рубашке у него до сих пор красовалось грязное пятно.

Наглая реплика Джека не дала ей вымолвить ни слова:

— Все, что угодно, только не с контрабандистами якшалась. Возможно, грибы искала — я и этому не удивлюсь.

— Вы не могли бы ее об этом спросить, мистер Четтерсон — мне кажется, на ваш голос она реагирует.

— Глэдис, что ты там делала? — не оборачиваясь, поинтересовался Джек.

— Выход искала! — сердито ответила она. От обиды на них на всех ей даже плакать больше, не хотелось.

— Зачем? — на сей раз он обернулся. На морде было написано легкое удивление.

— Не хотела идти через аэропорт?

— Спросите, пожалуйста, видела ли она что-нибудь... необычное, — снова вмешался фэбээровец.

— Глэдис? — Тон Джека был хамски-приказным.

— Да, но больше я говорить ничего не буду.

Почему это они считают, что должны спрашивать через него?! Она с ним вообще разговаривать не хочет! И с ними со всеми! Пусть везут в тюрьму!

— Сэр, она слегка не в себе, но через полчаса ответит на все вопросы. Позвольте мне позаботиться об этом.

— Вы уверены, Четтерсон? Может быть, стоит вызвать ей врача?

— Психиатра? Нет, не стоит, я обойдусь более простыми средствами.

Хам! Негодяй! Позорит ее перед людьми своими идиотскими репликами и слоновьим чувством юмора.

— Вам нужна какая-то помощь? Скоро подъедет полиция, мы просили прислать женщину-полицейскую.

— С вашего позволения, сэр, я займу на полчаса одну из комнат отдыха для VIP персон.

Этого будет вполне достаточно.

— А вы уверены, что она не сбежит? — это прорезался фэбээровец.

— На одном-то каблуке?

Он и это заметил! Негодяй! Мог бы сделать вид, что все в порядке...

Глэдис по-прежнему злилась на него, но как-то лениво — скорее по привычке. Присутствие Джека странным образом подействовало на нее успокаивающе... По крайней мере, она хоть знала все гадости, которые приходилось от него ожидать.

— Ну вставай, пошли!

Это он ей? В таком тоне?

Пока она обдумывала, как уничижительно ответить на столь наглый приказ, сильная рука взяла ее за воротник, подняла и повела на цыпочках. Глэдис покорно засемила, не говоря ни слова — слов просто не было. Проходя мимо зеркала, висевшего у двери, она украдкой бросила в него взгляд и зажмурилась от унижения. Со стороны это выглядело ужасно — громадный мужчина с брезгливым лицом волок двумя пальцами за шкуру нечто вроде замызганной черной кошки, вынутой из помойного бака, держа ее на вытянутой руке, чтобы не испачкаться. И это она?! Почти первая красавица колледжа?! Истинная леди?!

Глэдис не знала, куда он ее ведет — просто плелась, по-прежнему зажмурившись, направляемая рукой, крепко державшей ее за воротник. Коридор... Какая-то лестница... Еще коридор...

— Пришли, — Джек отпустил воротник, взял ее за плечи и прислонил к стене. Глэдис открыла глаза. Это было нечто вроде маленького гостиничного номера — большая двуспальная кровать с бледно-зеленым покрывалом, пара тумбочек, стол и два стула. Она шагнула к кровати, но Джек перехватил ее за плечо и водрузил на место.

— Не трогай тут ничего, испачкаешь. Раздевайся!

— Зачем? — испуганно пискнула она, повернувшись к нему. Он что, хочет?!.. Ее глаза метнулись в сторону постели. Джек ухмыльнулся, перебросил зубочистку из одного угла рта в другой и нагло заявил:

— И не надейся! Раздевайся и иди в душ, да побыстрее, времени нет!

«Не надейся»?... Это он — ей?! Он что, считает, что она хочет?... Негодяй бессовестный!

Да будь он единственным мужчиной на земле... Глэдис от возмущения потеряла дар речи — с ней это порой случалось — и замерла на месте, подыскивая подходящий ответ.

— Шевелись, ты похожа на Смоляное Чучелко³!

Эта реплика ее добила — слова, наконец, нашлись:

— Чтоб ты зубочисткой подавился! — мечтательно пожелала она и начала раздеваться. — Отвернись!

— Давай быстрее, не болтай. Ничего нового я все равно не увижу.

Она разделась и была немедленно втолкнута под душ.

— Мойся! Приду через пять минут. Дверь заперта, не бойся, никто, кроме меня, не войдет.

Вода была горячей — восхитительно горячей. Глэдис медленно согревалась, наконец-то начиная чувствовать себя чистой. Намылившись в третий раз, она почувствовала, как по ногам потянуло холодом, смыла мыло с лица и открыла глаза.

Джек стоял, распахнув дверь душевой кабинки, и бесстыдно пялился на нее.

— Смывай, хватит, времени нет, — коротко бросил он, не сомневаясь, что

распоряжение тут же будет выполнено.

Она решила не спорить и встала под струю. Как только душ был выключен, Джек тут же обмотал ее махровым полотенцем и перенес на кровать — под мышки, как щенка.

— Вытирайся, и побыстрее!

— Чего ты меня все подгоняешь? — возмутилась Глэдис, вытираясь. — И что это ты делаешь? — в ее голосе прозвучало негодование — этот похотливый бабник раздевался... во всяком случае, уже расстегнул рубашку... Зачем?!

— Ты о чем-нибудь, кроме секса, вообще способна думать? — нагло поинтересовался Джек. -

Нам сейчас не до того... может быть, потом, если будешь себя прилично вести. Я обещал, что ты через полчаса ответишь на вопросы ФБР. Ты что, хочешь их принимать нагишом? Или напятишь на себя эту мокрую грязь? — носком ботинка он пнул ее одежду, мокрой кучкой лежащую на полу.

— Это мой лучший костюм!

— Был.

— И ни о каком сексе я вовсе не думала!

— Ври больше.

— Можешь со своей Ланой трахаться, а меня оставь в покое. Я все знаю!

На этот раз ей, кажется, удалось задеть его — во всяком случае, он замолчал и из глаз исчез наглый иронический блеск. Ага, знает кошка, чье мясо съела!

Джек снял рубашку и перебросил ей.

— На, надень хоть это. У меня есть еще свитер, но ты же не любишь шерсть на голое тело — я помню...

Глэдис натянула рубашку — та достала ей до колен. Искоса взглянула на Джека — он стоял и смотрел на нее со странно-беспомощным видом.

А он совсем не изменился... Ей всегда нравилось смотреть на него — он был такой громадный и здоровенный. И такие мышцы — его бицепс был толщиной почти с ее талию. Тогда, в их первую ночь, он так нерешительно предложил ей зайти к нему... и так боялся к ней притронуться — здоровенными у него были не только мускулы, но и все остальное... И был очень нежным, осторожным и деликатным...

О чем она думает?! Глэдис бросила испуганный взгляд на Джека, и ей почему-то показалось, что он вспоминает о том же самом. Вздвогнув, он быстро натянул свитер.

Так, осталось всего пятнадцать минут, — придвинул к кровати стул и поставил на него кружку с кофе. — Пей, пока горячий!

Он влил в кофе бренди! Глэдис почти была готова простить его, особенно после того, как он сунул ей в руку бутерброд с сыром. Но тут очередная наглая реплика испортила ей настроение:

— У нас есть еще немного времени. Так что, пока здесь никого нет, ответь-ка мне — что это за идиотская выходка? Ты правда не связана с ними?

Глэдис от возмущения поперхнулась бутербродом и закашлялась. Получила чувствительный шлепок по спине — он что, не понимает, что больно?! — икнула и замотала головой.

— Ну ладно. На, причешись! — Джек достал из кармана расческу и сунул ей, а сам отошел к столу. Достал рацию:

— Сэр? Она готова... Привести ее обратно или вы спуститесь сюда?... Дело в том, что

она босиком и еле одета...

В этом месте Глэдис вмешалась, громко вскрикнув:

— Мой чемодан! И сумка! Там, у забора!

Джек чуть не выронил от неожиданности рацию. Очевидно, его собеседник тоже услышал этот крик, потому что Джек начал оправдываться:

— Нет, сэр, это ее обычная манера разговора... Она просто вдруг вспомнила, что где-то у забора остались ее чемодан и сумка... Да, если можно... Нет-нет, она в норме... Хорошо, через пять минут... Нет, пока не стоит.

Закончив разговор, он обернулся к ней:

— Сейчас они придут сюда. Закутайся в одеяло вместо юбки — рубашка чересчур распахивается. Твой чемодан нашли, скоро принесут.

— А сумка?

— Не знаю. И... что это у тебя? — пальцы его внезапно пробежали по ее щеке.

Вздыхнув, Джек повернулся к столу и взял какой-то пузырек.

— Сиди смирно!

— Не хочу, щипется! — дернулась Глэдис.

— Это перекись, она почти не щипется, — он достал из кармана платок, намочил краешек и осторожно провел по царапине. Было действительно почти не больно — даже приятно.

— Где еще?

— Колени...

Вошедший без стука в комнату начальник службы безопасности аэропорта не смог заслонить от шедших позади сотрудников ФБР идиллическую картину — один из его заместителей сидел на полу, поставив босые пятки странной особы, задержанной при подозрительных обстоятельствах, себе на бедро и аккуратнейшим образом обрабатывал ее голые ободранные коленки носовым платком, приговаривая:

— Вот сейчас подую, и все пройдет...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Впрочем, сама вышеупомянутая особа выглядела уже вполне прилично. Вместо замызганного непонятного существа, угрюмо насупившегося и, казалось, не понимавшего человеческой речи, перед ними на кровати сидела хорошенькая молодая женщина, одетая в нечто вроде белого балахона, едва достигающего до колен и просвечивающего насквозь, так что можно было видеть все подробности ее фигуры — надо сказать, весьма соблазнительной.

Столпившиеся у двери люди с легким удивлением разглядывали Глэдис. Смотрели они, по крайней мере, уже как положено — к подобным мужским взглядам она привыкла и всегда умела сделать вид, что не замечает их.

Джек лениво выпрямился и сделал приглашающий жест.

— Пожалуйста, она готова.

От толпы отделился человек — тот самый, пожилой, которого Джек называл «сэр». Он подошел к Глэдис и попытался сказать:

— Миссис Четтерсон...

— Мисс Делано, прошу вас! Я предпочитаю называться своей девичьей фамилией!

Джек, занявший удобную позицию на столе, хмыкнул. Она гордо вскинула голову.

— Ну хорошо, мисс Делано, — (Глэдис благосклонно кивнула), — я возглавляю службу безопасности этого аэропорта. Меня зовут Саймон Финк. Нам нужно задать вам несколько вопросов. Вы понимаете, о чем я говорю?

— До сих пор меня еще никто не считал идиоткой, кроме близких родственников и бывшего мужа! — взвилась Глэдис.

— Вблизи — оно виднее, — негромко отозвался из угла Джек.

— Четтерсон! — рявкнул Финк.

— Да, сэр. Давайте выйдем на минутку.

Они вышли, а остальные — их было еще трое, среди них и оплеванный фэбээровец — тоже немолодой, даже с намечающейся лысиной, и по-прежнему в заляпанной рубашке (сам, конечно, виноват, но Глэдис стало совестно) — начали рассаживаться на свободных стульях. Одному, правда, стула не хватило, и он устроился на столе.

Вышедшая «на минутку» парочка вернулась — ха-ха, а место Джека занято, пусть теперь постоит! Он действительно подпер плечом притолоку и сунул в рот очередную зубочистку.

— Мисс Делано, — снова обратился к ней Финк, — вы не возражаете, если наша беседа будет записываться на магнитофон?

— А зачем это? — заинтересовалась Глэдис.

— Ну... так положено. Чтобы мы ничего не забыли из того, что вы скажете.

— Не возражаю.

Один из присутствующих тут же, словно фокусник, достал непонятно откуда портативный магнитофон, включил и поставил на стол.

— Мисс Делано, что произошло сегодня вечером?

— Я прилетела из Майами. Самолет почему-то прилетел к вам, а не в Ла-Гардиа, хотя я покупала билет до Ла-Гардиа, — пожаловалась она — этот человек выглядел доброжелательным и воспитанным... и даже прикрикнул на Джека, когда тот начал глупо иронизировать! — Я вышла из самолета и пошла искать дырку в заборе.

— Зачем? — перебил ее Финк. Все-таки он недостаточно хорошо воспитан...

— Чтобы выбраться на шоссе, проголосовать и поехать домой.

Ему что, не ясно? Зачем же ей еще может быть нужна дырка в заборе? Самолеты воровать, что ли?

— Простите, мисс Делано, но почему вы не воспользовались обычным выходом из аэропорта?

— По личным мотивам!

Из угла донеслось какое-то тихое завывание и сипение. Она обернулась — Джек, зажав рот рукой, изо всех сил пытался сдержать смех. Что тут смешного?!

— А именно, мисс Делано?

Ржешь? Получай!

— Не хотела видеть вот эту наглую морду! — воспитанно, подбородком, она показала на Джека.

Финк поперхнулся и повернулся к Джеку. Тот пожал плечами и сделал гримасу, словно произнося нечто вроде: — «Я же говорил!»

— Ну хорошо, мисс Делано, и что было дальше?

— Я добралась до забора, влезла на чемодан, выглянула наружу и увидела машину на шоссе. Там никого не было, и я подумала, что сейчас водитель вернется и сможет меня подвезти...

— Что за машина? — встрепнулся фэбээровец.

— Белая «Хонда», — вспомнила Глэдис, — точно такая же есть у подруги моей мамы. Так та всегда говорит, что «Хонда»...

Продолжить рассказ о преимуществах «Хонды» перед «Фордом» или «Вольво» ей не дали, невежливо прервав очередным вопросом:

— И что было дальше?

— Я хотела перебраться через забор, но вдруг услышала голоса, а потом увидела людей.

— Сколько их было? Куда они шли? Во что были одеты? Что говорили? — резко спросил фэбээровец.

Чего он все спрашивает и спрашивает? Неужели думает, что она может запомнить все его вопросы? Глэдис задумалась, вспоминая, что же именно ее спросили, и очнулась, только заметив, что в комнате наступило полное молчание и все, не отрываясь, смотрят на ее рот. А он не покрашен!

— А где моя сумка? — поинтересовалась она.

Окружающие переглянулись и почему-то посмотрели на Джека.

— Ее ищут, — отозвался тот. — Думаю, к концу нашего разговора найдут.

Глэдис кивнула и снова замолчала, удивленно глядя на присутствующих. А почему ее ни о чем не спрашивают?

— Глэдис, сколько было людей? — спросил Джек.

— Четыре. Двое вели под руки третьего, Один шел сбоку с фонариком.

— Куда они шли?

— К забору.

— Во что они были одеты?

— Которого вели — тот был в летной форме с белой рубашкой. Остальные — в темных спортивных костюмах и в темных шапочках.

— Они говорили что-нибудь?

— Да.

— Что именно?

— Не знаю, не слышала. Я была занята другим.

Финк побагровел. Джек невозмутимо перебросил зубочистку в другой угол рта и осведомился:

— Интересно, чем?

— Приводила себя в порядок. Там был один очень симпатичный блондин, похожий на Кристофера Уокена — ну, который в «Бэтмане», помнишь?., то есть сначала, пока он не убил этого, в форме, я думала, что он симпатичный, и хотела произвести на него хорошее впечатление...

— Не тараторь, давай по порядку, — теперь ее спрашивал только Джек, остальные лишь смотрели то на него, то на нее. — Ты что, видела их лица?

— Да, у них были фонарики. Два. Тот, что в форме, прислонился к забору, а блондин его все спрашивал: — «Где? Где?».

— Что — «Где?»

— Не знаю. А потом тот ответил, что два свертка хорошо спрятаны в здании аэропорта, а этот снова спрашивает: — «Где? Где?». А потом я подошла и спросила, не будут ли они так любезны подвезти меня домой.

— Ты... что?! — Джек почему-то выронил зубочистку и поперхнулся. Он что, тоже перестал ее понимать? Это что, заразно?

— Я спросила, не их ли машина стоит там на шоссе и не подвезут ли они меня домой.

— Четтерсон, на минутку! — неожиданно вмешался Финк.

Они снова вышли за дверь, прихватив фэбээровца, и отсутствовали минут пять. За это время Глэдис успела вспомнить одну важную деталь, о которой решила ни в коем случае никому не говорить, если не спросят.

Вернулись они, почему-то ухмыляясь — как всегда делают мужчины, услышав какую-то непристойность — и Джек продолжил:

— Ну, и как они восприняли твое появление?

— Очень удивились.

— А что было дальше?

— Этот, в форме, внезапно побежал, а блондин выхватил пистолет и начал стрелять. И второй противный тип со шрамом на морде тоже. И этот, в форме, упал. И они к нему побежали. А меня туда тоже повели.

— Кто?

Наконец-то она может выложить свою сенсацию!

— Женщина! — таинственным громким шепотом ответила Глэдис.

На этот раз они действительно заинтересовались — даже подошли поближе.

— Вы хотите сказать, что один из трех мужчин — женщина? — спросил фэбээровец. Вот идиот! Он что, считать не умеет? И как это мужчина может быть женщиной?!

— Нет, — медленно, снисходя к его недостаткам, объяснила Глэдис, — там было трое мужчин — в форме, блондин и противный со шрамом — и одна женщина.

— Почему вы думаете, что это была женщина? — не унимался фэбээровец.

— От нее пахло «Аб ово»! — с торжествующим видом объяснила Глэдис.

— Что?!

— «Аб ово» — это такие духи. В форме розовенького яичка, с пупочкой. Когда пупочку

нажать, там крышечка и прыскалка.

Я сначала думала, что это моими пахнет, что они разлили, когда мою сумку потрошили, а потом вспомнила, что мои — то есть мамины — у мамы остались, и значит, это от нее пахло.

— А что было потом?

— А потом я ее лягнула и убежала. Блондин сказал противному, чтобы тот со мной без шума разобрался — что же мне было делать?

— Идти нормально, как все, через здание аэропорта, — вздохнул Джек.

Глэдис решила не обращать внимания на наглые провокации — она не будет ссориться с ним на людях.

— А когда блондин застрелил этого в форме? — спросил Финк.

— Меня к ним вели, а блондин опять начал спрашивать: — «Где? Где?». Тот что-то отвечал, но очень тихо, я не слышала — а этот наверняка слышал, прямо ухом чуть ему в рот не влез! Потом спросил: — «Это все?» — и выстрелил.

Вы их хорошо разглядели, мисс Делано?

— Женщину я не видела, а остальных разглядела.

— Вы не могли бы помочь нам составить их фоторобот? Сейчас мы вызовем художника...

— Сэр, на минутку, — в который раз прорезался Джек.

Они снова вышли, но на этот раз вернулись очень быстро.

— Мисс Делано, ваш муж...

— Бывший!

— ...Ваш бывший муж сказал, что вы хорошо рисуете и сможете нарисовать их сами.

Где моя сумка?

— Нарисуешь — получишь и сумку, и чемодан, — так нагло с ней мог разговаривать только Джек.

— Их нашли?

— Да.

— Отдай сумку, тогда нарисую все, что хочешь.

— Хорошо, но чемодан получишь, только когда нарисуешь.

Глэдис вздохнула. Вечно приходится уступать этим мужчинам!

— Да, а что ты там сказала, что они твою сумку потрошили?

— Кредитки! — ее вопль заставил всех подскочить. — Они сперли все мои кредитки! И деньги! И кошелек — новый, французский, из крокодила-а!

— Твои документы тоже были в кошельке? — неожиданно быстро спросил Джек.

— Да-а, — она уже всхлипывала, — этот, со шрамом, посмотрел их и сказал блондину мое имя-я... и где я живу-у-у.

Прозвучало привычное:

— Сэр, на минутку!

Глэдис почувствовала, что осталась одна в комнате, и разрыдалась, уткнувшись носом в подушку.

Когда минут через десять Джек вернулся, она все еще плакала. Он сунул ей в руки платок и поставил на пол сумку. Глэдис всхлипнула в последний раз и схватилась за нее. Слава богу, косметичка на месте! И духи тоже!

Ей стало чуть полегче на душе. Быстро — всего за какие-то пятнадцать минут —

приведя лицо в порядок, она огляделась. В комнате был только Джек — жевал зубочистку, сидя на столе. Увидев, что она уже в норме, он лениво протянул:

— Бумага — на столе. Рисуй!

— А как я теперь домой поеду без денег?

— А ты и не поедешь!

— Это еще почему?

— «Без шума» — так там, кажется, было сказано? Ты их видела, у них есть твой адрес... Впрочем, хочешь — поезжай. Надеюсь, потом труп можно будет опознать...

— А что же мне делать?!

— Поезжай к какой-нибудь своей подруге... или ночуй здесь. К нам домой, я так понимаю, ты возвращаться не захочешь...

— Куда это — к нам домой?

— Ну... в нашу квартиру... которую мы вместе сняли.

— А ты что, там до сих пор живешь?

— Да.

— Один? — неожиданно вырвалось у нее.

— Да.

А где же Лана? Это уже интересно...

Она молча встала, подошла к столу и села, взяв в руки карандаш.

Рисовать Глэдис действительно умела — когда-то, еще в колледже, она подрабатывала тем, что рисовала портреты на улице. Делала она это легко, почти автоматически. Ей достаточно было разок взглянуть на человека — и через четверть часа портрет уже был готов.

Вот и сейчас она машинально водила карандашом по бумаге — руки сами знали, что делать — и вспоминала...

Через два дня после их знакомства Джек сделал ей предложение. Она была в восторге и сразу же поспешила поделиться новостью с подругами.

Позвонив Дорис — в ее доме они с Джеком и познакомились — Глэдис, захлебываясь, начала выкладывать сенсацию: она выходит замуж!!! За Джека!!! И тут она впервые услышала это имя — Лана. Первое, что спросила Дорис, было:

— А как же Лана?

Этот же вопрос, в той или иной форме, задали ей еще несколько подруг — все, кто были хоть как-то знакомы с Джеком. Они и позаботились — разумеется, из лучших побуждений — просветить ее.

Лана работала в том же аэропорту Монро, в бюро обслуживания пассажиров, и была постоянной подругой Джека — вот уже, по меньшей мере, лет пять. И все это знали. Жили они отдельно, но во всех компаниях, как правило, бывали вместе и свободное время тоже проводили вместе. Подруги объяснили ей — тоже из лучших побуждений — что Джек иногда встречался с другими женщинами — «ну как же, такой классный мужик, девицы на него сами вешаются!» — но всегда рано или поздно возвращался к Лане. Так что ей, Глэдис, не стоит рассчитывать на какие-либо длительные отношения с ним. Как они были тогда правы! И какой она была душой!

А ведь поначалу все шло так хорошо... Она не сказала Джеку ни слова и вышла за него замуж, решив, что утрет нос всем подругам и «доброжелательницам». Джек выглядел таким влюбленным!

Через неделю после их свадьбы вернулась Лана — оказывается, она ездила отдохнуть в Европу. Открыв своим ключом дверь квартиры Джека, она вошла — и носом к носу столкнулась с Глэдис...

Обе женщины застыли, уставившись друг на друга. Появившийся Джек разрядил ситуацию — подхватил Лану под руку, вышел с ней из квартиры и вернулся только через три часа, когда Глэдис уже готова была собирать вещи.

Изложил ей свою версию — ничего серьезного между ним и Ланой не было, они просто иногда проводили время вместе, не более того. Но это — в прошлом, а теперь он женатый человек и любит только ее, Глэдис.

И она поверила! И верила целый год, пока не застучала их на горячем!

Обнаружив предательство, Глэдис в тот же день уехала к маме, оставив ему письмо. Он пытался звонить — она вешала трубку. Когда она вернулась от мамы — обратно в свою квартиру на Восемьдесят третьей улице, в которой жила до этого нелепого псевдобрака — этот подлец даже осмелился явиться к ней, но, выслушав через дверь ее требование подать на развод, потоптался на лестнице, грязно выругался и ушел. На развод он так и не подал — негодяй! А Глэдис возиться с адвокатом принципиально не хотела — сам виноват, сам пускай и хлопчет!

От подруг Глэдис продолжала слышать, что Джек снова встречается с Ланой — как будто она сама этого не знала! И что он только нашел в этой плоской костлявой жерди?! Подумать только — выше шести футов, коротко стриженная, как мужик, и при этом совсем без груди! Впрочем, некоторым, очевидно, такое нравится — на свете бывают всякие извращенцы...

Карандаш почти прорывал бумагу — от злости Глэдис давила слишком сильно. Неожиданно ее воспоминания прервал ленивый голос Джека:

— Какого черта ты плюнула в Симпсона?

— Какого еще Симпсона? — машинально спросила она и обернулась.

Этот нахал развалился на кровати, как у себя дома, заложив руки за голову, и все так же бесстыдно глазел на нее, не выпуская изо рта зубочистку. Еще щепок на подушку накидает!

— Ну, в этого кругломордого фэбээровца?

— Я его не заметила! — отрезала Глэдис. — Пусть не подворачивается, — добавила она, вставая. — Я закончила. Давай чемодан!

— Сейчас принесу. Ты можешь пока поспать, — заявил Джек, подходя к столу. — Они там совещаются, так что часа три у тебя есть, — взял рисунки и вышел.

Он еще будет говорить, что ей делать! Она будет спать, когда захочет и сколько захочет!

Через две минуты он принес чемодан — грязный, но целый. Глэдис с замиранием сердца открыла его — слава богу, все было на месте! И новые туфли тоже! Она вздохнула с облегчением и достала из чемодана тапочки и любимую ночнушку — спать, так с удобствами.

Джек по-прежнему стоял, подпирая притолоку, и пялился на нее. Ему что, больше делать нечего? Пришлось поставить его на место.

— Я хочу спать. Выметайся! И дверь я запру изнутри — так что не войдешь!

— Размечталась! — ухмыльнулся он и исчез за дверью.

Глэдис демонстративно громко щелкнула запором и услышала в коридоре удаляющиеся шаги.

Проснулась она оттого, что кто-то весьма чувствительно тряхнул ее за плечо.

— Вставай, тебя уже все ждут!

Глэдис с трудом приоткрыла глаза и, увидев Джека, машинально, еще в полусне, пробормотала:

— Иди отсюда, идиот чертов, я спать хочу.

Рухнув на подушку, она снова зажмурилась и попыталась вернуться в сон — но не тут-то было! Ее хамским образом перевернули и лягнули на лицо что-то мокрое и холодное. Глэдис завизжала, подскочила и ошалело открыла глаза, только сейчас вспомнив, что произошло.

Джек стоял около кровати, держа в руках мокрое полотенце и, как всегда, ухмыляясь. Как он вошел? Она бросила взгляд на дверь — замок был цел.

— Чего тебе надо? — отчеканила она ледяным тоном.

— Вставай, пошли. Совещание закончилось, и с тобой хотят поговорить.

— Я должна привести себя в порядок и позавтракать. Без этого с места не сдвинусь.

— Там приехали еще какие-то шишки из таможенной службы и ждут тебя.

— Кофе, три тоста и джем.

Джек вздохнул и достал рацию.

— Сэр?... Она хочет сначала позавтракать... Да, объяснил, но вы же видели... Кофе и три тоста...

— И джем! — завопила Глэдис.

— И джем, — покорно повторил Джек. — Да, сэр... Да, сэр. — Он выключил рацию и со вздохом обернулся к ней: — Завтрак тебе принесут прямо в кабинет шефа. Они там все сидят и тебя дожидаются.

Глэдис пожала плечами, радуясь, что настояла на своем, и пошла в душ — неторопливо, чтобы он видел, какое большое одолжение она ему делает.

Приведение себя в порядок заняло у Глэдис меньше получаса — почти рекорд по ее меркам. Все это время Джек мрачно сидел на столе и пялил на нее глаза» Ни стыда, ни совести! В конце концов она решила просто не замечать его — как римская патрицианка раба — и переодевалась прямо при нем. Пусть видит и страдает!

Выбирать было особо не из чего — в чемодане мало что поместилось. Глэдис натянула черные кожаные брюки в обтяжку, ярко-розовую шелковую блузку и черную кожаную жилетку.

В целом получилось неплохо — особенно с черными замшевыми туфельками на шпильках.

— Ну, как? — покрутилась она перед Джеком.

— Не тяни время, пошли уже! — он вскочил и направился к выходу.

В кабинете действительно было полно народу — за длинным столом сидели человек девять, все мужчины. При виде Глэдис они встали — ну, хоть воспитаны нормально! Она благосклонно кивнула и прошествовала к пустому стулу, перед которым стояли тосты и кофе.

Сразу выяснилось, что кофе недостаточно горячий, тосты чуть теплые, а джем

клубничный, но она решила не обращать внимания на все эти досадные мелочи — даже джем не попросила заменить на сливовый! — и неторопливо начала есть. Все ждали, молча глядя на нее. «Хотят посмотреть — пусть смотрят!» — подумала Глэдис и перестала обращать на них внимание.

Закончив трапезу, она аккуратно промокнула губы салфеткой и вопросительно обернулась на Джека — он подошел и молча унес поднос с посудой. То-то же!

— Миссис Четтерсон, — обратился к ней Финк, сидевший во главе стола. Глэдис возмущенно подскочила, и он быстро поправился: — То есть... мисс Делано, — она кивнула, — нам очень понравились ваши рисунки. Ваш муж, — уловив ее взгляд, он быстро добавил, — бывший... заверил нас, что обычно вы рисуете достаточно похоже на оригинал.

Он замолчал, и Глэдис почувствовала, что сейчас от нее ждут какой-то реплики.

— Благодарю за комплимент, — благосклонно мурлыкнула она.

— Мисс Делано, возникла ситуация, при которой нам может быть необходима ваша помощь, поэтому, с разрешения присутствующих, я должен частично посвятить вас в суть происходящего.

Таможенная служба совместно с ФБР проводит операцию по пресечению контрабанды необработанных алмазов из Южной Африки.

При слове «алмазы» Глэдис напряглась. Так в этих двух свертках алмазы? Вот бы их найти! Это где-то тут, в аэропорту!

— Человек, убитый вчера при вас — это пилот, переправлявший алмазы на территорию Соединенных Штатов, — продолжал Финк. — ФБР известно, что эта партия алмазов должна быть передана покупателю через неделю, но кем и где — мы не знаем. Все, что у нас есть — это ваши рисунки и ваше утверждение, что два свертка с алмазами спрятаны где-то внутри здания аэропорта. Вы — единственный человек, который видел двух членов банды. Разумеется, копии рисунков уже розданы нашим сотрудникам, но если бы вы согласились помочь нам, мы были бы вам очень признательны.

— А что я должна буду делать?

— В течение ближайшей недели вы должны будете находиться в этом здании и наблюдать за всем, что происходит в аэропорту — мы надеемся, что вам удастся заметить кого-то из них, когда они придут забирать алмазы. Вы будете под нашей охраной — в любом случае, раз они знают, где вы живете, вам сейчас опасно появляться дома...

— Мои кредитки! — вскрикнула Глэдис. Окружающие вздрогнули.

— Мы уже позаботились об этом, — вмешался фэбээровец Симпсон (Глэдис отметила, что он уже успел сменить заплеванную рубашку и выглядел вполне прилично — пятна на пиджаке, слава богу, было не видно) и объяснил: — Они отменены, и, если кто-нибудь попытается ими воспользоваться, мы его сразу арестуем.

— Но у меня не осталось ни цента! И каблук на сапоге сломан — в чем я буду ходить? И костюм почистить надо! И мне мало той одежды, что в чемодане...

И белья тоже — но об этом Глэдис не сказала, считая всякое упоминание о столь интимных предметах туалета в присутствии мужчин неприличным.

— Вам будут предоставлены определенные средства на карманные расходы и на экипировку... в пределах разумного.

Джек неожиданно фыркнул — все тут же уставились на него.

— В чем дело, Четтерсон? Вы что-то хотите сказать? — резко спросил Финк.

— Нет, сэр. Я только подумал... в пределах разумного для нас — или для нее?

Прозвучало традиционное: — «На минутку, Четтерсон» — и они, как всегда, вышли. Глэдис уже привыкла к этим паузам. Вскоре за дверь вышли еще несколько человек. Она терпеливо ждала, про себя удивляясь несобранности мужчин — неужели нельзя сначала закончить с делами, а потом уже болтать?

Они вернулись через несколько минут, с шумом подвинули стулья и сели. Финк продолжил:

— Мы имеем основания предполагать, что среди персонала аэропорта у них может быть сообщник... или сообщники. Но я сомневаюсь, чтобы эти бандиты открыли еще кому-нибудь — даже своему сообщнику — местонахождение алмазов. Слишком большая ценность. Поэтому, очевидно, за алмазами придет кто-то из них. Когда и куда — мы не знаем. Найти алмазы в здании мы сами не сможем — эти небольшие свертки пилот мог спрятать куда угодно. Так что вся надежда на вас. Вас, естественно, будут защищать круглые сутки. Для того чтобы никто ничего не заподозрил, мы уже продумали, как можно объяснить ваше пребывание в аэропорту, — он сделал долгую паузу и обвел глазами присутствующих, после чего решительно заключил: — Вы вернетесь к мужу.

— Что-о?! — вопль Глэдис заставил всех подскочить. Финк быстро и громко заговорил, не давая ей возможности вставить слово:

— Фиктивно, конечно. Всего на неделю, а может, и меньше. Тогда все будет выглядеть очень правдоподобно — он не будет отходить от вас ни на шаг и сможет вас защитить.

Глэдис уже набрала воздуха, чтобы разразиться гневной тирадой в адрес человека, выдвинувшего подобное бесчувственное и непристойное предложение, но внезапно услышала голос Джека:

— Сэр, но вы же обещали мне отпуск — с завтрашнего дня!

— Какой еще отпуск, Четтерсон? Вы что?!

— Я уже два года не был в отпуске! У меня есть свои личные планы на ближайшие две недели!

Последовало обычное: — «На минутку, Четтерсон!» — и они, в который раз, вышли. Глэдис машинально пододвинула к себе какой-то валявшийся на столе блокнот и начала чиркать карандашом по листу, обдумывая происходящее.

Значит, он не хочет? Негодяй! Два года в отпуске не был... Вот это правда, у них даже медового месяца толком не было — у него, видите ли, работа! А теперь у него «личные планы»?! Знаем мы эти «личные планы» — дылда шестифутовая без груди! Значит, для этой дуры можно, а для законной жены нельзя отпуск было попросить?

А как было бы соблазнительно гордо продефилировать по аэропорту в новых туфлях... или в новых сапогах — под ручку с Джеком. Мимо стойки Ланы! Даже если ее не будет на месте, ей тут же донесут. А он не будет иметь права никому ничего рассказать! И должен будет делать вид, что безумно счастлив — для большего правдоподобия!

И еще она получит новые сапоги... и костюм... и еще что-нибудь. И это будет жутко интересно. И можно будет говорить Джеку любые гадости — а он вынужден будет слушать и не отходить от нее ни на шаг!

К моменту возвращения мужчин Глэдис уже успела сформулировать все дополнительные требования, которые она собиралась выдвинуть — в том числе и касающиеся поведения Джека.

Вернулись они не скоро — ну сколько можно болтать?! Работать пора — контрабандистов ловить! На ходу Финк продолжал выговаривать Джеку:

— Отпуск я разрешу вам только через неделю — или раньше, если управимся. И не хочу больше ничего слышать о ваших личных планах!

Вот! Получай, голубчик! Тянувшиеся сзади мужчины ехидно улыбались — не иначе как опять похабные анекдоты травили!

Проходя мимо Глэдис, Финк случайно заглянул ей через плечо, издал какой-то странный звук и выхватил у нее блокнот. Она не поняла, в чем дело — может, там было написано что-то важное и секретное? — и обернулась, уставившись на него.

Продолжая смотреть в блокнот, Финк медленно багровел и, казалось, задыхался. Кажется, ему плохо? Почему никто не поможет пожилому человеку?! Глэдис уже хотела спросить, как он себя чувствует, но один из мужчин подошел к Финку, взглянул в блокнот и отреагировал точно так же.

Да что случилось-то? Глэдис вскочила, растолкала сгрудившихся мужиков и тоже заглянула в блокнот. О ужас! Там был изображен Джек — с козлиными ногами, хвостом и рогами — в виде черта. С обычной ухмылкой! И при этом — совсем голый!!! Со всеми анатомическими подробностями — даже несколько гипертрофированными!

Откуда это? Неужели это нарисовала она?! Да-а! Но она же машинально!

Глэдис рухнула на стул, закрыв лицо руками. О Боже, что они теперь о ней подумают!?

Открыв глаза, она обнаружила, что все по-прежнему сгрудились вокруг блокнота, но на сей раз его держал Джек. Иронически приподняв бровь и не выпуская зубочистки, он внимательно изучил портрет, обвел взглядом присутствующих — замерев, они ждали, что он скажет — и неторопливо

протянул:

— Я же говорил — рисовать, подробно передавая все детали — это единственное, что она умеет...

После этой краткой интермедии все снова расселись по своим местам.

— Итак, мисс Делано, что вы скажете? — осведомился СИМПСОН.

— Про что?

— Про наше предложение.

— А что я делаю в аэропорту, если я вернулась к мужу? — спросила Глэдис.

— Мы это уже обдумали, — вмешался Финк, — предположим, как раз когда вы вернулись, у вас дома что-нибудь случилось... скажем, с сантехникой — так некстати. Поэтому руководство аэропорта пошло навстречу вашему мужу и разрешило, в порядке исключения, вам с ним несколько дней пожить вдвоем в комнате отдыха для VIP-персон.

— Глупо... А почему не в гостинице? — поинтересовалась Глэдис.

— Глупо, но именно потому поверят, — подтвердил Финк. — Да никто и не спросит. И, я так понимаю, что вы согласны?

Глэдис задумалась. А она согласна? Как соблазнительно было бы сделать такую гадость Лане... и Джеку! Пусть эта Лана хоть несколько дней попереживает! Но...

— В комнате отдыха — ни за что! — решительно ответила она, — и у меня есть еще ряд требований. Без этого я не согласна.

— Но чем вас не устраивает комната отдыха VIP-персон?

— Там только одна кровать! Это неприлично! Я не потерплю никаких сексуальных домогательств!

— Размечталась! — донеслось сбоку.

— Вот видите, мисс Делано, мистер Четтерсон готов пообещать нам, что никаких

сексуальных домогательств не будет. Правду Джек?

— Нужна она мне! — хамски осклабился Джек.

— Итак, эта проблема решена. Какие еще у вас требования?

— Новые сапоги и костюм. Новая кредитка — если я захочу что-то купить. И чтобы никто не смел больше мне хамить! Если я вернулась к мужу, то он должен делать довольный вид, вести себя на людях нежно, любезно и предупредительно — и не говорить гадостей! А то все брошу и уйду. И чтоб никаких посторонних женщин — тут ему не гарем!

— Ну что ж — это, по крайней мере, логично. Четтерсон, вы все слышали?

— Да, сэр.

— Значит, решено! Отныне и до конца операции вам, Четтерсон, придется выполнять все эти требования. А вы, мисс Делано, должны будете снова откликаться на имя «миссис Четтерсон» — для правдоподобия. Договорились?

Да что он — с ума сошел? Она читала в журнале, что даже кошка, если ее переучивают с одного имени на другое, от стресса может облысеть!

А Глэдис за последние два года переучивалась уже дважды — сначала на «миссис Четтерсон», а потом обратно на «мисс Делано»...

Она тяжело вздохнула и угрюмо пробормотала:

— Ладно, договорились...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Весь день Глэдис была счастлива — никогда в жизни она еще так хорошо не проводила время!

Ей купили новый костюм и сапоги! Точнее, купила она сама, выбрав в фешенебельном бутике самые дорогие и модные вещи, но платил Джек — кредиткой, полученной от Симпсона. Так было еще и лучше — пускай все видят, что он осыпает ее подарками и одевает с ног до головы!

Победа Глэдис оказалась даже более полной, чем она мечтала — ей удалось прошеествовать мимо стойки Ланы целых два раза! И оба раза — под руку с Джеком! Туда — в новых туфлях и в платье с декольте — специально чтобы показать, что у нее-то, в отличие от некоторых, грудь есть. И обратно, в новых сапогах и в новом красном костюме. Джек даже расщедрился и купил ей — на свои деньги, он это специально подчеркнул! — маленькую золотую брошку на лацкан.

Всю дорогу по аэропорту он, держа Глэдис под руку, нежно шептал ей на ухо: — Смотри по сторонам! Не отвлекайся!

А она что делала?! Именно смотрела по сторонам — все ли видели ее триумф?

Правда, триумф был слегка подпорчен — Ланы целый день не было на месте — но Глэдис не сомневалась, что ей все передадут. Девицы за стойкой так вылупили глаза и подались вперед, что чуть наружу не вывалились!

Она уже и забыла, какое это удовольствие — гулять с Джеком и ловить завистливые взгляды других женщин. В каком-то журнале Глэдис однажды прочитала такую фразу: «Лучшее украшение женщины — это хорошо одетый привлекательный мужчина». Так вот, у нее такое украшение было — и пусть все завидуют. Никто же не знает, что на самом деле это подлый изменник с черной душой, и она разрешает ему к себе прикасаться только потому, что выполняет важное секретное задание ФБР. Так что пусть завидуют!

Кроме того, глядя по сторонам, Глэдис увидела нечто совершенно восхитительное — шикарный меховой жакет! Он висел в одной из витрин, весь из нежно-бежевого, шелковистого и слегка вьющегося меха — кажется, горного козла.

Никаких бандитов она, правда, не заметила, но все равно было очень здорово!

Ей оборудовали рабочее место — небольшой отдельный кабинет с удобным вращающимся креслом, пультом управления и пятью телевизорами. К сожалению, черно-белыми и без звука — зато на них было видно весь аэропорт. Джек научил ее, как можно, нажимая кнопки на пульте управления, переключаться с одной камеры наблюдения на другую, увеличивать и уменьшать изображение и крутить камерой туда-сюда. Масса удовольствия!

Обязанности Глэдис были очень простыми: если она увидит на экране кого-нибудь из бандитов, сразу же нужно сказать об этом Джеку — он сидел в соседней комнате, куда перенесли вещи из его кабинета, и занимался какими-то своими делами, а когда у нее уставали глаза, должен был гулять с ней по аэропорту. Если бы Глэдис увидела бандитов на прогулке, то тоже должна была сказать об этом Джеку — на ухо, а не вопить, это ей специально несколько раз повторили.

Кроме того, ей дали какую-то штучку с кнопкой и велели положить ее в карман. Кнопку нужно было нажать, если Глэдис увидит бандита, но почему-либо не сможет сообщить об

этом Джеку.

В конце дня начальник службы безопасности аэропорта Саймон Финк зашел в новый временный кабинет своего заместителя, чтобы убедиться, что операция проходит согласно разработанному плану.

Его заместитель, Джек Четтерсон, спокойно сидел за столом и работал, не обращая внимания на возгласы, стоны и смех, несущиеся из приоткрытой двери в соседнюю комнату — резервную мониторную. Предполагалось, что там должна была сидеть важная свидетельница и наблюдать в мониторы за происходящим в аэропорту, чтобы опознать контрабандистов.

Увидев его, Четтерсон встал. Финк устало прошел, сел, махнув рукой — денек выдался весьма суматошный, они оба практически не спали прошлой ночью — и шепотом спросил:

— Ну, как она там?

— Все в порядке, сэр. Если она увидит кого-то, то узнает — глаз у нее наметанный.

— А кем она вообще работает?

— Называет себя дизайнером. На самом деле — украшает витрины к праздникам и распродажам.

Очередной вопль, еще более громкий, заставил Финка вздрогнуть, но Четтерсон не обратил на звуки никакого внимания.

— А чего она кричит? — нерешительно спросил Финк.

— Смотрит. Видит что-то интересное — и разговаривает сама с собой. Не беспокойтесь, если она заметит кого-то нужного нам, то крик будет на порядок громче.

После очередного — уже не вопля, а визга — Четтерсон чуть повысил голос:

— Глэдис, не отвлекайся! — и добавил, обращаясь к Финку: — Это она котенка увидела — он в одном из служебных коридоров сидит. Она, когда его видит, сразу визжит.

— Вы всерьез думаете, что она справится?

— Да, сэр. Я первый час с ней сидел — учил мониторами пользоваться и проверял, чего она вопит — так она столько всего заметила, сколько вся наша служба безопасности за неделю не видит.

— То есть?

— Двух карманников — про одного я успел позвонить, задержали. Парочка занималась любовью на лестничной площадке — она это, естественно, тут же углядела. Четыре семейные ссоры. Еще парочка — целовались в зале ожидания, да так, что... словом, их тоже пришлось к порядку призвать. Ну, и по мелочи: собака-поводырь, кошка в клетке, оборвавшаяся ручка у сумки... И это все за час — потом я убедился, что она старается, и пошел работать. Если кто-то из них ей хоть на секунду на глаза попадет — она его не пропустит.

— Котенок действительно сидел в коридоре — маленький, грязный и тощий. При виде людей он тут же прятался в какую-то трубу, торчащую из стены, а потом снова вылезал и безуспешно пытался забраться в урну — наверное, хотел есть. Беленький, с темной шапочкой и темным хвостиком морковкой.

Глэдис так прониклась к нему сочувствием, что вечером, во время прогулки, уговорила Джека отвести ее в этот коридор, пообещав ему за это целых полтора часа молча сидеть и смотреть в их телевизоры. Прибыв на место, она положила рядом с трубой мелко раскрошенный кусочек шницеля, припасенный с обеда.

Обещание Глэдис выполнила — правда, большую часть этих полутора часов она

смотрела на то, как котенок ел шницель и играл с остатками. Доев, он спрятался в трубу — очевидно, пошел спать — и Глэдис почувствовала, что тоже устала.

Выйдя в соседнюю комнату, она в недоумении уставилась на Джека — он спал, положив голову на стол. Он, видите ли, нагло дрыхнет, а она работает! Усталая! Голодная!!! Правда, они обедали, но когда это было...

Глэдис немедленно решила восстановить справедливость и хлопнула дверью. Джек подскочил и оторопело уставился на нее.

— Ты чего шумишь?

— Уже десять. Я устала, я целый день работала — а ты спишь. Это нечестно, я тоже спать хочу! И есть!

— Нам особо отдыхать эти дни не придется. Пока ты будешь спать, в аэропорту будут дежурить агенты ФБР с твоими рисунками, но рисунок — это не то же самое, что живой свидетель. Так что еще часок понаблюдай — а потом уже пойдем поспим, часов до шести.

— Так мало?! — она просто ужаснулась — сил спорить уже не было.

— Ладно, до полседьмого.

Глэдис тяжело вздохнула и поплелась к телевизорам. Что делать, новый костюм и сапоги надо отрабатывать...

Ужин она получила с доставкой на место — прямо к телевизору. Правда, салат оказался невкусный, но Глэдис решила проявить великодушие и не обращать внимания на подобные досадные мелочи. Джек, как всегда, молча пялился на нее, подпирая притолоку. Внезапно, не выпуская изо рта свою вечную зубочистку, он лениво спросил:

— Какого черта ты нарисовала меня с рогами?

— Машинально, — ответила она, чуть не подавившись куском ветчины.

— Не заметила и оплевала агента ФБР, машинально приделала мне рога — кто следующий?

Дались ему эти рога... А все остальное его не интересует? И хвост, и козлиные ноги, и... Она покраснела, вспомнив прочие подробности рисунка. Джек — как всегда, бесчувственный и невнимательный — не заметил ее смущения и осведомился:

— Доела? Ну, тогда пошли спать.

По дороге к их комнате Глэдис еще раз тщательно продумала, как вести себя, если Джек, несмотря на все его обещания, все-таки начнет к ней приставать. Во-первых, быть холодной, как лед, и обдать его праведным негодованием. Насиловать ее он не полезет, а если посмеет — она тут же нажмет кнопку на их штучке, пусть потом оправдывается. И, кроме того, если он скажет хоть слово, можно будет завтра наклеузничать Финку и Симпсону, пригрозить уходом и потребовать в компенсацию морального ущерба тот самый присмотренный меховой жакет.

Добравшись до комнаты отдыха, она сняла пиджак — еще помнет! — и села на кровать, готовая дать отпор насильнику. Но Джек, как ни странно, не проявлял ни малейшего намерения вести себя по отношению к ней непорядочно. Уселся за стол и занялся какими-то неинтересными делами. Даже обидно!

Нарочито медленно расчесывая свои длинные вьющиеся иссиня-черные волосы — ему они всегда так нравились! — Глэдис искоса поглядывала на него.

Ноль внимания! Пялится себе в ежедневник и жует зубочистку! Это следовало немедленно исправить, и Глэдис капризным голосом потребовала принести второе одеяло — неприлично спать под одним, они ведь теперь совершенно посторонние люди. Джек

хмыкнул и принес требуемое из соседней комнаты.

Неподобающих мыслей ее выступление у него не вызвало...

В ванной, похвалив себя за предусмотрительность, Глэдис приняла противозачаточную таблетку — а вдруг Джек все-таки начнет домогаться ее?! В последнее время она бросила их принимать — было незачем. Те два коротких романа, которые случились у нее с тех пор, как она рассталась с Джеком, закончились, не успев начаться — неделя, не больше. Почему-то в постели с этими козлами она все время представляла себе его — очевидно, по ассоциации — и сравнивала. Убедившись, что Джек — увы! — был лучше, она месяца три назад расплевалась с последним из ухажеров и с тех пор влачила унылое, одинокое и безгрешное существование.

Выйдя из ванной, чистая, свежая и благоухающая, прикрытая только небольшим полотенцем, Глэдис проследовала к чемодану и отыскала там свою лучшую ночнушку — новую, светло-лиловую, с глубоким вырезом и кружавчиками. При этом полотенце случайно упало. Джек тут же встал и начал неторопливо раздеваться.

— Ты что?! — возмущенно выпрямилась Глэдис, не спеша подобрать полотенце. — Чего это ты раздеваешься?! Ты же обещал!

— Я не обещал лезть в душ в костюме, — невозмутимо объяснил он.

Она наконец вспомнила про ночнушку, зажатую в руке, напялила ее и залезла под одеяло — в комнате было прохладно. Джек, не оборачиваясь, погасил свет и ушел в ванную.

А волосы на груди у него все так же завиваются в смешные колечки... И цветом точь-в-точь как тот меховой жакет... Впрочем, оно и понятно — козел есть козел, неважно, горный или нет.

Дожидаясь его, Глэдис почти заснула, но, услышав скрип двери, напряглась и приготовилась к обороне... Обороняться не потребовалось — Джек просто сбросил полотенце, намотанное на талию, и плюхнулся в постель — так быстро, что Глэдис даже не успела ничего рассмотреть. Повернулся к ней спиной, буркнул: — «Спокойной ночи!» — и больше не шевелился.

И это все? Он что, и не попытается?! Как же так — она ведь уже приготовилась дать ему отпор! И даже сочинила речь, полную праведного гнева! А этот мерзкий похотливый бабник вовсе не страдает от вожделения... Почему это, интересно? Может, заболел? А на вид такой же здоровый, как раньше...

Ну чего он лежит, как колода?! Глэдис осторожно вытянула ногу и, как бы невзначай, коснулась пальцами ноги Джека. Опять никакой реакции! Она придвинулась чуть ближе... еще ближе...

— Ты опять за свое? Мы же договорились — никаких сексуальных домогательств. Спокойной ночи!

Она шарахнулась и возмущенно отодвинулась на дальний край кровати, чуть не упав. Бесчувственный болван! А она уже почти согласилась! Глэдис даже всхлипнула от обиды и возмущения.

Джек зашевелился и пробурчал:

— Ну чего ты там куксишься? Ладно уж, иди сюда.

Глэдис обернулась — он лежал лицом к ней, слегка приподняв край своего одеяла. Она даже не успела сообразить, что делает — юркнула туда и прижалась к его горячему телу, уткнувшись носом ему в шею. Он приподнял ее лицо и негромко спросил:

— Ну, что теперь? Довольна? — вздохнул и поцеловал ее, как всегда — не торопясь, но

со знанием дела.

Ее тело плавилось под его медленными, умелыми и горячими руками. Все тот же Джек — огромный, неторопливый и нежный. Никакой фантазии, никаких экспериментов, всегда одинаково — и с одинаковым результатом. Долгий, медленный и сладкий оргазм — бесконечный, какого не могло быть ни с кем, кроме него. Как полет во сне, все выше и выше, в лучах ласкового теплого солнца...

Вернувшись на землю, Глэдис почувствовала, что он все еще лежит на ней — и это было так тепло и приятно! Джек весил вдвое больше нее, но всегда умел делать как-то так, что ей под ним не было тяжело — уютно, как под толстым одеялом. При свете слабого ночника она видела его лицо — серьезное, без обычной иронической ухмылки.

Сейчас, по мнению Глэдис, ему было самое время осыпать ее лицо жгучими поцелуями и начать каяться в грехах, заверяя ее в том, что лучше нее никого на свете нет и не будет и что он еще никогда не был так счастлив.

Вместо этого Джек проявил свою обычную толстокожесть и нечуткость. Посмотрев на Глэдис несколько мгновений, он осторожно приподнялся, перевалился на спину рядом с ней и спросил непонятно-злым тоном:

— Ну какого черта, в самом деле, ты сбежала тогда? Нам же так хорошо вместе было!..

Глэдис уже собиралась возмутиться столь лицемерным вопросом — он же прекрасно знал, в чем провинился, она сама ему написала! — но неожиданно для себя залилась слезами, вспоминая тот день — самый черный день в ее жизни...

С утра ничто не предвещало катастрофы. Глэдис приехала домой в самом радужном настроении. Ей обещали новый заказ: праздничное украшение торгового зала и витрин большого супермаркета — приближалось Рождество.

Кроме того, по дороге домой она на радостях заскочила в универмаг и удачно купила на распродаже три пары колготок по цене двух.

Усевшись перед телевизором с чашечкой кофе, она стала мечтать, как похвастается Джеку своим успехом, когда вдруг зазвонил телефон. Не подозревая беды, она сняла трубку.

Женский голос — на редкость противный и ехидный — осведомился, не является ли Глэдис женой некоего Джека Четтерсона. Услышав утвердительный ответ, женщина сообщила:

— Значит, мы с вами подруги по несчастью. Я встречаюсь с ним уже целых три месяца и вот сегодня случайно узнала, что он опять связался с этой мерзавкой Ланой! Я решила сообщить об этом и вам — мы, женщины, должны поддерживать друг друга! Я согласна делить его с законной женой, но Лана — это уже слишком!

Глэдис попыталась что-то сказать, но женщина перебила ее:

— Вы мне не верите? Они сейчас едут к ней, в ее гнездышко — проверьте сами! — дала адрес и повесила трубку.

Естественно, Глэдис тут же поехала по указанному адресу. Едва она успела припарковаться неподалеку от дома Ланы, как мимо проехала машина ее мужа и остановилась у самого подъезда.

Замерев от ужаса, она своими глазами увидела, как Джек и Лана вышли из машины и прошли в подъезд, болтая и смеясь. Дальше ждать Глэдис не стала — и так все было ясно.

По дороге домой она ничего не видела от слез, и, естественно, была остановлена полицейским — проехала, видите ли, на красный свет. Да она вообще никакого светофора не видела — ей не до того было!

Дома ее ждал очередной, заключительный удар. На автоответчике оказалось сообщение — Джек наглым тоном сообщал, что у него есть срочная работа и он вернется только утром.

И еще добавил: «Не скучай!». Подлец!

Глэдис написала коротко и ясно:

«Можешь оставаться со своей «срочной работой» — видеть тебя больше не хочу. На развод подавай сам!» — в тот же вечер собрала вещи, уехала к маме — и, в результате, потеряла еще и заказ!

Все это она рассказала Джеку, всхлипывая, шмыгая носом и вытирая слезы краем подушки. Он лежал на спине, заложив руки за голову, и, казалось, внимательно слушал.

— А потом, от мамы, я позвонила Дорис, и она мне сказала, что ты снова вернулся к Лане — и это все уже знают, она сама всем хвастается! И все подруги мне звонили, сочувствовали! А ты даже на развод не удосужился подать! А теперь еще спрашиваешь... — закончила Глэдис свое печальное повествование и разразилась новым потоком слез.

Джек вздохнул, встал, принес мокрое полотенце и обтер ей лицо. Перевернул подушку сухой стороной, позвенел чем-то на столе и поднес к ее губам стакан:

— На, выпей!

Там оказалось неразбавленное бренди! Глэдис думала, что это просто вода, чтобы успокоиться — и поперхнулась от неожиданности, когда ее горло внезапно обожгло едкой жидкостью. Джек отобрал стакан и допил сам, снова лег и притянул ее к себе.

— Хватит плакать, давай-ка спи! Завтра рано вставать и много работы!

Вечно он о работе! Как будто это самое важное в жизни...

Глоток бренди, все-таки попавший в желудок, грел изнутри, Джек — снаружи, поэтому заснула Глэдис почти сразу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Она думала, что утром Джек разбудит ее нежным поцелуем — но не тут-то было! Он просто хамским образом потряс ее за плечо и объявил:

— Подъем!

Глэдис лениво открыла глаза — он был уже полностью одет и стоял, возвышаясь над ней, как башня. Какой еще подъем? Рано совсем!

— Вставай — вставай — вставай! Работы полно!

В голове у нее тут же возник коварный план — затащить его обратно в постель. Она кокетливо изогнулась всем телом и потянулась к нему обеими руками.

— Поцелуй меня!

Джек, естественно, нагнулся — и Глэдис крепко обняла его за шею, притягивая к себе и пытаясь повалить на кровать.

К сожалению, силы были несколько неравны — он просто выпрямился и выдернул ее из теплой постели, как морковку с грядки. Она повисла у него на шее, подхваченная для надежности еще и снизу — самым неприличным образом, под зад — чтобы не отцепилась и не рухнула обратно.

Донеся Глэдис до ванной, он отцепил ее, все-таки поцеловал — но совсем коротко и неинтересно — и подшлепнул по попке в сторону душа.

— Мойся! Я уже полчаса как на ногах, а тебе дал еще чуть-чуть поспать. Ничего нового пока нет, так что продолжаем работать. Тебе на завтрак как вчера — кофе, тосты и джем?

— Джем — сливовый. И кофе я люблю горячий, а не как вчера! И еще три ломтика ветчины.

— Ветчина с джемом? Это что, какая-то новая диета? — хмыкнул Джек.

Глэдис решила не обращать внимания на его грубость и иронические реплики — в конце концов, у любого человека могут быть свои недостатки. Зато любовью он занимается по-прежнему лучше всех.

Стоя под душем, она решила, что, пока они с Джеком вынуждены жить вместе, не стоит больше отказывать себе в подобном удовольствии. Но потом она гордо уйдет — прекрасная и недоступная, в новом костюме и сапогах — а может, если повезет, и в меховом жакете. А он пусть страдает и вспоминает, чего лишился...

Приняв столь ответственное решение, Глэдис сразу почувствовала себя увереннее. Она нарядилась, одела новый красный костюм — он ей ужасно понравился — но уже с другой блузкой, посмотрелась в зеркало и удовлетворенно кивнула Джеку:

— Я готова!

Придя на место, Глэдис первым делом включила телевизор и проверила — котенок был на месте, около трубы. Она вздохнула с облегчением и стала дожидаться завтрака.

На этот раз джем был сливовый, как она любила. И кофе, как положено, горячий — прямо огненный! Она с удовольствием позавтракала, вспомнив идиотский вопрос Джека. Новая диета! Много он понимает — нельзя же кормить котенка джемом! Ветчину Глэдис аккуратно завернула в салфетку и сунула в сумку.

Второй день был не хуже первого. Она поглазела в телевизор, сразу наткнувшись на интересное происшествие — маленький пудель сорвался с поводка и носился по всему аэропорту, не обращая внимания на отчаянные призывы бегавшей за ним хозяйки —

толстухи лет пятидесяти. Пуделек лаял, все отскакивали, подпрыгивали и пытались поймать его — Глэдис только успевала переключать камеры, хохоча до слез. В конце концов собачку отловили и хозяйка нежно прижала ее к груди размером с пару хороших арбузов. Глэдис на месте пуделя тоже сбежала бы от подобных объятий!

Потом они с Джеком погуляли по аэропорту, держась за руки, как настоящие влюбленные. Правда, ничего нового он ей не купил, но все равно было весело. Он даже поцеловал ее в каком-то коридоре, про который сказал, что там нет камеры и никто не увидит. Кроме того, она уговорила Джека на минутку забежать к котенку и накрошила ему (котенку, а не Джеку) припасенной ветчины.

Вернувшись в кабинет, Глэдис снова села за телевизоры. Джек прикрыл дверь, заявив, что она шумит и мешает ему работать. Его посетители, видите ли, вздрагивают от издаваемых ею звуков. Скажите, какие нервные!

Ну почему Джек не может быть всегда хорошим!? То такой ласковый, целуется — а то говорит обидные гадости. Никогда не известно, чего от него ждать! Но целуется он все равно здорово!

Ветчина котенку явно понравилась — он слопал все в один присест и снова спрятался в трубе. Коридор, где он жил, выглядел на редкость пустынным и заброшенным, люди заходили туда редко, так что смотреть там было не на что.

Она стала рассеянно переключать телевизоры, пытаясь заметить еще что-нибудь интересное.

Иногда она вообще забывала, для чего сидит здесь, и ей казалось, что она смотрит какой-то сериал — хоть не цветной и без звука, но очень интересный.

Заглядевшись на какую-то женщину в модном норковом манто, которое сидело на ней как на корове — Глэдис в этом манто смотрелась бы, разумеется, как картинка — она не сразу обратила внимание на женский голос, доносившийся из соседней комнаты.

Однако, услышав какой-то особенно резкий возглас, вздрогнула и обернулась. И Джек еще смеет нагло утверждать, что она шумит! Да он сам там непрерывно болтает и не дает ей сосредоточиться! Она уже собиралась выйти и сделать замечание, попросив их вести себя потише и не мешать ей работать, но, подойдя к двери, застыла на месте.

Это был тот самый голос, который она слышала по телефону! Или, во всяком случае, очень похожий — такой же противный. Он что, осмелился сюда притащить эту выдру?! При ней?! Да как он посмел!!!

Преисполненная благородного негодования, Глэдис уже собралась вылететь в кабинет Джека и закатить скандал, но то, что ей удалось услышать, было настолько интересно, что она тихо присела на корточки около двери, прижавшись ухом к щели, и прислушалась. Мама, правда, всегда говорила ей, что истинные леди не подслушивают под дверь, но должны же быть исключения из правил, особенно в подобной ситуации!

Эта наглая баба еще смела упрекать в чем-то Джека! И таким хамски-собственническим тоном!

— Ты болтаешься с ней по всему аэропорту! И все вокруг это видят!

— Ну и что? Это моя жена, — Джек был, как всегда, абсолютно невозмутим.

— Она от тебя ушла! Почему ты вообще до сих пор не оформил развод?

Не ее собачье дело! Глэдис настолько возмутилась, что даже пропустила пару реплик, и очнулась, только услышав голос Джека:

— Никто, кроме тебя, не мог знать в тот день, что ты попросишь меня подвезти тебя до

дома по дороге в Ла-Гардиа.

И уж тем более никто не мог знать, что ты, уже в машине, уговоришь меня зайти к тебе на минутку — выпить кофе по старой памяти и помочь тебе достать коробки с антресолей. Так кто же позвонил моей жене? Ты сказала, что забыла сумку, и попросила минутку подождать — вот тогда, небось, и успела?

Так это что, Лана? Как же так? Она что, сама позвонила ей тогда и наговорила про себя гадостей?

— А чего ты хотел? Чтобы я не попыталась ничего предпринять? Я пять лет ждала и давала тебе нагуляться, чтобы ты, наконец, дозрел до женитьбы и смог стать приличным мужем! И стоило мне уехать на пару недель, как она просто пришла и подобрала то, что плохо лежит!

— Твои сельскохозяйственные сравнения меня восхищают!

— ...Я приехала — и нате, он уже женат! Да почему ты вообще на ней женился — так, что ли, потрахаться не дала бы?

— Ты не поверишь, если я скажу, что просто влюбился...

— В нее? В этого недомерка?

Это она-то, Глэдис, недомерок? Сама каланча безгрудая! Выдра облезлая!

— Значит, ты меня подставила, — задумчиво протянул Джек, — ты знала, что она совсем молоденькая, очень влюбленная, очень доверчивая и импульсивная — и все точно рассчитала?

— Да мне все подруги про твою жену уши прожужжали, что у нее мозгов как у курицы! И тебе самому она была не нужна — стоило ей сбежать, как ты тут же вернулся ко мне и о ней больше не вспоминал. Я-то думала, что ты вот-вот разведешься и мы наконец поженимся — и тут слышу, что ты снова лижешься с этой идиоткой и болтаешься с ней под ручку у всех на глазах!

— Да, ты у нас, конечно, куда умнее и практичнее. Тебе бы и в голову не пришло отложить от обеда кусок шницеля, чтобы накормить бездомного котенка.

— Какого еще котенка?!

— Неважно. Ты все равно не поймешь.

Глэдис тоже не поняла — ну при чем тут котенок?

— Значит, она действительно решила вернуться? Или это просто очередной взбрык?

— Не знаю. Да это тебя, в общем-то, и не касается.

— Ну и оставайся со своей взбалмошной дурой!

Простучали по полу каблук — она еще и каблуки напялила: за люстру, что ли, зацепиться хочет?! — и хлопнула дверь.

Глэдис, по-прежнему сидевшая на корточках, уже хотела встать, но тут дверь распахнулась, и она, потеряв от неожиданности равновесие, плюхнулась задом на пол.

— Подслушивала, — констатировал Джек, стоя на пороге.

— А! — вякнула она — больше слов не нашлось.

— Значит, подслушивала, — со вздохом подытожил он, протягивая руку и помогая ей встать. — Ну, раз так, то глаза уже отдохнули — иди работай! Прогулка с обедом — через час.

Весь этот час Глэдис честно таранилась в телевизор — нашла даже камеру, через которую было хорошо видно стойку Ланы и убедилась, что соперница выглядит достаточно расстроенной — и страшно злилась на Джека. Почему он заставил ее уехать и страдать?!

Почему сразу не сказал, что просто доставал Лане коробку с антресолей? И какие вообще могут быть коробки в доме чужой мерзкой бабы?! И почему он потом не попытался оправдаться, объясниться и попросить прощения? Это все он виноват! И почему он сейчас не остался с ней — у нее столько вопросов! И почему не поцеловал — тут же не видно в телевизоре!

Поэтому через час, когда Джек пришел за ней, чтобы вести гулять, Глэдис выглядела обиженной и недовольной — на что он не преминул заметить:

— Чего ты надулась, как мышь на крупу?

Уж не мог повежливее спросить... И под руку не взял — она должна поспевать сзади, как отставшая собачонка! Глэдис возмущенно вскинула голову и засопела от негодования. Джек, как всегда, не отреагировал — ну что с него взять!..

Обед несколько примирил ее с суровой действительностью — Джек повел ее в ресторан. И заказал ей бифштекс с кровью! И пиво! Правда, мама всегда говорила, что истинной леди неприлично пить пиво — но оно такое вкусное и холодненькое!

Внезапно Глэдис заметила нечто интересное — еще вчера этого не было! На пальце у Джека снова появилось обручальное кольцо!

— А откуда ты его взял? — не выдержав, спросила она.

— Я его все время с собой таскал в бумажнике, — последовал невозмутимый ответ.

— Зачем?

Вот тут Джеку снова было самое время начать каяться и объяснять, что он всегда любил только ее и хранил ее кольцо, чтобы поливать его слезами в долгие одинокие ночи. Вместо этого он ухмыльнулся.

— Я про него забыл. Ладно, ты уже доела?

Бесчувственный болван!

— А десерт?! Я хочу взбитые сливки!

После ресторана они еще немного погуляли и Глэдис, наконец, удалось задать хоть часть накопившихся вопросов:

— А почему ты не объяснил мне сразу, что не виноват? Я все время думала, что у тебя есть целых две любовницы — Лана и еще одна, та, которая звонила!

— Ты мне не давала и слова сказать — сразу трубку вешала. Я вообще не мог понять, в чем дело — до вчерашнего дня.

— Я же тебе написала!

— Ты написала про срочную работу, а не про Лану.

— Но я ее закавычила!

— Ты ее — что?

— Закавычила! Ну, в кавычках поставила — чтобы ты сразу понял, что дело вовсе не в работе. Ты нарочно не заметил!

Добитый подобным аргументом, Джек, казалось, потерял дар речи, и поле боя осталось за Глэдис. Видя, что враг разбит и повержен, она продолжила допрос:

— А ты к ней сразу же вернулся, как только я уехала?

Он вздохнул и пожал плечами.

— Ну... не совсем. Так, начал встречаться иногда... через какое-то время.

— Зачем? — возмутилась она и тут же поняла всю глупость этого вопроса. Мама всегда учила ее, что у мужчин есть свои потребности, о которых не принято упоминать в приличном обществе! Но Джек ответил неожиданно серьезно:

— Сам не знаю... По привычке, наверное. Ладно, пошли работать. Ты что, весь разговор ухитрилась подслушать?

А вот это уже бестактно — спрашивать у женщины о подобных вещах. Она вообще ничего не подслушивала — просто услышала — совершенно случайно.

На обратном пути Глэдис подвела Джека к вожденной витрине и решила посоветоваться с ним — он лучше знал обстановку:

— А как ты думаешь, если я их поймаю, можно будет попросить вот этот жакет — как премию?

— Поймай сначала! — ухмыльнулся наглый невежа. Он не верит в ее способности! Ну, она ему покажет!

Глэдис села за телевизоры и рьяно приступила к работе, чтобы немедленно утереть этому маловеру нос. К сожалению, ее порыв пропал втуне — бандитов не было и в помине. Но вскоре она увидела нечто настолько волнующее, что сочла возможным все-таки побеспокоить Джека — пусть тоже посмотрит, как интересно!

Она ухитрилась заметить извращенца! Мужчина лет сорока, одетый, как выяснилось, только в плащ на голое тело, прогуливался по аэропорту и периодически демонстрировал свою персону в, так сказать, натуральном виде женщинам помоложе. Он ловил момент, когда они оставались одни, неожиданно распахивал перед ними плащ — и тут же уходил, пока они не успевали прийти в себя.

К сожалению, Джек не стал долго наблюдать, а сразу же достал свою дурацкую рацию. Через пару минут к этому типу приблизились с двух сторон охранники и попытались тихо и незаметно увести его. Глэдис даже огорчилась, что такое интересное представление закончилось слишком быстро — но самое забавное случилось в конце. Извращенец вырвался у охранников и попытался бежать, а когда его догнали, напоследок сбросил плащ — и произвел фурор!

— У вас каждый день так весело? — спросила Глэдис, когда они вечером шли кормить котенка.

Джек фыркнул.

— Ты бы лучше контрабандистов ловила — за эксгибиционистов никакого мехового жакета и близко не увидишь! И смотри по сторонам, а не на меня!

Она замолчала, надувшись. Подумаешь! И никто на него вовсе не смотрит — на него и смотреть-то нечего! Тоже мне — самовлюбленный павлин!

В конце дня их посетил Финк. Он был изысканно любезен и поинтересовался, нет ли у нее каких-либо пожеланий, замечаний и вопросов. «Какой милый и заботливый человек!» — подумала Глэдис.

— Салат на ужин второй день невкусный, мне до сих пор не вернули синий костюм в чистом виде и скоро нечего будет вообще надеть, я хочу позвонить маме, а Джек говорит, что пока нельзя, мне необходимо срочно сделать маникюр, и зачем нужно так рано вставать?! — выпалила она все, что вспомнила.

Прозвучало привычное: «На минутку, Четтерсон», и мужчины, как обычно, вышли. Впрочем, скоро они вернулись с радостным сообщением: маме Глэдис позвонить может, но не должна говорить, где находится и что произошло. Насчет маникюра нет никаких возражений, а вот вставать придется по-прежнему рано — что поделаешь, преступники могут появиться в любое время.

— Надеюсь, к вашему бывшему мужу у вас претензий нет? Он выполняет все ваши требования?

Как он может задавать леди такие вопросы?! Это просто неприлично! Глэдис слегка покраснела и, скромно потупившись, кивнула.

— Да, мистер Финк. Вполне.

Джек издал какой-то звук, похожий на икоту. К последующему ритуалу она уже привыкла: «На минутку, Четтерсон», уход, возвращение. Правда, на сей раз вернулся один Джек, придвинул к ней телефон и ехидно усмехнулся:

— Звони-звони. Давненько я про себя гадостей не слышал!

После этого он откинулся в кресле с явным намерением никуда не уходить и слушать весь разговор. Что ж — делать нечего, придется говорить прямо при нем.

— Мама?

— Глэдис? Куда ты пропала?! У тебя все в порядке? Как ты долетела? Почему тебя нет дома? Ты здорова? Как ты себя чувствуешь? Почему не отвечаешь?!

Ответить едва ли представлялось возможным — мама спрашивала, не давая вставить и слова. А тут еще Джек со своей ухмылкой — оказывается, негодяй заранее нажал какую-то кнопку на телефоне и теперь слышал из динамика весь их разговор!

— Мама!

— Вчера заходил мистер Тальбот — какой очаровательный молодой джентльмен! — и спрашивал о тебе. Он мне намекнул, что у вас вышла какая-то случайная размолвка, но, по моему, тебе стоит его простить. И почему только ты до сих пор не оформила развод?!

Глэдис украдкой бросила взгляд на Джека — тот явно заинтересовался.

— Мама...

— Почему ты мне не отвечаешь? Ты не заболела?

— Мама, у меня все в порядке! — заорала Глэдис, пытаясь хоть как-то ответить.

— А почему ты кричишь, если все в порядке? Вспомни, истинная леди должна говорить тихо и неторопливо.

Она замолчала — очевидно, чтобы перевести дух — и Глэдис удалось, наконец, вставить несколько слов, поделившись с ней самым главным:

— У меня новый костюм и сапоги! Итальянские, кожа с замшей, сбоку маленькая

золоченая пряжечка, а каблук почти пять дюймов.

— А костюм?

Мама всегда ее хорошо понимала — почти во всем, кроме одного...

— Темно-красный — не бордо, а посветлее, пиджак приталенный, с лацканами. И Джек мне еще брошку на лацкан подарил...

В этот момент Глэдис поняла, что сказала нечто лишнее — ее мать, забыв про то, как должна разговаривать истинная леди, заорала так, что трубка чуть не лопнула. Кроме того, произносимые ею слова также были весьма далеки от лексикона истинной леди.

— Что-о?! Уж не хочешь ли ты сказать мне, что снова виделась с этим вульгарным негодяем — после всего того, что он с тобой сделал? Ты же мне клялась, что ноги этого кобеля на твой порог больше не ступит! Так этот подлый бабник снова пудрит тебе мозги?

Джек, кивая с довольным видом, откинулся на спинку кресла и задрал ноги на стол. На лице его сияла ленивая наглая улыбка, с каждым новым эпитетом становившаяся все шире.

Глэдис по-прежнему не могла и слова вставить — да и не надо было. Ее мама видела Джека всего один раз, несколько часов, но с тех пор непреходящая ненависть к нему — в дополнение к качествам истинной леди — стала основной темой ее монологов:

Гебе что, член этой тexasской гориллы важнее, чем собственная гордость? Ты хочешь снова оказаться в гареме этого мерзкого подонка? Немедленно подавай на развод, слышишь?! Рони Тальбот — вот самая подходящая кандидатура для тебя, он настоящий джентльмен, а не незнамо что с зубочисткой! Пока не разведешься, я с тобой больше не разговариваю — и можешь мне не звонить! — высказав все это, она разъединилась.

Глэдис еще стояла в растерянности, зажав в руке уже ненужную трубку, когда Джек лениво встал, потянулся и ехидно заметил:

— Как приятно было после такого большого перерыва снова послушать речи истинной леди! А «член тexasской гориллы» — это просто шедевр! — и добавил свое обычное: — Ладно, иди работай — глаза уже отдохнули.

Глэдис покорно поплелась к телевизору, представляя себя в роли несчастной рабыни, которую погоняют кнутом и не дают ни секунды отдыха. Внезапно позади нее прозвучал голос Джека:

— А кто такой этот Рони Тальбот?

— Никто, — машинально ответила Глэдис, продолжая упиваться своими страданиями, — козел один паршивый, в банке работает. Когда я у мамы была, он ко мне клеился.

— И все?

— И все!

Мало ли что там было четыре месяца назад! Джеку об этом знать незачем. Он может неправильно понять, даже если она скажет ему — совершенно честно! — что в постели Рони не идет с ним ни в какое сравнение... И потом — он же тоже встречался с Ланой — сам сознался!

Вернувшись в комнату отдыха, Глэдис почувствовала себя почти дома. Повесила в шкаф костюм, переделалась в халат, простирнула белье и развесила на трубе — до утра высохнет. Угрозы матери перестать с ней разговаривать ничуть не взволновали ее — это повторялось достаточно часто.

Куда важнее было то, что Джек, едва ступив в комнату, не раздеваясь грохнулся на кровать и застыл, заложив руки за голову и глядя в потолок. Даже не посмотрел на ее новый

халат! И на то, как она его одевала...

Чтобы обратить на себя внимание этого безразличного лентяя, она в конце концов устроилась на кровати и начала медленно причесываться, искоса поглядывая на него и постепенно пододвигаясь все ближе и ближе.

Он по-прежнему тупо пялился в потолок — как будто там есть что-то более интересное! Глэдис осторожно и незаметно подтолкнула его бедром.

— Ты чего сопишь и трешься об меня, как кошка? — наконец-то соизволил заметить самовлюбленный нахал.

— А чего ты какой-то никакой?

Джек подтащил ее к себе и поцеловал — от души, с чувством. Глэдис замурлыкала от удовольствия и вцепилась обеими руками ему в шевелюру.

— Что, соскучилась? Не терпится уже?

— Размечтался! Самому не терпится!

— Вот именно!

Это был великолепный вечер! Джек превзошел самого себя — даже ввалился вслед за ней в душ и уволок в постель, прямо мокрую, не дав ей возразить ни слова. Но Глэдис была не против — совсем не против! — даже совсем-совсем не против...

Он был такой огромный и горячий и так восхитительно медленно и лениво двигался в ней... и целовал... и лучше него не было никого...

Она уже почти совсем задремала, как вдруг встрепенулась и подергала Джека за ухо — чтобы проснулся.

— Ну чего ты елозишь? Спи наконец!

— А у тебя правда никого-никого не было, когда мы с тобой были женаты?

Он зажег свет, приподнялся и удивленно посмотрел на нее, хлопая сонными глазами.

— А мы что, сейчас не женаты, что ли?

Увидев ее ошарашенный вид, Джек погасил свет и отрезал:

— Хватит этих глупостей — кажется, и так уже все ясно. Спи, завтра рано вставать.

Вот вечно он так — вместо того, чтобы поговорить... Задумавшись, Глэдис не заметила, как заснула. Во сне она почему-то видела Джека, одетого в бежевый меховой жакет — больше на нем не было ничего, кроме обручального кольца.

Утром Джек был окончательно прощен — он вел себя, как ангел... ну, или почти как ангел.

Разбудил он ее, как положено — поцелуем. Правда, он был опять уже одет и затащить его обратно в постель не удалось, но это было единственное темное пятно на его поведении. Зато он заранее пустил теплый душ и отнес ее туда — на руках, а не непочтительно подталкивая под зад.

Когда она вышла из ванной, ее ждал новый приятный сюрприз — Джек принес ее синий костюм. Чистый! Целый! Она уже и не чаяла увидеть его вновь! Глэдис решила сегодня же одеть его — для разнообразия, нельзя же три дня подряд ходить в одном и том же!

А главное — завтрак! Он ждал ее прямо в комнате! Глэдис, правда, хотела возмутиться отсутствием ветчины, но тут Джек окончательно добил ее. Ухмыляясь во весь рот, он достал из кармана две маленьких баночки мяса в желе с нарисованной на этикетке кошачьей мордочкой — специально для котенка!

Правда, удержаться от мелкого хамства ему все-таки не позволила подлая мужская натура. Глэдис только-только начала приводить себя в порядок — для него же старалась,

чтобы ему было не стыдно ее людям показать — когда он заявил:

— Ладно, хоть раз в жизни постарайся не копать — у меня сегодня полно работы!

В телевизоры Глэдис смотрела почти машинально — ей надо было как следует подумать. А в самом деле, женаты они с Джеком или нет? С одной стороны, развод до сих пор не оформлен — кстати, интересно, почему? У него что, за полгода времени не нашлось — или просто из вредности? С другой стороны, она ушла от него навсегда. Правда, он оказался не виноват — это все происки подлой и беспринципной интриганки Ланы.

Но этот мерзкий бабник все полгода встречался с Ланой! И не пытался попросить у законной жены прощения — мог бы днем и ночью дежурить под ее дверью с букетами роз, через неделю-другую она, может, и смягчилась бы. А он не стал — значит, не хотел!

А может, простить его все-таки? Он ведь не такой уж и плохой — и целуется так здорово! И может быть даже очень хорошим! Может, простить — и заняться как следует его воспитанием? Ну в самом деле, не за Рони Тальбота же замуж выходить — от этого идиота в постели вообще никакого проку нет. А Джек так хорошо все умеет... Правда, мама будет расстроена...

А почему он до сих пор не попросил ее вернуться к нему? Или он считает, что это само собой разумеется? Нет уж, пусть как следует поугovarивает — тогда она, так и быть, согласится!

Ну где же он, почему не идет уговаривать? Глэдис выглянула в кабинет Джек сидел и занимался какими-то бумажками. Неужели это важнее любимой жены?! Увидев ее, он поднял голову.

— Что, глаза устали? Ну, пошли гулять!

Поставив котенку еду, Глэдис внезапно вспомнила нечто очень важное и возвестила об этом воплем:

— А маникюр?! Мне обещали! Сегодня!

— Будет тебе маникюр, только не вопи так, — Джек даже не вздрогнул. Вот уж истинно — тюлень флегматичный!

Он и в самом деле отвел ее в маникюрный салон, дал кредитку и проинструктировал:

— Закончишь — сразу в кабинет, никаких прогулок в одиночку! Если кого увидишь...

— Сама знаю — кнопку нажать.

— Правильно, молодец, а где передатчик?

Глэдис оглянулась — а в самом деле, где эта штучка с кнопкой? В сумке, оставшейся около телевизора? Или в кармане красного костюма, который в шкафу висит?

— На, и больше не забывай! — усмехнулся Джек, доставая штучку из кармана. — Ты его еще вчера у меня на столе оставила.

Если знал — так чего спрашивал? Она схватила штучку, сердито сунула ее в карман и отвернулась от нагло ухмыляющейся рожи с зубочисткой.

Маникюр занял совсем немного времени — всего каких-нибудь полтора часа. Глэдис долго не могла подобрать цвет лака — чтобы пошло и к новому красному костюму, и к синему, и еще к розовой блузке. Потом потребовалось решить, сделать ли по ногтю золотистые точки наискосок? Или лучше серебристые? Или вообще не делать?

Зато через полтора часа, выйдя из салона — в конце концов точки сделали золотистые, но не наискосок, а уголком — Глэдис почувствовала себя почти королевой. Она пару минут колебалась, что лучше сделать — пойти посмотреть на меховой жакет или пройти около стойки Ланы во всем блеске нового маникюра и синего костюма — и, в конце

концов решив полюбоваться на жакет попозже, вместе с Джеком, неторопливой походкой прошествовала почти вплоты к стойке, украдкой поглядывая, заметила ли ее подлая соперница.

Да, несомненно, заметила — вся позеленела и перекосилась! Придя в отличное настроение, Глэдис все так же неторопливо дошла до угла, оглянулась — и уже вприпрыжку поскакала в кабинет.

До обеда все шло прекрасно. Котенку очень понравилась новая еда — он вылизал баночку, а потом начал гонять ее по коридору. Джек был любезен и предупредителен — даже принес ей шоколадку! — и не сделал бестактного замечания по поводу полутора часов, истраченных на маникюр.

Правда, не происходило ничего интересного и смотреть в телевизоры было скучновато, но это можно и потерпеть.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

После обеда Глэдис получила удар в самое сердце. Прогуливаясь с Джеком по аэропорту и пребывая в отличном настроении, она потянула его к витрине, где висел ее — точнее, уже почти ее — меховой жакет. Но еще издали она заметила нечто ужасное — его, то есть жакета, не было на месте! Вместо него на манекене нелепо болталось какое-то омерзительное пальто цвета навоза!

Она вырвалась из рук Джека, вскрикнула, подбежала к витрине и уткнулась в нее носом, шаря глазами по сторонам — может, перевесили?... Даже заскочила в магазин и спросила — ответ продавщицы был ужасен: — «Продали, мисс — еще утром продали! Нет, такой был только один».

Выйдя из магазина, Глэдис остановилась возле витрины, чувствуя себя почти осиротевшей.

Он был такой бежевенький и пушистенький! И с таким воротничком! И так бы пошел к ее новому красному костюму! И к синему тоже!..

Ее воспоминания были прерваны обычной хамской репликой:

— Может, хватит таращиться в витрину? Что ты там увидела?

Ну конечно, ему этого не понять! Она, можно сказать, почти любимого родственника оплакивает, а этому тупому болвану с зубочисткой и дела нет! Мог бы и посочувствовать родной жене! Интересно, он хоть раз занозил себе язык щепкой?

Глэдис продолжала хранить скорбное молчание, стараясь не обращать внимания на издевательства:

— Ладно, хватит торчать тут, пошли работать! Я уж было обрадовался, когда ты так понеслась — думал, что-то дельное увидела.

Вечно он об одном и том же! А зачем ей теперь работать? Все равно жакета не будет...

В телевизоры Глэдис смотрела совсем без интереса. Ничего не происходило, котенка было не видно — сплошная тоска и беспросветность.

Джек пару раз заходил, очевидно, удивившись наступившей тишине, но она продолжала безмолвно страдать.

Страдания Глэдис продолжались целый час, пока ей в голову не пришла новая ценная мысль. А что, если оставить себе немножко алмазов? Они сказали, что там их целых два свертка — никто и не заметит!

И она будет вся в бриллиантах, а эти так называемые подруги — интересно, у кого это из них повернулся язык заявить Лане, что у нее, Глэдис, мозги как у курицы?! — пусть завидуют! И она будет ходить всюду под ручку с Джеком... Может, стоит попробовать и дальше помогать ему в работе? Ведь так хорошо получается!

А женщины на него смотрят так, что ей каждый раз хочется им глаза выцарапать! Какое они имеют право, он — ее, а не их! Пусть своего найдут такого! И воспитают!

Глэдис решила немедленно воспользоваться своим правом законной любимой жены и кокетливым голосом позвала:

— Джек!

На призыв никто не появился, и она заорала что было сил:

— Дже-ек!!!

Ответом ей по-прежнему было молчание.

Она выглянула в дверь — за столом никого не оказалось!

Да как он смеет шляться незнамо где! Сказано же было — охранять ее и не отходить ни на шаг! А вдруг где-то здесь сейчас рыскают бандиты и вот-вот придут ее убивать?! Ведь у нее тут даже пистолета нет...

Глэдис пошарила глазами по сторонам — нет ли поблизости какого-нибудь оружия? Оружия не было, зато, слава богу, вернулся Джек, и она тут же обрушилась на него:

— Ты где шляешься?

— У нас там совещание — еще минимум на час. Поработай пока, а потом я тебя выгуливать поведу. Если что — жми на кнопку! И никуда не выходи!

Она тяжело вздохнула. Вот всегда так! Он — болтать, а она — работать...

Просидев у телевизора еще час, Глэдис почувствовала себя усталой и никому не нужной. И чего она тут вообще сидит? Никаких бандитов нет и в помине — небось, они забрали все свои алмазы, ещё пока фэбээровцы ее в грязи валяли! А теперь она тут зря тратит время. И Джека нет...

Чтобы хоть немножко утешиться, она нашарила камерой Лану. Вид у той был не слишком веселый — и то хорошо.

Потом привычно переключилась на котенка и обрадовалась — он играл. Обеими лапками гонял пустую мисочку от еды по коридору и носился за ней, задрав коротенький хвостик. Глэдис с умилением следила за его прыжками, пока котенок, внезапно настрожив уши, не нырнул в трубу.

Повернув камеру, Глэдис увидела женщину в комбинезоне уборщицы, которая, прихрамывая, шла по коридору. Какого черта ей здесь понадобилось? Не могла попозже придти — ребенку играть мешает!

Женщина между тем подошла к той самой трубе, встала на колени, воровато оглянулась и запустила в нее руку. И тут Глэдис поняла — эта мерзавка хочет поймать котенка! Ее котенка!!!

Забыв обо всем, она вскочила, вылетела из кабинета и понеслась по коридору. Это ее котенок! Какое они имеют право?! Ни за что! Она его кормит! Она его любит! Это ее котенок!!!

Слава богу, дорогу Глэдис уже знала наизусть! Добежав до нужного коридора, она сбавила шаг и пошла бесшумно, чтобы застучать подлую воровку на месте преступления.

Мерзавка была все там же и, стоя на коленях, продолжала шарить в трубе рукой, запустив ее туда почти по плечо. Рядом с ней на полу лежала пачка «Мальборо». Мало того, что эта стерва на ее котенка посягает, так она еще втихаря тут курить собралась?! Она что — не знает, что курить в аэропорту запрещено? Даже у нее, любимой жены, Джек сразу же отобрал сигареты и выбросил.

Стараясь ступать как можно тише, Глэдис подошла к женщине вплотную, приняла грозный вид и громко спросила:

— А что это вы тут делаете, позвольте спросить?!

Реакция была потрясающей. Женщина взвилась в воздух, забыв, что ее рука все еще запущена в трубу, потеряла равновесие, рухнула на задницу и уставилась на Глэдис, открыв рот.

Выглядела она так, словно увидела привидение, и до сих пор не верила своим глазам.

— А это еще что такое?! — Глэдис пнула ногой «Мальборо» — со злости слишком сильно. Пачка отлетела в другой конец коридора. Женщина — плотно сбитая блондинка лет

тридцати — проследила за ней выпученными глазами и снова уставилась на Глэдис все с тем же изумленным выражением лица.

Что-то в ней показалось Глэдис смутно знакомым — и очень неприятным. Подбоченясь и приняв еще более грозный вид, Глэдис решительно шагнула вперед и заорала:

— Ну-ка, вылезай немедленно из трубы! Тебе там делать нечего! Не твое — не тронь! Тоже мне!

Женщина послушно вытащила руку из трубы и вскочила, стоя в метре от Глэдис и глядя на нее все с тем же странно-испуганным выражением.

И в эту секунду Глэдис внезапно поняла, что именно ей больше всего не нравится в этой мерзкой бабе. От блондинки отчетливо пахло «Аб ово»!!!

Несколько секунд Глэдис оторопело смотрела на блондинку, пытаясь вспомнить, что же надо делать. Джек старался не зря, первой ее мыслью было: — «Кнопка!» Отступая задом наперед по коридору, Глэдис сунула руку в карман, нашарила штучку и нажала кнопку. Почему-то ничего не произошло. Она нажала снова — по идее, из-за угла тут же должны были показаться фэбээровцы во главе с Джеком и немедленно арестовать бандитку. По-прежнему — ничего. Может, сломалась?

Блондинка шевельнулась и издала какой-то нечленораздельный звук, глядя вверх ее головы. Что там такое?

Глэдис резко повернулась и внезапно увидела мужчину — высокого симпатичного брюнета с усами — который быстро шел из другого конца коридора. Ну, слава богу, первый фэбээровец уже прибежал!

Глэдис с гордым видом выпрямилась и вскинула голову, ожидая поздравлений. Интересно, а про нее напишут в газете?...

Совещание в кабинете начальника службы безопасности аэропорта было прервано самым неожиданным образом — на вделанной в стол панели замигала красная лампочка и одновременно громко и противно запищал зуммер. Все вздрогнули и замолчали. Из громкоговорителя гнусаво донеслось:

— Передатчик сработал, сэр! Объявить тревогу?

— Откуда идет сигнал? — быстро спросил Финк.

— Из служебного коридора подвального этажа западного крыла, сэр!

Напрягшийся и подскочивший при первой вспышке лампочки Джек Четтерсон медленно опустился в кресло, тяжело вздохнул и достал из кармана новую зубочистку — предыдущую он уронил от волнения. Все недоуменно уставились на него.

— Все в порядке, сэр. Это котенок.

— Какой еще котенок? Где ваша жена? Это же ее передатчик!

— Там, в служебном коридоре, сидит котенок. Она все время на него смотрит, — невозмутимо объяснил Четтерсон, — я ей обещал, что через час поведу гулять — очевидно, она не дождалась и поперлась туда сама.

— А передатчик зачем нажала? — неуверенно спросил Финк.

— Чтобы я пришел, — снова вздохнул Четтерсон.

Окружающие, уже знакомые с особенностями характера и образа мышления миссис Четтерсон, понимающе закивали и расслабились.

— Вся эта затея мне уже порядком надоела... — начал было говорить Симпсон, но в этот момент снова заработал громкоговоритель:

— Сэр, переключая на вас монитор и прошу санкции на объявление всеобщей тревоги!

Захват заложника, сэр!

Вспыхнул монитор, и всего через пару секунд кабинет превратился в бедлам.

Симпсон орал в рацию:

— Все в западное крыло! Перекрыть выходы!

Финк одновременно почему-то счел необходимым громогласно сообщить окружающим — и прежде всего Четтерсону — свое самое главное умозаключение:

— Это был не котенок, Четтерсон!

Мигала лампочка, пищал зуммер, слышался топот и голоса. Среди всего этого хаоса был неподвижен только один человек — Джек Четтерсон, который, оцепенев, какое-то время смотрел на экран монитора, словно не в силах поверить, что это происходит на самом деле. Потом, неожиданно вскочив, он бросился к двери, сшибая на своем пути пару стульев и стоявшего на дороге фэбээровца.

К этому моменту Глэдис уже понимала, что про нее, возможно, и напишут в газете, но не в том разделе, в котором бы ей хотелось.

Стоило ей обернуться к красавцу-брюнету, как она внезапно почувствовала, что ее обхватили сзади за горло, не давая шевельнуться и вымолвить хоть слово. Это все мерзкая блондинка — как и в прошлый раз! А почему этот фэбээровец ничего не делает? Почему не достает пистолет? Зачем он вообще тогда приперся сюда, если не знает, что в таких случаях положено делать?!

Брюнет тут же достал пистолет, и Глэдис почувствовала себя получше. Но вместо «руки вверх!» он неожиданно спросил:

— В чем дело?

Глэдис, лишенная возможности говорить, не могла ответить — да ответа и не требовалось. Спрашивали не у нее!

— Это та самая... — ответила блондинка, — посмотри, в синем костюме!

Причем тут ее костюм? Но брюнет явно понял, о чем идет речь, и на секунду застыл, с удивлением вглядываясь в лицо Глэдис. И, увидев эту удивленную гримасу, она наконец поняла...

Это был тот самый блондин! Он просто перекрасился и подлым образом успел отрастить усы! Да что же это такое?!

Как ни странно, Глэдис не испугалась, а разозлилась — главным образом, на Джека и фэбээровцев: как они смели подсунуть ей неисправную штучку?! И какое право имел этот блондин перекраситься — ему этот цвет совсем не идет!

— Что ты здесь делаешь? Как нас выследила? Кто еще с тобой работает?

Как всегда, когда ей задавали сразу несколько вопросов, Глэдис задумалась — на какой отвечать первым? Кроме того, говорить с зажатым горлом было весьма затруднительно.

— А! — пискнула она, извиваясь.

— Отпусти ее, — приказал брюнет (он же блондин), — и займись делом. Я с ней сам поговорю.

Глэдис с облегчением почувствовала, что на горло больше не давят.

— Так что ты здесь делаешь? — спросил брюнет.

Покосившись на зловредную блондинку, Глэдис обнаружила, что та быстро подбежала к лежащей на полу пачке «Мальборо», схватила ее и сунула в сумку, а потом снова взялась за свое — присела и начала шарить рукой в трубе. Интересно, зачем им котенок?

Брюнет неожиданно побагровел, сунул ей под подбородок дуло пистолета и рывкнул:

— Отвечай!

А про что отвечать? Что он там спрашивал? Глэдис как можно более вежливо и воспитанно — пусть видит, что имеет дело с истинной леди! — переспросила:

— Простите, вы не могли бы повторить свой последний вопрос? Я нечаянно задумалась...

— Что ты здесь делаешь?

— Живу! — с достоинством объяснила Глэдис.

— Что?

Он опять не понимает! Может, иностранец? Медленно и отдельно, как для дурачка, Глэдис повторила:

— Я здесь живу.

— Почему?

Она постаралась вспомнить, что там придумал Финк. Кажется, что-то про неисправную сантехнику? Из всех сантехнических приспособлений Глэдис вспомнила только одно, и ей — увы! — пришлось произнести это неприличное слово:

— Да вот... унитаза у меня дома сломался, — смущенно потупилась она.

— Ка... какой еще унитаза? — тихим голосом промямлил брюнет.

Сразу видно — воспитанный человек. Не вопит подобные слова на весь аэропорт — тоже слегка покраснел, как и подобает джентльмену, который в беседе с леди упоминает столь неаппетитные подробности. Вот Джек — тот не постеснялся бы произнести громко — ясное дело, никаких манер...

Потянувшись к брюнету, Глэдис интимным шепотом произнесла:

— Розовый. Итальянский. С золотистыми прожилочками.

Интересно, почему его заинтересовал цвет ее унитаза? И чего он так покраснел — аж багровый весь. Может, ему нехорошо?

Внезапно брюнет проявил себя как абсолютный хам — схватил Глэдис за воротник ее любимого синего костюма и начал трясти, потом отшвырнул к стене и рывкнул:

— Кончай издеваться, отвечай на вопросы, сука! Что ты здесь делала?!

— Вас дожидалась!

Глэдис порядком испугалась. Может, это банда сумасшедших? Что может нормальный человек иметь против розового итальянского унитаза с золотистыми прожилочками? И зачем приличному бандиту котенок?

В этот момент блондинка выпрямилась и сказала:

— Первая пачка уже у меня, а вторую не достать — глубоко очень сидит. Попробуй ты, у тебя руки длиннее.

Брюнет сунул блондинке пистолет и тоже полез в трубу. Сопя и тихо ругаясь, он явно пытался что-то нашарить. Значит, им нужен не котенок, а какая-то пачка?

Внезапно он ругнулся и вытащил из трубы еще одну пачку «Мальборо».

— Вот!

Так это что — все из-за сигарет? Как будто их нельзя купить в любом киоске! А где же алмазы?

Глэдис не заметила, как произнесла последнее слово вслух. Услышав произнесенное ею — «алмазы...» — брюнет резко обернулся.

— Откуда ты знаешь? Это он тебе сказал? Вы вместе работали?

— Да, — решила согласиться Глэдис — опасно было раздражать сумасшедшего.

— И ты теперь хочешь получить его долю?

— Да, — подтвердила Глэдис, увидев, что ее согласие несколько успокоило брюнета — он постепенно приобрел нормальный цвет и заговорил спокойнее. Блондинка тоже опустила пистолет.

— Зачем он пытался нас обмануть и не захотел сразу отдать товар?

— Не знаю, — ответ был абсолютно честным — Глэдис не знала даже, о ком идет речь. Внезапно брюнет шагнул вперед и грубо схватил ее за плечо.

— Поедешь с нами! Там поговорим.

Глэдис снова рассердилась. Да он действительно сумасшедший! Тащить ее на улицу, на дождь, неизвестно куда — в замшевых туфлях?! Они же испортятся! Она отступила на шаг.

— Никуда я не поеду!

— А я не буду здесь считать, — рявкнул брюнет, — так что если хочешь что-то получить, поедешь с нами, и все!

— Ни за что! Давайте здесь!

Что именно «давайте», Глэдис не знала сама, но требовала из чувства противоречия.

— Стерва!

— Как вы разговариваете с леди! — она шагнула вперед, выпрямившись и как можно выше вскинув голову.

— Тоже мне — леди! Небось, такая смелая, потому что подстраховалась железно, не то что этот идиот?

— Да, конечно, — кивнула Глэдис. Она решила отвечать «Да» на все вопросы, на которые не знала ответа — казалось, это успокаивало мерзкого брюнета. А ведь поначалу он показался ей таким симпатичным!

Финк и Симпсон, не отрываясь, следили за развернувшейся на экране монитора дискуссией. Слышно, естественно, ничего не было, но выглядело все это несколько необычно — пистолет уже давно был опущен и собеседники явно спорили.

Миссис Четтерсон — то есть мисс Делано, мысленно на всякий случай поправился Финк — отнюдь не выглядела испуганной, а отстаивала какие-то свои аргументы и объясняла что-то. Пытавшийся поначалу настоять на своем мужчина выглядел уже несколько ошарашенным и в конце концов махнул рукой, как бы соглашаясь.

— Что там происходит? О чем они могут говорить? — с изумлением спросил Симпсон.

— Не знаю, — откликнулся Финк. — Сам ничего не понимаю, но пока что она дала нам возможность подтянуть силы и все вокруг оцепить.

Запищала рация. Командир группы спецназа сообщил Симпсону, что Четтерсон бушует и требует немедленно спасти его жену, а не тянуть время.

— Все на местах? — спросил Симпсон.

— Да, сэр. Все оцеплено — теперь им уже не уйти.

— Проверьте еще раз и через две минуты приступайте, — приказал Симпсон. — Помните — мы не можем их снова упустить!

— Смотрите, Симпсон! — неожиданно дернул его за рукав Финк. Симпсон обернулся к экрану и замер. Происходившее там было настолько необычно, что они оба потеряли дар речи. Наконец Финк выдохнул и тихо пробормотал:

— Кажется, мисс Делано вовсе не нужно спасать...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Хорошо, получай свои шесть и проваливай! — злобно заявил несимпатичный брюнет.

— Шесть? — переспросила Глэдис в недоумении, совершенно не понимая, о чем идет речь.

Неправильно поняв ее вопрос и последовавшее за ним удивленное выражение лица, брюнет еще более злобно процедил:

— Ты и про это знаешь? Ловко работаешь! Ну, черт с тобой, восемь!

Чего шесть? И чего восемь? У Глэдис уже путалось в голове. Котята? Алмазы? Сигареты? О чем они вообще спорят? Разговор о числах напомнил ей школьный курс арифметики — кое-что все-таки запомнилось — и она сказала то, что показалось уместным в данный момент:

— Десять — круглое число.

Почему-то этот маленький урок математики снова взбесил брюнета. Он побагровел, схватил ее за лацканы пиджака и зарычал:

— Совсем оборзела, сука? Ты что, хочешь еще получить компенсацию за жизнь этого мудака? Да он и пяти долларов не стоит, не то что двух алмазов!

Хамит! И еще костюм мнет — только что свежевычищенный! Глэдис забыла правила мамы относительно поведения истинной леди и рявкнула что было сил:

— Сам мудака! Не хамя леди! Не порть костюм!

Как ни странно, на брюнета это подействовало — он отпустил многострадальный костюм, отступил на шаг, устало махнул рукой и сказал спокойным тоном:

— Девять — и ни камешком больше.

О чем он вообще говорит? Неужели об алмазах?! Он хочет дать ей алмазы? Сам? Почему? Он сумасшедший, она правильно догадалась!

— Ну, согласна? — спросил брюнет, увидев, что она задумалась.

— Да, — верная своему правилу соглашаться с ненормальными, кивнула Глэдис.

— Слава богу, наконец-то, — улыбнулся брюнет и снова стал симпатичным.

Он сунул пистолет за пояс, достал из кармана пачку «Мальборо», открыл ее и вытащил оттуда кусок ваты. Значит, там алмазы?? Как же она сразу не догадалась?! Глэдис напряженно следила за его руками — ей было страшно интересно!..

Камешки, которые брюнет высыпал на ладонь, несколько разочаровали ее — они были похожи на кусочки стекла размером с горошину и совсем не сверкали, как алмазы в ювелирном магазине — но она не сказала ему об этом, чтобы лишний раз не раздражать. Брюнет начал медленно отсчитывать, произнося вслух:

— Один... два... три... четыре...

Следя за его действиями, Глэдис даже высунула от усердия кончик языка. К сожалению, ей не удалось проследить весь счет до конца — он был прерван самым грубым образом. Внезапно со всех сторон раздался страшный рев:

— Сдавайтесь! Руки вверх! Вы окружены!

От неожиданности Глэдис взвизгнула и судорожно вцепилась в руку брюнета. Он попытался дернуться и оттолкнуть ее, чтобы выхватить пистолет, левой рукой одновременно запихивая в карман пригоршню алмазов.

Между тем блондинка, до сих пор стоявшая в нескольких шагах от них, решила помочь своему сообщнику — надо сказать, весьма неудачно. Она бросилась к ним, очевидно, намереваясь схватить Глэдис, но вместо этого поскользнулась, наступив на баночку от кошачьей еды, полетела вперед и врезалась головой в бок брюнета. Не удержав равновесия, он свалился на пол, увлекая за собой вцепившуюся в него Глэдис. Блондинка, весившая не меньше двухсот фунтов, рухнула сверху.

За те несколько секунд, что Глэдис приходила в себя после падения, в коридоре внезапно стало очень тесно и шумно. Услышав знакомые ей крики: — «Не двигаться! Лицом вниз!

Руки за голову!» — она философски подумала, что на улице это было бы куда мокрее и противнее, как вдруг увидела нечто, заставившее ее забыть обо всем...

На полу, тут и там, валялись алмазы! Очевидно, при падении они высыпались из кармана брюнета и раскатились по всему коридору. Глэдис шевельнулась, намереваясь выползти из-под чего-то тяжелого, навалившегося на нее сверху, и подобрать несколько штучек — алмазы все-таки! — но ей не дали этого сделать.

Тяжесть, давившая на спину, внезапно исчезла, и кто-то осторожно дотронулся до ее плеча.

— Мисс Делано?

Голос был вежливым, и Глэдис решила, что уже можно вставать, как вдруг раздался топот, неведомая сила подхватила ее — к сожалению, опять за костюм — и вознесла вверх.

— Ты?! Ты?! — орал Джек, тряся ее за плечи. Глэдис никогда не видела его таким возбужденным. Чего это с ним? Может, что-то не так? Даже зубочистку потерял...

Она огляделась. В коридоре набилось полно народу — десятка два мужчин, одетых весьма разнообразно, от черных мешковатых комбинезонов до элегантных костюмов с галстуками. Никого знакомого видно не было, кроме блондинки и брюнета, стоявших лицом к стене с руками, заложенными за голову.

Джек тяжело дышал и смотрел на нее оторопелым взглядом, но трясоти, наконец, перестал.

— Ты мне штучку сломанную подсунул! Она не звонила! — возмущенно заявила Глэдис.

Как ни странно, это вызвало у Джека новый приступ. Схватив ее за плечи и тряся так, что голова моталась из стороны в сторону, он дико заорал:

— Штучку?!!! Дура безмозглая! Куда одна поперлась?! Тебя же убить могли, идиотка!

Это он ей? При всех?!

И тут произошла трагедия... Внезапно раздался треск, и Глэдис отлетела к стене, больно ударившись об нее, а лацкан ее любимого синего костюма остался в руках Джека!!!

На несколько мгновений в коридоре наступило молчание. Джек, очевидно сам испугавшись содеянного, стоял, открыв рот и тупо глядя на кусок синей ткани, зажатый в руке. Окружающие, обернувшиеся на его рев, замерли.

Глэдис забыла все правила поведения настоящей леди. Слова нашлись сами, и много!

— Идиот! Мудак! Бабник! Горилла техасская! Видеть тебя больше не хочу, сволочь! Пусти! Хватит с меня, сама подам на развод, и все!

С этим последним словом она выхватила у него из рук лацкан и от избытка чувств ударила его кулаком в живот. Удар получился неожиданно удачным — Глэдис не учла разницы в росте и попала несколько ниже, в то самое место, в которое истинная леди

должна стукнуть коленом неджентльмена, чтобы избежать его излишнего внимания в некоторых ситуациях.

Джек издал какой-то сиплый звук и начал медленно багроветь и сгибаться вперед. Но Глэдис было уже все равно — она отвернулась от него и, гордо вскинув голову, захромала по коридору, разыскивая глазами куда-то запропастившуюся левую туфлю. Подобрал ее в углу, вытряхнула оттуда парочку случайно заваливавшихся алмазов, обулась и пошла дальше уже нормально.

Остановившись около вошедшего в коридор Финка, она громко наябедничала:

— А этот ваш... мистер Четтерсон приставал ко мне с сексуальными домогательствами! Каждую ночь! Вот!

Обернувшись, смерила Джека презрительным взглядом и исчезла за поворотом.

Появившийся из противоположного конца коридора Симпсон сиял от радости. Он быстро осмотрелся, отдал ряд распоряжений — по большей части никому не нужных — и почти подбежал к Четтерсону, не заметив, что тот согнулся вперед и выглядит угрюмым и молчаливым.

— Поздравляю, Четтерсон! Я уже, признаться, не верил! Но как ловко она ему не дала выхватить оружие! Ведь из-за нее без единого выстрела обошлось! Вы были несправедливы к своей жене! Она просто гениальная женщина!

От восторга по поводу удачно проведенной операции на него напала словоохотливость, он готов был облобызать весь мир.

Согнувшийся вперед Четтерсон внезапно издал странный хрип и плечи его затряслись.

— Что это с ним? Он ранен? — испуганно спросил Симпсон у подошедшего Финка.

— Не совсем, — фыркнул Финк, — просто эта гениальная женщина ему только что по яйцам врезала.

— За что?

— За несправедливость!

Звуки, издаваемые Четтерсоном, все больше напоминали сдавленный хохот. Он медленно выпрямился, все еще морщась от боли, но не в силах удержаться от смеха.

— Сэр, вы, кажется, обещали мне две недели отпуска, как только мы покончим с этим делом?

— Четтерсон, но это же не всерьез тогда было!

— Сэр, сейчас это вполне всерьез — у меня действительно есть личные планы!

Симпсон понял, что в этом споре он лишний, отошел к своим сотрудникам и отдал распоряжение увести арестованных.

Ему уже доложили, что у служебного входа в аэропорт толчется несколько репортеров уголовной хроники, поэтому он наскоро причесался, принял деловито-победоносный вид и сам возглавил процессию.

Настырные газетчики упорно требовали у него назвать имя человека, решившего исход операции, но Симпсон не считал возможным выдать служебную тайну и отделался лишь общим намеком — это спецагент, работающий под прикрытием. Зато имя человека, спланировавшего операцию и подготовившего этого суперагента, они могут опубликовать — это он, Лоренс Симпсон. Защелкали фотоаппараты, он принял гордый вид и повернулся в профиль — так он смотрелся лучше.

Через полчаса, обласканный прессой и давший парочку интервью, Симпсон вернулся в кабинет Финка и застал его одного.

— Слава богу, все закончилось, — с облегчением вздохнул он, вытянув ноги, — а где все? И эти, из таможенной службы?

— Сейчас подойдут — алмазы пересчитывают. Мы договорились через полчаса подвести итоги — а заодно поздравить нашу героиню и отправить домой.

Симпсон вспомнил и захохотал.

— Представляете, этот крашеный блондин по дороге начал высказываться в том смысле, что, мол, он легавых за версту чует — и в жизни не заподозрил бы в этой стерве агента ФБР. А когда я ему сказал, что она вообще не агент, а дизайнер, этот тип страшно обиделся — решил, что я над ним издеваюсь!

— Как думаете, ее показания понадобятся в суде? — усмехнувшись, спросил Финк.

Симпсон вздрогнул.

— Надеюсь, что нет. Не дай бог, она там начнет нести про поиски дырки в заборе...

— Да, на такой спектакль я бы специально пришел, — фыркнул Финк, — посмотреть на морду судьи!

— ...или про розовенькое яичко с пупочкой и прыскалкой... — вспомнил фэбээровец.

— Симпсон, вы гений! — неожиданно заявил Финк. — Вы подали мне прекрасную идею!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вихрем пробежав по аэропорту, Глэдис забились в то место, которое уже считала своим домом — комнату отдыха — и наконец-то дала волю слезам.

Как он мог! Как он мог! Ведь она все так хорошо сделала! И штучку нажала! И бандитов поймала! И алмазы нашла! А он!..

Порвал костюм! Тряс! Орал и обзывался при всех! Как он мог!

А ночью что твердил: — «Милая, любимая, единственная...». Как же, у этого паршивого кобеля — и единственная!

Даже бандиты вели себя лучше, чем он, и не посмели ей костюм испортить! И зачем она только нажала штучку — лучше бы взяла у них алмазы...

И никто ее даже не похвалил! И все про нее забыли! И жакета мехового не буде-е-ет...

Домой, к маме — и там на развод подавать! Немедленно!

С трудом стерев с лица слезы, Глэдис начала собирать вещи. Она разделась, тщательно сложила изуродованный синий костюм в чемодан и только тут внезапно обнаружила огромную дыру в колготках — на самом видном месте, на колене. Значит, она так в дырявых колготках по аэропорту и бежала?! И Лана это могла увидеть?!

Слезы потекли с новой силой. Почти ничего не видя перед собой, Глэдис попыталась найти в чемодане целые колготки и обнаружила, что две оставшиеся пары накрепко связаны между собой.

Зачем? Почему? Опять происки Джека?!

Денег ни цента нет... Сумка в дурацком кабинете осталась — а в ней ключи от квартиры... И позвонить никому нельзя — любая из подруг, конечно, с радостью ей поможет — а потом с не меньшей радостью разнесет эту историю по всему городу!

Есть хочется... Пить хочется... Даже привести себя в порядок нельзя — косметичка в сумке. И колготки никак не развязываются...

Может, повеситься на этих самых колготках? И пусть Джек рыдает на ее могиле... И поймет, наконец... Да, этот зарыдает — обрадуется, небось, что не надо на адвоката тратиться. Нет, такого удовольствия она им с Ланой не доставит.

А как было весело и интересно! Новый костюм с сапогами и телевизор, и прогулки по аэропорту с Джеком. И все это уже кончилось — так быстро... И она теперь никому-никому не нужна — одинокая, бездомная и нищая... И никто ее не утешает...

При мысли о своей горькой одинокой судьбе Глэдис бросила отказавшиеся развязываться колготки на пол и заплакала, уткнувшись носом в подушку.

Глэдис не знала, сколько прошло времени, прежде чем в коридоре послышались знакомые шаги и щелкнул замок. «Приперся, сволочь! — подумала она, — только его тут и ждали!».

Она решила не поднимать головы и не обращать на него никакого внимания. Но не обращать внимания было трудно — Джек нагло сел рядом (какое он имеет право, она ему не разрешала подходить к своей постели!), положил руку ей на плечо и спросил:

— Та-ак. И кто это тут у нас куксится?

Как будто он сам не видит... Всхлипнув, Глэдис дернула плечом — чтобы отвязался. Но негодяй не отвязывался — наоборот, попытался обнять и приподнять. Она на ощупь ударила локтем назад, промахнулась и, не поднимая головы, пробормотала:

— Иди отсюда, видеть тебя не хочу, верни сумку, дай двадцатку на такси и убирайся к своей Лане.

— Та-ак. Значит, меня ты видеть не хочешь?

Глэдис замотала головой.

— А его?

Он что, пришел не один? Она же без юбки и в рваных колготках! Мгновенно подскочив, Глэдис испуганно оглянулась, но, кроме Джека, в комнате никого не было. Что за идиотские шуточки? Устремив на него возмущенный взгляд, она уже готова была разразиться гневной тирадой, клеймящей подлых хамов, смеющихся издеваться над незащищенной одинокой женщиной — как вдруг подлый хам сунул руку во внутренний карман и вытащил оттуда котенка!!! Того самого, тощенького, беленького, с темной шапочкой и темным хвостиком морковкой!!!

Не веря своим глазам, она осторожно взяла котенка обеими руками и поднесла к лицу. Котенок открыл розовый ротик, пискнул — и Глэдис сразу полюбила его. Он был такой тепленький! И такой маленький! И с такими смешными зелененькими глазками!

Она забыла, что плакала, забыла про свои обиды и невзгоды — главным было не это, а то маленькое пушистое чудо, которое перебирало лапками у нее в руках. Ей захотелось разделить с кем-то эту радость, и, подняв сияющие глаза на Джека, Глэдис объяснила ему:

— Он мурлыкает!

Потом вспомнила, что все-таки обижена и что они окончательно разводятся — но сердиться, держа на руках теплое зверька, было невозможно. При одном взгляде на него хотелось улыбаться.

— Извини, что я набросился на тебя — там, в коридоре, — сказал Джек — серьезно, без обычной иронической ухмылки. — Я жутко перепугался.

Глэдис вздохнула и отвернулась — спорить и ругаться ей не хотелось. С чего это, интересно, он изволил перепугаться? Но потом все-таки не выдержала:

— Ты обзывался — при всех. А я все правильно сделала! И кнопку нажала!

— Когда я увидел, что они тебе пистолетом грозят...

— Они мне костюм не рвали! И не обзывались! Ты мне больше напакостил, чем все бандиты! — рявкнула она. — И вообще — не шуми тут, котенка напугаешь!

Джек заговорил шепотом:

— Ну прости, Глэ-эдис...

Когда он называл ее по имени, да еще со своим протяжным тexasским акцентом, она никогда не могла устоять — сердце замирало и куда-то проваливалось. Глэдис возмущенно засопела, рассердившись на саму себя — за мягкотелость и всепрощение.

Обрадовавшись, что она сердится уже меньше, Джек попытался облапить ее и поцеловать. Попытка не удалась — Глэдис изо всех сил сопротивлялась, отпихиваясь локтями и вереща:

— Пусти, изверг! Котенка раздавишь!

Он отодвинулся, понимая, что интересы котенка для нее сейчас на первом месте, и предложил компромиссный вариант:

— Давай сделаем ему теплое гнездышко и положим его пока туда — тебя все равно у Финка ждут.

— Зачем?

— Хвалить и поздравлять будут!

Глэдис с трудом согласилась отпустить с рук котенка, лично сделав ему в углу гнездышко из снятого с Джека шерстяного свитера. Сам Джек был пока что откомандирован за сумкой — и побыстрее, она же не может предстать перед людьми в таком ужасном виде!

Вернувшись, он тут же получил новое задание — распутать колготки, пока Глэдис приводит себя в порядок. Чертыхаясь, Джек принялся за дело, недоумевая, кто это их так крепко связал, и, с применением технических средств — отвертки от карманного ножа — справился минут за десять.

— То-то же! Не надо было их связывать — тогда бы не мучился! — назидательно произнесла Глэдис, натягивая колготки.

Джек, твердо уверенный, что не делал ничего подобного, хотел было высказаться по этому поводу, но потом махнул рукой — не стоило снова начинать спор из-за пустяков.

Надев красный костюм и накрасившись, Глэдис была готова к выходу. Она подошла к двери и удивленно оглянулась на Джека — обычно он подгонял ее, а тут сидел на кровати и не двигался.

— Ты чего? Пошли уже!

Неожиданно он нагнулся и достал из-под кровати большой сверток.

— На, одень. Сможешь перед всеми попижонить обновкой.

Глэдис развернула и обомлела — это был тот самый меховой жакет!

Слов не было — она стояла, открыв рот, и переводила неверящие глаза с Джека на жакет и обратно. Довольный произведенным эффектом, он счел нужным объяснить:

— Это я тебе купил — еще с утра. Хотел сюрприз сделать.

От этих слов Глэдис пришла в себя, завизжала от избытка чувств и бросилась к нему на шею. Он был прощен — полностью и окончательно. За все-за все — даже за Лану, даже за порванный костюм!

— Значит, ты с самого начала знал, что я их всех поймаю, и заранее купил! Какой ты умный! Какой ты хороший! Лучше всех! — вопила она, замолкая только на время поцелуев.

Джек благоразумно не стал опровергать ее мнение и объяснять, что жакет он купил просто по случаю примирения и что сегодняшние события были для него полнейшей неожиданностью. Пусть верит, во что хочет — лишь бы радовалась. Еще при виде ее реакции на котенка в его голове возник коварный план, который стоило обдумать. А что если... заменить ее противозачаточные таблетки на аспирин? Может, тогда ей скоро будет не до глупой ревности и сумасбродных идей?

В кабинете Финка народу было немного — человек пять, не больше. Глэдис вплыла туда и окинула всех гордым взглядом победительницы.

— Проходите, мисс Делано... — начал Финк.

— Миссис Четтерсон, пожалуйста! — гордо вскинула голову она.

Кто-то — Глэдис не поняла, кто — издал непонятный хрюкающий звук. Она проследовала к свободному стулу и села, разрешив Джеку сесть рядом и даже положить руку на спинку ее стула — заслужил, имеет право.

— Миссис Четтерсон, — снова начал Финк, — от имени руководства аэропорта, а также всех официальных организаций, участвовавших в операции, я хочу поблагодарить вас...

На секунду она отвлеклась, подумав: — «Интересно, а котенок — мальчик или девочка?» — и снова прислушалась только когда прозвучало слово «подарок».

— Итак, — вещал Финк, — на память об этом инциденте позвольте вручить вам вот это

— все как вы сказали: розовенькое яичко с пупочкой и прыскалкой!

Кто-то опять захрюкал — да что у них, эпидемия насморка, что ли?! Расцеловав Финка — кажется, Джеку это не понравилось! — Глэдис приняла подарок и хотела вернуться на место, как вдруг совершенно неожиданно услышала:

— На минутку, миссис Четтерсон!

И говорил это не кто-нибудь, а Симпсон! Наконец-то и она приобщится к этому клубу деловых людей! Как интересно!

Выйдя с Симпсоном из кабинета, Глэдис вернулась лишь через пять минут — очень довольная. Прежде всего она отыскала глазами Джека — тот явно ревновал! Отлично! Пусть помучается!

До самого возвращения в комнату отдыха Джек хранил мрачное молчание, но там уже не выдержал:

— О чем это ты, интересно, трепалась с Симпсоном?

— Да так, профессиональные дела — тебе не понять, — небрежно бросила Глэдис, допаковывая чемодан.

— Не понять? Мне — не понять?! — он поднял ее вверх на вытянутых руках.

— Пусти, хулиган! — заверещала она.

— О чем вы говорили?

— Я извинилась перед ним — за то, что плюнула на его костюм.

— И все?

— И еще он спросил, не соглашусь ли я при необходимости снова работать с ними... иногда.

— Что?!! — от неожиданности он чуть не уронил ее.

— Ну, он сказал, что я великолепно справилась и у меня, несомненно, есть способности...

— Ты ему отказала, надеюсь?

— Нет, конечно! Это же было так интересно!

Джек вздохнул, подумав, что по дороге домой нужно заехать и срочно купить аспирин, и объявил:

— А мне дали отпуск — целых десять дней. Можем, наконец, устроить медовый месяц — если хочешь, конечно!

— Хочу-хочу-хочу! — завизжала Глэдис и запрыгала на одной ножке.

— Куда поедем?

— Куда-нибудь, где принимают с котятами!

Котенок оказался мальчиком. Его назвали Панч.

Конфликт начался из-за чепухи. Впрочем, Джек часто скандалил по пустякам.

Ну подумаешь, укусили его! Ну и что?! Такому здоровенному мужику это должно быть не больнее, чем укус комара. И вообще... это же любя!!!

Глэдис тщетно пыталась объяснить ему, что у Панча наступил период раннего полового созревания. В ответ на это начались бестактные мерзкие вопли:

— Кастрирую подонка к чертовой матери! Яйца оборву!

И все это — в присутствии несчастного котика! Бедный ребенок! Он же все понимает! Он же может принять это всерьез и испугаться... И потом... разве можно так разговаривать в присутствии леди — даже если это его жена?!

Потом мерзкий скандалист Джек, нашумев и нахамив, изволил убраться на работу, а Глэдис тут же побежала на кухню утешать спрятавшегося там от хозяйского гнева Панча. Достигнуть примирения и довольного мурлыканья удалось с помощью простого средства — бифштекса, предназначенного на ужин Джеку. А этот грубиян ничего, кроме тушеных овощей, не заслужил!

За такими непростыми семейными хлопотами Глэдис чуть не забыла о самом главном: ее — лично ее! — пригласили украшать одну из самых больших рождественских елок в Нью-Йорке!

Это был колоссальный успех! Возможно, если постараться, то следующим этапом ее карьеры станет елка у мэра... а когда-нибудь — и в Белом доме! И она будет здороваться с Президентом и Первой леди! А как здорово будет заказать визитные карточки и написать там — «Глэдис Четтерсон — Дизайнер елки № 1 Соединенных Штатов»!

И вот, именно сегодня, в первый день работы, Глэдис договорилась придти к девяти часам — а сейчас уже почти восемь! А она еще не покрашена! И не одета! И даже не знает, что одеть! И Джек уже ушел, а то с ним можно было бы посоветоваться и поступить наоборот — она всегда так делала.

А все он виноват! Заморочил ей голову пустяками, не дает сосредоточиться ни на минуту — да еще третирует несчастного беззащитного котенка! Бедный запуганный Панч вторую половину бифштекса ел без всякого удовольствия...

Наскоро собравшись и одев что попало — а именно новый красный костюм с черной блузкой и черные сапоги — Глэдис ухитрилась даже почти не опоздать... ну, может, на какие-то пятнадцать минут... да и то из-за таксиста, который упорно не хотел ехать по тротуару, чтобы обогнуть пробку!

Главный администратор универмага — неприятный чопорный тип, выглядевший так, будто всю жизнь ел одни лимоны — при ее появлении скорчил рожу и посмотрел на часы. Глэдис постаралась не заметить хамской гримасы — что делать, если человек дурно воспитан... — и вежливо улыбнулась.

— Итак, я готова приступить, — сообщила она с деловито-небрежным видом профессионала.

— Прекрасно, миссис Четтерсон. Пойдемте, я покажу вам фронт работ.

Фронт работ впечатлял — это и в самом деле была очень большая елка. Почти сорок футов высотой!

Почти двадцать футов в диаметре — у основания, конечно! Глэдис замерла в

восхищении. Сколько всего там можно повесить!

Елка стояла в центре вестибюля, возвышаясь чуть ли не до потолка. Вокруг нее было поставлено невысокое ограждение в виде сказочного замка, скрывавшее ее основание.

— Мы ее специально заказывали, и нас заверили, что второй такой нет. На высоте двадцати футов есть небольшой помост, снизу его не видно — там вы сможете разложить свои инструменты. Ствол — из прочного алюминиевого сплава, главные ветки над помостом — тоже, так что вы можете не бояться свободно лазать по ним. А ниже помоста вам придется украшать с лестницы — если понадобится ее передвинуть, наши рабочие вам помогут. Все украшения и гирлянды — в ящиках у основания елки. Прошу! — и администратор элегантно жестом указал ей на елку.

— А где я могу переодеться?

— Ах, да, — вспомнил администратор и почему-то ухмыльнулся — при его кислой физиономии это выглядело несколько странно, — не знаю, предупреждали ли вас, но вам придется работать в нашем костюме. Не беспокойтесь, он вам прекрасно подойдет... и хорошо впишется в предпраздничную обстановку.

Интересно, что они там придумали? Глэдис и впрямь предупреждали, что работать придется в костюме заказчика. Наверное, фея? Или Снежная королева? А может быть, бабочка? Хотя какая может быть бабочка — на елке, зимой?!

Действительность была ужасна. Такого оскорбления ей никто еще не наносил — даже Джек! Коричневый мохнатый комбинезон на молнии с пришитой шапочкой из такого же мохнатого материала... Рукава с огромными растопыренными лапами на конце — настоящие руки надо было высовывать в незаметные прорези на запястьях... И маска... какой ужас!!!

Несколько секунд Глэдис молчала, потеряв дар речи, потом тихо спросила:

— Это что — макака?

— Шимпанзе! — радостно отозвался администратор, все так же ухмыляясь. — Вы же видите, что хвоста почти нет — а у макаки есть хвост! Будущий год — год обезьяны по восточному календарю, так что вы будете одеты вполне в духе времени. Костюм легкий и удобный, растягивается по фигуре. Вам пойдет! И посмотрите, сколько карманов! Есть даже специальный кармашек сбоку для сотового телефона!

Обезьяна с карманами... Глэдис чуть не заплакала от обиды и возмущения. Очевидно, поняв всю степень оскорбления, администратор решил подсластить пилюлю:

— Мы понимаем, что вам трудно будет весь день ходить в маске, поэтому администрация готова заплатить вам премию — еще пять... даже восемь процентов от стоимости заказа. А переодеться вы сможете в служебной раздевалке — я вам там выделю шкафчик. Ну, договорились? — увидев ее нерешительность, он вздохнул. — Ладно, премия — десять процентов. И подарочные купоны на все рождественские скидки. По рукам?

Глэдис угрюмо насупилась и пробормотала:

— По рукам...

Костюм и правда оказался неожиданно удобным — если не считать, конечно, его внешнего вида. Особенно понравились Глэдис лапы — оказалось, что это тоже карманчики на молнии, подбитые ватой! Одевшись — костюм действительно оказался как на нее сшит — она тут же распихала по карманам все свои мобильные телефоны — целых три!

Что делать — они вечно терялись, а потом находились в непонятных местах.

В конце концов с последнего гонорара Глэдис купила сразу два одинаковых аппарата.

Джек, правда, попытался ехидно и бестактно заявить ей, что хватило бы и одного — разумеется, если класть его на место — но Глэдис лучше знала, что делать. С детства она была убеждена, что мелких полезных, но вечно теряющихся предметов — ножниц, ручек, иголок и отверток — должно быть в доме много. И класть их нужно в самые разные места. Тогда проблем не будет — куда не сунешься, всегда сразу наткнешься на то, что нужно.

Вот и с телефонами было так — стоило ей купить эти два аппарата, как дома, откуда не возьмись, появились еще два — те самые, которые она до того никак не могла найти целую неделю. Так что теперь Глэдис была счастливой обладательницей сразу четырех телефонов — правда, у одного из них уже разрядилась батарея.

В вестибюле весь день клубился народ — жители Нью-Йорка готовились к Рождеству — но Глэдис было не привыкать работать в подобных условиях. Люди сновали вниз, разглядывали заманчиво украшенные витрины и лишь изредка бросали взгляд на неубранную и неинтересную пока елку. «Ну погодите, вы еще увидите, как она у меня засверкает — глаз будет не оторвать!» — снисходительно поглядывала на них Глэдис со своего помоста. Она уже разработала основную концепцию дизайна и решила применить модную в этом году красно-зеленую гамму с добавлением серебристо-белых элементов, уместных и элегантных в сочетании с любым цветом.

Работа спорилась, и до конца дня Глэдис успела сделать довольно много. Она так увлеклась, что даже не приняла на свой счет истошный вопль какого-то ребенка: «Мам, смотри, какая здоровенная обезьяна на дереве!

А чего она там делает?», и огляделась по сторонам, чтобы тоже не пропустить интересное зрелище.

Даже маску Глэдис приспособила к делу. В нее можно было засунуть телефон и разговаривать, не отрываясь от работы! Именно это она сделала, вспомнив утреннее происшествие и решив, что сейчас самое подходящее время посоветоваться с мамой.

Разговор, как всегда, начался с маминого монолога, в который бесполезно было пытаться вставить хоть слово:

— Глэдис? Куда ты пропала? Ты уже три дня не звонишь! Ты нормально питаешься? Тут снова заходил Рони Тальбот — я ему сказала, что ты, может быть, еще и разведешься. Знаешь, всегда полезно иметь на всякий случай запасной вариант... Как у тебя дела? Ты еще не подала на развод?

— Мама, я прямо не знаю, что делать...

— Что случилось? Этот бабник снова взялся за свое?

— Да нет... просто Панч сегодня опять укусил его. И это уже второй раз за месяц!

— Ну и что? Подумаешь! Не до смерти же!

— Дело не в том... Я консультировалась у ветеринара и в кошачьем клубе — и мне сказали, что у него началось половое созревание...

— По-моему, это произошло много лет назад!

Глэдис не сразу сообразила, что мама имеет в виду отнюдь не кота...

— Да нет! Я про Панча говорю! Он потому и кусает Джека!

Мама помолчала и осторожно спросила:

— У него что... неправильная ориентация?

— Нет, мне объяснили в кошачьем клубе, что он просто не знает, как выглядит настоящая кошка. А Джек отказывается завести еще и кошечку... Мне сказали, что его надо кастрировать — а я не хочу...

— Почему? Тогда ты сможешь не бояться, что он вместо работы на самом деле поехал к какой-нибудь девке!

Услышав эти слова, Глэдис поняла, что — увы! — тут понимания и полезного совета ей явно не добиться...

В конце дня, когда она уже переделалась и торопилась домой, позади внезапно раздался радостный вопль:

— Эй, мисс! Мисс! Ну, которая обезьяна!

Обернувшись, Глэдис с возмущением осознала, что обращаются к ней!

— Миссис Четтерсон, пожалуйста, — процедила она.

— Администратор просил вас завтра не опаздывать, — бойко протараторила незнакомая наглая рыжая девица, словно не заметив ледяного тона Глэдис, — а то у нас завтра укороченный день — только до пяти. А потом, с послезавтра, начинаются рождественские распродажи, и тогда вы уже сможете работать хоть до ночи!

Дома Глэдис застала умилительное зрелище. Джек и Панч помирились и спали, обнявшись, на диване! При виде нее они оба проснулись, потянулись и сделали довольные морды.

— Ну чего ты так поздно? Есть же хочется! — это, разумеется, выступил Джек — у Панча хватило бы такта сначала поздороваться, а потом уже спрашивать про еду.

— Ты же знаешь — у меня новый срочный объект! — гордо вскинула голову Глэдис. — Там еще минимум на неделю работы.

— Да? А у меня завтра выходной. И я билеты на мюзикл взял — думал, сходим...

Завизжав, Глэдис бросилась к нему на шею. Все-таки у нее самый лучший в мире муж! И можно будет надеть любимый жакет! И новые сапоги, и платье с декольте!

И все женщины будут завидовать, что у нее такой жакет и такой муж!

Расчувствовавшись, она не сразу вспомнила о страшной проблеме — самому лучшему в мире мужу не было бифштекса на ужин! Ну не отдавать же ему свой, в самом деле!

Решение пришло мгновенно — оставшийся бифштекс пойдет на ужин Панчу. А для них с Джеком можно заказать курицу — гриль. Стоит побаловать его разок — заслужил!

С урчанием умяв большую половину курицы и запив ее чуть ли не галлоном пива, Джек тоже расчувствовался и полез целоваться. Его лирическое настроение продолжалось довольно долго, часов до двух ночи — он все любил делать не спеша, но с глубоким знанием дела.

В результате утром Глэдис проснулась совершенно невыспавшаяся. Она бы вообще не проснулась до обеда, если бы Джек не разбудил ее своим обычным хамским методом — усыпил бдительность нежным поцелуем, понес, сонную и разнежившуюся, куда-то на руках — и неожиданно запихнул под холодную воду!

Глэдис завизжала и попыталась отбиться, но он, мерзко хохоча, крутил ее в руках, нагло приговаривая:

— А вот какие мы свеженькие! А вот какие мы розовенькие! А вот как мы лапками махать умеем!

Через пару минут подобного издевательства сна не было и в помине, и Глэдис с удивлением обнаружила, что вода не такая уж и холодная — чуть-чуть прохладная. Но время-то... еще только семь!!!

— Какого черта? — возопила она.

— Ты же сама просила разбудить тебя пораньше! — Джек с невинным видом захолопал

глазами.

И дернул же ее черт... С тяжелым вздохом Глэдис поплелась на кухню — заснуть уже не удастся, так что особого выбора нет — надо идти на работу.

Джек — в одном полотенце, мокрый, здоровенный и страшно довольный собственной омерзительной выходкой — приперся следом и изъявил желание позавтракать вместе с ней. Сел, вытянул слоновьи ноги и перегородил всю кухню!

Ляпнув на сковородку несколько ломтей бекона и полдюжины яиц — не будет она заботиться об этом хаме, пусть лопают холестерин! — Глэдис занялась более важным делом — кормлением Панча. Достав кусок индюшатины, она мелко порубила его, подсыпала для вкуса несколько шариков кошачьего сухого корма и выложила в мисочку.

Панч ел с удовольствием, Джек — тоже. Яичница выглядела неожиданно аппетитно, поэтому Глэдис решила пожертвовать здоровьем, а заодно спасти мужа от переизбытка холестерина и канцерогенов — и отобрала у него половину.

Позавтракав, она начала собираться на работу. На этот раз Глэдис решила предусмотреть все, а главное — позаботиться о ланче! Вчера она сидела на елке до самого вечера, к середине дня жутко захотела есть и целых полдня терпела муки голода и жажды. А слезать с дерева и идти в кафетерий в обезьяньей шкуре было невозможно — и так, пока Глэдис шла из раздевалки, один невоспитанный ребенок ухитрился дернуть ее за коричневый помпончик, приделанный вместо хвоста!

Поэтому она сделала себе два сэндвича, прихватила термос с кофе и пару шоколадок на десерт.

Кроме того, взяла любимую отвертку — маленькую, черненькую и очень изящную, которая хорошо помещалась в сумочке, и маникюрный набор — ножничками было очень удобно обрезать провода, а щипчиками — зачищать концы. Добавив к этому набору инструмента еще и японский нож, Глэдис решила, что теперь она экипирована полностью, и, уходя, бросила лениво развалившемуся на диване и уже успевшему включить телевизор Джеку:

— Я приду часов в шесть, — поцеловала Панча в пушистый затылочек и пошла трудиться.

ГЛАВА ВТОРАЯ

С самого утра ей везло — такси удалось поймать сразу же, покупателей было мало, так что удалось добраться до елки, не подвергнувшись оскорблениям — да и работа пошла гладко.

Электричества Глэдис боялась ужасно — ей всегда казалось, что ее вот-вот дернет током. Поэтому она страшно обрадовалась, когда к обеду выяснилось, что каким-то чудом вся верхушка елки уже светится и мигает так, как было задумано. И что самое приятное — при этом пробки в универмаге ни разу не перегорели!

Решив дать себе отдохнуть, она уселась на помосте, достала сэндвич и, налив кофе, приступила к трапезе, не обращая внимания на шум, стоявший в вестибюле.

Неожиданно снизу раздался столь мерзкий и оскорбительный вопль, что она чуть не ошпарилась:

— Эй ты, макака хренова, ты что, оглохла, что ли?!!

Высунув голову из веток, она возмущенно уставилась на пару грубых хамов в комбинезонах, стоявших внизу.

— Ну вот, вылезла... — сказал один другому. — А ты все кричал — мисс, мисс! — и никакой реакции! С самого начала так позвать надо было, а не чикаться!

— Чего надо? — рявкнула Глэдис.

— Лестницу — плафоны протереть. Мы ее заберем пока, а когда слезть захочешь — позвони. У меня мобильник в кармане, так я ее тебе мигом обратно приволоку.

Глэдис записала номер хама, и эти умственно отсталые деловитой рысцой потащили лестницу куда-то на второй этаж.

После ланча она собиралась закрепить утренний успех и смонтировать следующий ярус лампочек, но потом решила немножко отдохнуть — мама всегда говорила, что работать сразу после еды вредно. Кроме того, стоило поразмыслить, какими бантиками лучше маскировать проводку — беленькими или голубенькими? Наверное, все-таки беленькими...

Устроившись на боку и подложив под голову сумку, Глэдис начала обдумывать эту важную проблему и сама не заметила, как задремала...

Ей снился удивительно романтичный сон — она танцевала танго с Панчем! Музыка, правда, была бравурной и не совсем подходила для такого танца, но это не имело значения. Зато какой партнер! Ростом с Джека, в элегантном фраке с галстуком- бабочкой, Панч нежно мурлыкал ей на ухо, щекоча ее усами. Джек тоже присутствовал — ростом до колена и одетый в свое полотенце. Он путался под ногами и всячески мешал, но поняв, что это не помогает, остановился и начал издавать противные монотонные вопли.

Открыв глаза, Глэдис подумала, что все еще спит — было почти ничего не видно, но музыка продолжала играть и вопли не утихали. Лишь через несколько секунд она сообразила, что это надрывается телефон в боковом карманчике.

На ощупь вытащив его, Глэдис ответила, про себя удивившись, что так темно. Похоже, она все-таки пережгла пробки!

Голос Джека звучал крайне недовольно:

— Ты знаешь, который сейчас час?

— Нет, а что?

Это была чистая правда — часы она забыла дома...

— Уже полседьмого! Ты где?

— Не знаю...

Это тоже была чистая правда — Глэдис до сих пор спросонья не могла сообразить, где она находится.

— Да что с тобой? Мы же в театр идем!

— Сейчас, подожди! — она потрясла головой и свободной рукой ощупала все вокруг. А может, ее похитили? И усыпили?

Под рукой оказались знакомые предметы... кажется, она до сих пор была на помосте!

Глэдис подползла к краю помоста, высунула голову и огляделась. Кое-где на стенах неярко горели лампы, но даже их света ей хватило, чтобы увидеть, что в просторном вестибюле нет ни одной живой души — лишь откуда-то сверху гремела музыка. Она пошарила глазами вокруг — лестницы нигде не было!

Только теперь до нее наконец дошла ужасная истина — универмаг закрылся, все ушли она осталась одна — на высоте двадцати футов над землей!

Посидев несколько минут в полном оцепенении, Глэдис схватилась за телефон. Там никого не было! Подлец Джек повесил трубку, оставив ее одну, без помощи и сочувствия! Правда, через минуту телефон зазвонил снова.

— Где ты? Что с тобой стряслось? — слава богу, бесчувственный негодяй опомнился и вернулся!

— Я... тут... в универмаге, на елке сижу, — Глэдис толком не знала, как объяснить тяжелую ситуацию, в которую она попала.

— Так слезай и пошли в театр! Ты чего, заработалась, что ли?

— Я не могу-у. Меня забы-ыли... — всхлипнула она.

— Что значит — забыли? — тихим зловещим голосом спросил Джек. — Куда ты снова влипла?

— Я не вли-и-ипла, — Глэдис проглотила слезы, шмыгнула носом и сердито добавила: — Это все ты виноват! Я спала, вот!

— С кем?! — не менее зловещим голосом поинтересовался Джек.

— Ни с кем... на елке... нечаянно...

— Ты что, с ума сошла?! Ты что, обезьяна — на дереве спать? Тоже мне, макака выискалась!

Далась им всем эта макака... И почему именно макака?!

— Не макака, а шимпанзе, — машинально возразила она.

— Слушай, не валяй дурака, слезай со своей дурацкой елки и приезжай домой, а то мы в театр опоздаем!

— Не могу-у, — снова всхлипнула она.

— Почему?

— У меня лестницу утащили! А я заснула! А они все ушли — и универмаг закрыли! А я тут на елке сижу — одна, в темноте!

Из телефона донеслось мерзкое и бестактное ржание — только теперь Джек наконец понял, что произошло.

— Ну, ты даешь! — повторял он сквозь взрывы хохота. — Нет, это только ты могла!

— Джек, ну сделай что-нибудь!

Хохот не стихал, и Глэдис рассердилась окончательно.

— Это ты во всем виноват! А теперь еще ржешь не по делу!

— В чем это я, интересно, виноват?

— Ты мне всю ночь спать не давал! И утром разбудил ни свет ни заря! А теперь я из-за тебя в театр опаздываю!

— И что ты мне прикажешь теперь делать?

— Не знаю! Что-нибудь!

— Ладно, я тебе перезвоню, — с этими словами он отключился, оставив ее в полном одиночестве.

Минуту подумав, Глэдис вспомнила, что записала где-то телефон хама, который утащил лестницу. Найти его удалось неожиданно быстро — но безрезультатно. Противный женский голос сообщил, что абонент находится вне зоны приема и предложил позвонить попозже. Когда это — попозже? Завтра утром, что ли?

Одинокая и несчастная, она сидела на помосте, когда вдруг заметила сквозь ветки какое-то движение внизу. Высунув голову, Глэдис увидела человека, медленно идущего к боковой стеклянной двери, видневшейся в проходе между двумя витринами.

Она издала истошный, восторженно-призывный вопль. Человек огляделся, подозрительно посмотрел на потолок, откуда по-прежнему доносились звуки бравурного марша, пожал плечами и продолжил свой путь к двери. В тусклом свете настенных ламп Глэдис удалось разглядеть, что это какой-то старикашка, одетый в форму охранника — наверное, ночной сторож!

— Эй! — крикнула она.

Сторож не отреагировал.

— Э-эй! Помогите! — заорала она что есть мочи. — Я ту-ут!

На высокой ноте ее голос сорвался, и в горле невыносимо запершило. Сторож остановился, еще раз огляделся, покрутил пальцем в ухе и упрямо потащился к двери.

Глэдис попыталась заорать еще громче, но из горла донеслось лишь какое-то сипение. Зато она услышала явственный стук, доносившийся со стороны двери, к которой этот тип плелся. Наверное, это Джек! Он уже приехал и сейчас спасет ее!

Приготовившись к появлению рыцаря на белом коне — хорошо бы еще с чем-нибудь попить, а то в горле продолжало першить и зудеть — она совершенно не ожидала того, что произойдет.

Вспыхнули остальные лампы на стенах, стало светло — и внезапно вестибюль наполнился людьми. Сначала ей показалось, что ввалилась целая толпа, хотя на самом деле их было всего человек шесть. Один из них, одетый в полицейскую форму, вел перед собой сторожа, заломив ему руку за спину. Еще у троих в руках были пистолеты. Глэдис оцепенела, не понимая, что происходит.

Вся толпа сгрудилась футах в тридцати от нее. Полицейский что-то спросил — неразборчиво. Очевидно, сторож тоже не понял вопроса, потому что вытаращил глаза и громко переспросил:

— Чего?!

— Я спрашиваю — люди в универмаге есть? — заорал полицейский в ухо сторожу.

— Нет! — рявкнул сторож, явно считая, что раз он глухой, то и вокруг все плохо слышат. — Людей нет! Только три уборщицы на втором этаже туалеты моют!

При слове «туалет» Глэдис вдруг поняла, чего ей недостает в жизни — и с каждой минутой все сильнее. Полицейский махнул рукой, и два человека с пистолетами побежали по лестнице вверх.

Внезапно зазвонивший под рукой у Глэдис телефон заставил полицейского резко обернуться. Ничего не обнаружив, он слегка встряхнул сторожа, злобно зарычав:

— Как вырубить эту чертову музыку? От нее же свихнуться можно!

— Там, под лестницей, есть комнатка, где пылесосы большие стоят, которые ездят! А сбоку, справа, выключатель — так это от музыки! А который слева — этот от света! А если хочешь громче-тише сделать или там другую песню какую поставить — это на третьем этаже...

— Я не хочу громче — тише! Я хочу к чертовой матери вырубить этот вой — у меня от него уже голова трещит!

— А-а, так это там, под лестницей...

Полицейский махнул рукой, и один человек устремился к лестнице. В это время наверху появились люди, посланные за уборщицами, с добычей — тремя насмерть перепуганными всхлипывающими женщинами.

Глэдис подумала, что тут что-то не так — эти женщины никак не походили на преступниц. Да и старенький сторож выглядел вполне безобидно.

Неужели это не полицейский? Значит... значит, это бандиты! Как интересно! Как в кино, только еще интереснее, потому что по-настоящему!

Телефон снова зазвонил, и она быстро нажала кнопку.

— Ты чего не отвечаешь? — осведомился Джек.

— Тише! — сипло прошептала она и перегнулась вперед, зажав в руке телефон.

Человек, посланный под лестницу, вернулся ни солоно хлебавши — музыка продолжала греметь.

— Там же заперто! — злобно заорал псевдополицейский.

— Где? — спросил сторож.

— Под лестницей!

— Конечно, заперто! — согласился сторож.

— Какого черта? Где ключи?

— У меня. В левом кармане. Я всегда попозже выключаю, когда уборщицы заканчивают, перед тем, как на сигнализацию ставить...

Не слушая дальше, собеседник выхватил из его кармана связку ключей и кинул второму бандиту, который понесся обратно под лестницу.

Через несколько секунд музыка внезапно умолкла. Псевдополицейский вздохнул с облегчением и сказал:

— Заприте их всех под лестницей. Только общитесь как следует, чтобы у них там телефонов случайно не оказалось. И давайте, наконец, займемся делом!

При этих словах Глэдис вспомнила про Джека. Оказывается, он до сих пор не отключился и ждал!

— Джек! — прошептала она в трубку.

— Куда ты пропала?

— Тут бандиты! Не мешай, дай досмотреть, интересно же!..

— Какие еще бандиты, что ты несешь?!

— Настоящие! С пистолетами! Сторожа и уборщиц они заперли под лестницей, а сами собираются делом заняться!

— Каким делом?

— Не знаю. Вот сейчас высунуть и посмотрю — они там чего-то топают. Подожди!

Высунувшись, она увидела, как двое бандитов поднимаются по лестнице на второй этаж. Они тащили что-то тяжелое, но что — было не разобрать. Еще один сидел совсем рядом — на скамейке у ворот сказочного замка — и сверху ей хорошо было видно маленькую лысинку у него на макушке. Больше в вестибюле никого не было, лишь со стороны лестницы доносились приглушенные дверью вопли и завывания — уборщицы никак не могли успокоиться.

— Они потащили что-то на второй этаж, — доложила Глэдис в трубку. — А один прямо подо мной сидит, внизу, на скамейке.

— Глэдис, ты что, серьезно? — неуверенно спросил Джек.

— Да! — рявкнула она сиплым шепотом.

— Ты говоришь, что именно сейчас универмаг грабят?

— Я не знаю, что они там на втором этаже делают.

Пока он переваривал услышанное, Глэдис в голову пришла новая отличная идея.

— Дже-ек, — позвала она с самыми нежными и елейными интонациями — увы, по-прежнему сиплым шепотом.

— Что?

— У тебя, случайно, нет телефона Симпсона? Ну, помнишь, того, из ФБР?

— А зачем он тебе? — ревниво и подозрительно спросил Джек.

— Ну... посоветоваться.

— Я сам с ним посоветуюсь и тебе перезвоню.

— Нет! — попыталась завопить она, но этот Отелло с зубочисткой уже повесил трубку.

Звонок в кабинете специального агента ФБР Лоренса Симпсона раздался в тот момент когда он занимался важным и секретным делом — пил кофе с тортом. Именно этот торт он и должен был есть при закрытых дверях, строго соблюдая режим секретности. Дело в том, что жена посадила несчастного Симпсона на диету и пилила его за каждую съеденную калорию. Он, конечно, мог бы отъедаться на работе — но одна из подруг жены работала на этом же этаже и могла донести о его преступлении.

Поэтому Симпсон подготовился тщательно — запер дверь, налил кофе и только после этого достал из ящика стола вожаденный кусок кремового торта. Он даже успел открыть рот — но тут телефон подло забренчал.

— Специальный агент Симпсон слушает, — ответил Симпсон.

— Говорит Джек Четтерсон, — раздалось из трубки.

Это имя вызвало у агента Симпсона весьма приятные воспоминания об удачно проведенной операции.

— А-а, муж нашей очаровательной миссис Четтерсон? Рад слышать! Что нового?

После недолгого молчания мрачный голос в трубке сообщил:

— Нового то, что моя жена сейчас находится в универмаге «Додсон и Гейт» и утверждает, что там в данный момент происходит вооруженное ограбление. И я ей верю.

— Почему? — с интересом спросил Симпсон. Он хорошо помнил, что в дебрях психологии Глэдис Четтерсон разбирался только ее муж.

— Потому что она не станет опаздывать в театр ради дурацкого розыгрыша!

Глэдис сидела на елке и не знала, что делать — про нее все забыли! Даже Джек — и тот не звонил. Она попробовала позвонить сама, но у него все время было занято. Интересно, с кем это он может так долго болтать?!

Снаружи тоже ничего не происходило — бандит все так же сидел на лавочке, уборщицы завывали, но уже потише — устали, наверное, а сверху, со второго этажа, доносились какие-то странные звуки: лязг, шипение и треск.

Она чуть не подскочила от внезапного звонка телефона — таким громким он ей показался. Нажала кнопку — голос был незнакомым:

— Миссис Четтерсон? Рад вас слышать! Это специальный агент Симпсон!

— А-а, здравствуйте, мистер Симпсон! — радостно завопила Глэдис, но тут же вспомнила, где находится, и перешла на шепот: — Здравствуйте, мистер Симпсон. Сейчас, минуточку!

Она высунулась наружу и тут же спряталась, увидев, что сидевший на лавочке бандит вскочил и оглядывается по сторонам, явно не понимая, что происходит.

— Тише, сейчас!

— Что случилось?

— Я высунулась посмотреть, а он меня чуть не заметил. Сейчас!

— Миссис Четтерсон, не высовывайтесь!

— Но я же иначе ничего не вижу!

— Ну... вы можете замаскироваться как-то?

Вот что значит профессионал! Сразу дал дельный совет! Глэдис натянула на лицо обезьянью маску, пристроила под нее телефон и снова высунулась.

Бандит держал свой собственный телефон, недоуменно крутя его в руке. Подошел поближе к лестнице, откуда все еще раздавались какие-то мяукающие звуки, пожал плечами и вернулся на свою лавочку.

— Ну вот, вроде успокоился, — шепотом доложила Глэдис в трубку.

— Кто?

— Тот бандит, который на лавочке подо мной сидит.

— Миссис Четтерсон, передаю трубку вашему мужу. Он вам хочет что-то сказать.

Через секунду трубка заговорила уже голосом Джека:

— Глэдис, не волнуйся!

— Я пить хочу! У меня горло болит! — пожаловалась она. — И вообще, мне надо слезть!

— Посиди пока!

Глэдис действительно надо было слезть — удобств, необходимых ей после выпитого термоса кофе, на помосте предусмотрено не было. Но объяснять это в присутствии постороннего человека — тем более такого приятного и воспитанного, как Симпсон — она не могла.

— Что там происходит? — спросил Джек.

— Все тихо. Они все на втором этаже, а тут только один сидит.

— Подожди еще немножко — скоро ты уже сможешь слезть.

Операция должна была пройти без сучка и задоринки. Через пять минут все возможные пути отхода преступников будут перекрыты — тогда можно будет бесшумно войти в универмаг через заднюю дверь и произвести арест. Одновременно с проникновением в универмаг предполагалось также задержать подозрительный «Форд Транзит», стоявший у бокового входа. Проверка установила, что эта машина была два часа назад угнана в Куинсе.

Специальный агент Симпсон, возглавлявший операцию, был на седьмом небе. Еще бы! Он сидел в штабной машине и поедал уже второй гамбургер с картошкой! И никто не смел напоминать ему про калории!

Сама же машина, замаскированная под фургон электрокомпании, стояла с выключенными фарами возле одного из домов на площади перед универмагом — и, даже если преступникам вздумается высунуться и посмотреть, все ли в порядке, не должна была вызвать подозрений.

Единственным, что слегка портило ему настроение, была мрачная физиономия с зубочисткой, маячившая напротив. Но что делать — этот человек может оказаться полезен. Да и потом — лучше, чтобы, когда перепуганная женщина, ставшая невольной заложницей в руках преступников, будет наконец освобождена, ее смог успокоить близкий человек!

Симпсон дожевывал гамбургер и уже открыл было рот, чтобы отдать распоряжение начинать операцию — как вдруг произошло нечто непредвиденное.

Раздался визг тормозов, и прямо перед его фургоном, закрыв ему обзор, резко затормозили две машины. Из них выскочили сразу несколько человек, таща за собой какие-то приборы.

Открыв дверь фургона, чтобы понять, что происходит, Симпсон услышал нечто ужасное:

— Телевидение, первый канал! С вами сейчас Нэнси Трейер! — провозгласила наглая девица в норковой шубке, сжимавшая в руке микрофон. — Мы находимся возле универмага «Додсон и Тейт», где в данный момент происходит вооруженное ограбление. Сейчас, пока

мои коллеги устанавливают аппаратуру, я попытаюсь взять интервью у сообщников грабителей, которые ожидают своих... как говорят у них — «подельников» — снаружи.

И девица решительным шагом направилась в боковую улочку, к той самой подозрительной машине. Следом за ней волочился хвост из провода и бежали двое парней, поддерживая его и таща треногу с прожектором.

Дойдя до машины, она снова завопила в микрофон:

— А сейчас я хочу задать несколько вопросов тем, кто находится в машине! Как вы относитесь к тому, что полиция уже все знает? Не собираетесь ли вы уговорить ваших товарищей сдаться? Давно ли вы готовили это преступление?

Не выдержав этого допроса, водитель рванул с места, чуть не уронив опирающуюся на машину девицу, и скрылся в конце переулка. Ничуть не смутившись, она развернулась и бодро зашагала к Симпсону с явным намерением взять интервью хотя бы у него.

— Кто пропустил?! Откуда узнали?! — дико заорал Симпсон, к которому, наконец, вернулся дар речи. Быстро заскочив в фургон и захлопнув дверь, он прислонился к ней изнутри и, оторопело глядя на Джека Четтерсона, объяснил ему то, что и так было очевидно:

— Ну, теперь начнется...

Глэдис изнывала. Ну сколько же можно ждать, ведь обещали, что уже скоро? Чего они там копаются?!

Но все по-прежнему было тихо. Бандит, сидевший на лавочке, судя по всему, тоже заскучал — достав из кармана небольшую бутылку, он запрокинул голову и соблазнительно чем-то забулькал. Глэдис позавидовала.

И тут события начали разворачиваться настолько стремительно, что ей стало совсем не до скуки.

Неожиданно раздался шум и топот. На лестнице появились бандиты, которые горохом сыпались вниз. Выбежав в вестибюль, они замерли, озираясь и словно не зная, что делать дальше.

— Дики, вруби телевизор! — рявкнул псевдополицейский, махнув рукой в сторону огромного экрана, стоявшего в витрине.

Один из бандитов понесся туда, но, добежав, развернулся и заорал:

— А тут заперто!

— Так разбей стекло, идиот!

Бандит, названный Дики, пнул ногой витрину. Стекло не поддалось, зато он ушиб палец, запрыгал на одной ноге и злобно завопил:

— Разбей сам, если ты такой умный!

У главаря, которым, очевидно, являлся псевдополицейский, возникло новое решение:

— Сбегайте спросите у сторожа, как эту чертову витрину открыть!

Двое бандитов, толкая друг друга, понеслись под лестницу и через минуту вернулись, доложив:

— Сторож говорит: «А шут его знает!»

Обезумевший от злости главарь не нашел ничего лучше, чем направить в витрину пистолет и нажать на спуск. В гулком пустом вестибюле выстрел раздался оглушительно громко. Стекло, естественно, не выдержало — с грохотом обвалилось все разом и рассыпалось в мелкие дребезги. Это выглядело настолько эффектно, что у Глэдис появилось желание заплодировать.

Главарь приосанился, махнул рукой — и прихрамывающий Дики, вбежав в груды

осколков, включил телевизор. Длинноногая девица в коротенькой модной шубке из голубой норки заверещала на весь вестибюль:

— Итак, с вами Нэнси Трейер, первый канал. Мы по-прежнему находимся около универмага «Додсон и Тейт», где происходит вооруженное ограбление. Только что оттуда раздались два выстрела. Очевидно, преступники уже начали расстреливать заложников. А что по этому поводу думает специальный агент ФБР, возглавляющий операцию? Представьтесь, пожалуйста, телезрителям!

Камера переместилась, и на экране показался Симпсон! Выглядел он бледным и растерянным, но Глэдис сразу обратила внимание на другое: позади него, футах в пяти, с мрачным видом стоял Джек!

Он был без шапки, в расстегнутой куртке и без шарфика. А ведь она лично подарила ему красивый пушистый шарфик — бежевый, под цвет шевелюры! И снег идет! Простудится — а потом он будет ходить по дому с красным носом и чихать! Это положение немедленно следовало исправить!

Глэдис быстро набрала номер. В телевизоре Джек полез в карман за телефоном.

— Немедленно застегни куртку — простудишься, — шепотом рявкнула она, — и где твой шарф? И шапка?

— Дома забыл! — он начал было застегивать куртку, потом остановился и спросил: — А ты откуда знаешь?

— Я тебя в телевизоре вижу! Доверху застегни, как следует!

Симпсон, на переднем плане, нес что-то невразумительное:

— Пока что... э-э... мы не знаем, сколько заложников пострадало... И вообще... рано говорить о чем-то определенном...

— Скажи Симпсону, что тут все целы — это они витрину разбили, — прокомментировала его слова Глэдис.

— Зачем?

— Телевизор хотели посмотреть!

На экране Джек подошел к Симпсону и потряс его за плечо. Симпсон отстранился, продолжая что-то мямлить. Джек, явно разозлившись, схватил его и потащил куда-то в сторону.

В камере снова появилась теледевица в шубке — на сей раз на фоне универмага.

— Итак, ФБР до сих пор не знает, что происходит в универмаге. А сейчас — маленькая рекламная пауза, после чего мы снова вернемся к универмагу «Додсон и Тейт»!

На экране запрыгал какой-то мультяшный кролик, который был в восторге от новой марки растворимого кофе. Глэдис тоже была бы в восторге — ей очень хотелось пить. Хорошо еще, что не показывали рекламы чего-нибудь, связанного с туалетом!

— А может, действительно стоит... пригрозить, что мы заложников... это самое... того?... — раздалось снизу.

Она с трудом отвела глаза от телевизора. Бандиты не смотрели рекламы — струсившись в центре вестибюля, они совещались.

— А зачем их... это самое? — спросил главарь.

— Ну... в телевизоре так сказали. Они же лучше знают...

Какой-то звук, раздавшийся совсем близко, отвлек Глэдис от наблюдения. Оказывается, телефон, зажаты в ее руке, надрывался голосом Джека:

— Глэдис! Глэдис! Ну Глэдис же!

— Чего тебе?

— Ты где?

— В Майами! — будто он сам не знает, где она!

— Чего?!

— Да тут я, тут — на елке сижу.

— Даю Симпсона! — и уже другой голос: — Миссис Четтерсон?

— Да, мистер Симпсон.

— Что там у вас происходит?

— Ничего особенного. Они совещаются, расстрелять заложников или нет. Ну, скоро мне, наконец, можно будет слезть?

В трубке раздалось шепуршание. Глэдис бросила взгляд на экран — рекламная пауза уже кончилась и девица брала интервью у какого-то полицейского. На заднем плане мелькал Джек, пытавшийся отобрать у Симпсона телефон. Наконец отобрал и заорал что есть мочи:

— Сиди тихо и не вздумай высовываться! Ты что, потерпеть не можешь?!

Он еще орать смеет! Глэдис нажала «отбой» — ей не о чем было говорить с подобным грубияном! Еще раз убедившись в том, насколько права была мама, утверждая, что на мужчин ни в чем нельзя положиться, она решила действовать сама...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Глэдис уже знала, как следует обращаться с бандитами: прежде всего, если они не хамят, быть с ними изысканно вежливой — пусть видят, что имеют дело с леди.

Ну, а если хамят — тогда уж можно и ответить. Кроме того, преступники — люди нервные, и их не стоит лишний раз раздражать, так что лучше соглашаться, когда они спрашивают о чем-то непонятном. А в остальном — ничего страшного, люди как люди.

Поэтому, высунув голову из веток, она осмотрелась. Бандиты по-прежнему совещались, сгрудившись неподалеку от телевизора. Тот тип с лысинкой, который прежде сидел на лавочке, отошел к елке и, незаметно для других, снова достал свою бутылку. Но прежде, чем он успел глотнуть, Глэдис окликнула его:

— Простите, сэр!

Он оглянулся, не нашел никого поблизости, взболтнул бутылку и подозрительно уставился на нее.

— Простите, сэр, — нетерпеливо повторила Глэдис — громко говорить она все еще не могла, но, по крайней мере, издаваемые ею звуки уже напоминали нормальный человеческий голос, хотя и с хрипловатыми нотками.

На этот раз бандит вскинул голову — и замер, не говоря ни слова, с полуоткрытым ртом.

— Простите, сэр, это я вас зову. Вы не могли бы оказать мне маленькую любезность?

— Че... чего?

— Вы не могли бы помочь мне спуститься с этого дерева?

Услышав эти слова — вполне невинные и высказанные в исключительно вежливой форме — бандит медленно попятился, продолжая глядеть на Глэдис, выпучив глаза и не закрывая рот. Внезапно он сорвался с места и понесся к остальным, вопя на ходу:

— Там! Там!

Глэдис от неожиданности чуть не упала. Впрочем, это заставило ее еще раз убедиться, что преступники — существа нервные и с ними нужно обращаться с осторожностью.

Добежав до недоуменно обернувшихся и тут же выхвативших пистолеты приятелей, бандит схватил главаря за грудки и испуганно выпалил:

— Там! — обернулся и показал на елку.

— Полиция? — быстро спросил псевдополицейский.

Тип с бутылкой отчаянно замотал головой, потянулся к главарю и шепнул ему что-то, через плечо косясь на елку.

Главарь отпихнул его от себя и рявкнул:

— Какая еще... горилла?!

Казалось, эти слова вернули перепуганному бандиту дар речи.

— Здоровенная! Со мной говорила! Просила помочь спуститься!

— Да ты что, свихнулся? — тут главарь заметил бутылку, все еще зажатую в руке его подручного. — С пьяных глаз мерещится невесть что?!

— Да тут всего ничего! А там горилла!!!

Глэдис очень хотелось вмешаться в разговор, но все еще саднящее горло не давало ей возможности быть услышанной, пока они не подойдут поближе. Слава богу, главарь, кажется, снизошел до перепуганного приятеля и решительным шагом направился к елке.

— Ну, где тут твоя говорящая горилла, показывай! — бросил он, подойдя вплотную.

— Это я, только я не горилла! — обрадованно свесилась вниз Глэдис.

— А кто? — от неожиданности спросил главарь.

— Шимпанзе!

После этого на несколько секунд в вестибюле воцарилась полная тишина.

— Вы не могли бы помочь мне слезть, — попросила Глэдис, надеясь, что главарь окажется умнее остальных и поймет просьбу, высказанную простым человеческим языком.

— Зачем? — тихо спросил главарь.

Глэдис было трудно напрямую сказать, тем более мужчине, зачем ей срочно нужно было слезть. Вспомнив поучение мамы — как именно истинная леди должна говорить в подобных случаях — она, скромно потупившись, объяснила:

— Мне нужно срочно попудрить носик!

Главарь несколько мгновений тупо таращился на нее, пока не нашел ничего лучшего, чем спросить:

— А чего ты сама не слезаешь?

Снисходя к извечной мужской тупости, Глэдис терпеливо объяснила:

— Тут высоко. А лестницу унесли. На второй этаж. Плафоны протирать.

— Дики, Карсон, сбегайте за лестницей, — махнул рукой главарь и снова обратился к Глэдис. — А это у тебя маска — или ты от природы... такая?

Господи, за всеми этими хлопотами она забыла снять маску! Глэдис тут же спряталась и стащила с себя дурацкую обезьянью рожу. Достала из одного из многочисленных карманов пудреницу, осветила на себя фонариком и посмотрелась в зеркальце — все было в порядке, тушь не потекла. Поправила чуть смазавшуюся помаду и снова высунулась.

Все бандиты стояли, задрав головы вверх. Появление Глэдис было встречено тихим гулом и перешептыванием. Ей показалось, что лицо одного из мужчин ей знакомо — только непонятно, где она могла его видеть.

Двое, отряженные за лестницей, появились на верхней площадке — слава богу, не с пустыми руками. Глэдис возликовала — наконец-то!

Звонок телефона, неожиданно раздавшийся откуда-то сзади, взбесил ее. Ну сколько можно!

Если Джек не знает, что делать, пусть хоть не мешает, когда она сама все так хорошо организовала!

Обернувшись, Глэдис нашарила телефон, благополучно забытый в маске, и ответила — весьма раздраженно:

— Чего тебе надо? Отстань хоть сейчас!

— Как ты разговариваешь с родной матерью? — раздался из трубки голос, полный возмущения.

— Извини, я думала, это Джек.

— А-а, — понимающе и прощающе протянула мама — против такого тона по отношению к Джеку возражений у нее не было. — Ну, как у тебя дела? Ты знаешь, я тут подумала над твоей проблемой...

Громкий вопль — «Эй, ты!!!» — почти заглушил слабый голос в трубке. Глэдис высунулась, чтобы попросить их разговаривать потише, и обнаружила, что лестница стоит уже на месте — почти вплотную к ее насесту.

— Мама, извини, мне сейчас некогда — я тебе потом перезвоню.

— Что значит — некогда? Чем это ты там занимаешься, что у тебя нет нескольких минут для родной матери?! Я тебе не так часто звоню! И могу вообще не звонить!

Ветки раздвинулись, и между ними показалась физиономия одного из бандитов — кажется, Дики. Наверное, они удивились, куда она делась и почему до сих пор не слезает.

— Мама, мне надо идти! Меня бандиты с дерева снимают!

— Отдай телефон, ну! — рявкнул Дики. — И слезай давай!

— Отстань! — отмахнулась Глэдис. — Не видишь, что ли — я с мамой разговариваю!

Из трубки между тем доносилось:

— Какие бандиты? Какое дерево? Ты что, не в себе? Этот подлец загонит тебя в сумасшедший дом, я всегда это говорила! Разводись, пока не поздно!

— Мама, да он тут не при чем!

— Не смей его выгораживать! Это он во всем виноват! Я лучше знаю!

Глэдис на секунду задумалась — а может, Джек и правда во всем виноват? Ведь это он не дал ей спать! Воспользовавшись этим, Дики резким движением выхватил у нее телефон и приложил к уху. Послушав несколько секунд, он неожиданно побагровел, захлопнул крышку и быстро полез вниз.

Она молча последовала за ним — сейчас ей было не до хамской выходки с телефоном. Пусть забирает, если ему так надо — у нее еще есть! Услышала снизу:

— Карсон, запри ее вместе с остальными! — и ехидное: — А ты перепугался — горилла, горилла!

Что значит — запри вместе с остальными?! Ей же надо... попудрить носик! Спорить с нечуткими людьми на столь деликатную тему Глэдис не хотелось, поэтому она поступила просто — в паре футов от земли внезапно спрыгнула с лестницы и быстро побежала в нужном направлении, не обращая внимания на донесшийся сзади свист и вопль:

— Стой! Куда?!

Позади раздался топот — она увеличила скорость и заскочила в маленький неприметный коридорчик. Даже без света она знала, что в конце, справа, находится заветная дверь.

Минут через пять, стоя в туалете у большого зеркала, Глэдис чувствовала себя почти на седьмом небе. Почти — потому что еще хотелось кофе.

Бандиты, судя по всему, до сих пор искали ее. Они даже включили свет во всем универмаге! Это оказалось очень кстати — а то в темноте неудобно было поправлять прическу и подкрашивать ресницы.

Глэдис уже заканчивала приводить себя в порядок — оставалось только растушевать тени, чтобы придать интересный блеск глазам — как вдруг услышала за дверью голоса:

— Еще тут обыскать надо! Ты — направо, я — налево...

— Сам направо иди! Это же бабский сортир, ты что, сдурел?!

— Давай туда педика пошлем!

И тут же вопль:

— Эй, рыжий! Иди сюда, дело есть!

Глэдис решила, что прятаться бесполезно, и вышла в коридор. Бандитов было трое — Дики, еще один, со шрамом на щеке, по-прежнему почему-то казавшийся ей смутно знакомым, и рыжий симпатичный парень лет тридцати с длинными волосами, завязанными сзади в «хвостик», и выщипанными бровями.

— Да вот же она! — заявил рыжий, первым заметив ее.

Остальные двое обернулись, и Дики, выхватив пистолет, рявкнул:

— А ну пошли! Спряталась тут!

Глэдис пожала плечами — не будет же она объяснять этому хаму, что вовсе не пряталась! — и пошла к выходу.

В ярко освещенном пустом вестибюле шаги звучали как-то особенно гулко. Уже издали она увидела, что остальные бандиты сгрудились у телевизора и, как замороженные, уставились в него.

— Поймали, — заорал кто-то из ее конвоиров. — В сортире пряталась!

Главарь, не оборачиваясь, махнул рукой и замер, вслушиваясь в слова комментатора — на сей раз мужчины, который патетическим голосом вещал:

— Мы до сих пор не знаем, какова судьба несчастных заложников, сколько их и что они сейчас чувствуют. Возможно, кого-то из них уже нет в живых... Над зданием универмага застыло зловещее молчание. Ни полиция, ни ФБР не решаются начать штурм, хотя части спецназа уже прибыли на место — ведь могут пострадать невинные люди! До сих пор бандиты не выдвинули никаких требований — в том числе и политических. Они выжидают. Чего? Этот вопрос мы хотим задать известному политологу и социологу, профессору...

Главарь отмахнулся, убавил звук и обернулся, чтобы взглянуть на пленницу. Под этим пристальным взглядом Глэдис почувствовала себя неудобно и подняла руку, чтобы поправить прическу.

Теперь ей удалось рассмотреть его получше. Высокий, с темными выразительными глазами — так посмотришь и не подумаешь, что бандит... Вблизи сразу видно, что не настоящий полицейский — уж больно форма на нем отглаженная, новенькая и чистенькая. Тот, который в последний раз придрался к Глэдис за неразрешенный поворот (а что делать, если ей было надо именно в ту улицу?!), выглядел куда более зачуханным — а он-то точно был настоящим!

— Ты кто такая? — выждав паузу, неожиданно рявкнул главарь.

— В каком смысле? — поинтересовалась Глэдис.

— Чего в обезьяну вырядилась?

— Для рекламы. Будущий год по восточному календарю — год обезьяны, и вот...

— А чего на елке делала? — перебил ее объяснения бандит. К сожалению, хорошим воспитанием эти люди не отличались — Глэдис поняла это уже давно и старалась просто не обращать внимания на их хамские выходки.

— Украшала ее к Рождеству.

— В темноте?! — не поверил главарь.

— Я спала, когда свет выключили.

— Зачем — спала?

Вопрос, по мнению Глэдис, был совсем идиотский, но она ответила и на него:

— Устала. Спать очень захотелось.

— Издеваешься? — тихо, даже как-то устало спросил главарь.

Глэдис старательно замотала головой, для большей убедительности вытаращив глаза. Этот бандит оказался каким-то особенно нервным и недоверчивым — даже простой и честный ответ поверг его в уныние. Наверное, лучше будет вообще помолчать — или, может, предложить ему патентованные таблетки от депрессии? У нее в сумочке была целая упаковка, купленная на всякий случай — после увиденной по телевизору рекламы.

При мысли о телевизоре Глэдис машинально бросила взгляд на экран — зрелище,

увиденное там, повергло ее в шок и лишило дара речи. Зануда-комментатор по-прежнему что-то бубнил, но не это было главное. На втором плане хорошо был виден Джек — и не один!

Этот подлый потаскун уже нашел себе занятие — он бесстыдно обнимался с давешней длинноносой теледевицей в шубке из драной крысы! Ну, еще не совсем обнимался — но уже почти начал! Во всяком случае тощая лапка мерзавки лежала на отвороте его куртки — и ее муж, которого Глэдис до сих пор считала порядочным человеком, не отстранялся в праведном негодовании. И даже наклонил голову, прислушиваясь к глупостям, которые эта нахалка несла, закатывая подлые прищуренные глазки! Тоже мне, нашел красавицу! И как это она в телевидение пробралась — с ее-то кривыми ногами?!!

Все эти мысли пронеслись в голове Глэдис в мгновение ока. Через секунду она уже обернулась и, сжав кулаки, шагнула к Дики.

Спецзадание для истинной леди

— Где мой телефон? — спросила она страшным голосом.

Бандит почему-то попятился.

— Дай сюда немедленно!

— Хватит этого обезьяньего цирка, заprite ее вместе с остальными, и будем думать, что делать дальше, — услышала Глэдис голос главаря. Ее схватили за плечо, развернули и подтолкнули в сторону лестницы.

Глэдис решила, что сопротивляться не стоит. Звонить Джеку при таком скоплении народа — учитывая все, что она собиралась ему сказать! — было как-то не совсем удобно. Поэтому она покорно проследовала в комнатку под лестницей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Войдя в помещение, Глэдис увидела три пары испуганных глаз, уставившихся на нее из угла. Три — потому что сторож, удобно устроившийся на сидении пылесосной машины, похрапывал, уронив голову на руль.

Уборщицы — одна пожилая и две помоложе — тесной кучкой сидевшие на полу, выжидательно уставились на Глэдис, очевидно предполагая, что она присоединится к компании. Но ей сейчас было не до знакомств — она кипела от негодования.

Пройдя в дальний угол — истинная леди не устраивает семейных сцен на людях — она достала из правой лапы телефон и набрала знакомый номер.

Ответили ей почти сразу, и Глэдис тут же ринулась в бой:

— Ты что считаешь — раз меня рядом нет, можно так себя вести?! — произнесла она хриплым гневным шепотом.

— Это только первый гамбургер, дорогая! И вообще... он диетический, — раздалось в ответ. Голос был виноватый — но явно не Джека.

— Алло? — осторожно произнесла она, не понимая, куда попала.

На той стороне наступило молчание. Глэдис уже хотела набрать номер заново и тут услышала в трубке очень неуверенное:

— Мисс Делано... то есть миссис Четтерсон?

Подумав про себя, что если так пойдет и дальше, то ей скоро снова придется стать мисс Делано, Глэдис отозвалась:

— Мистер Симпсон? А где Джек?

— Миссис Четтерсон, что с вами? Почему вы не звоните? У вас все в порядке? Мы боялись вам звонить, чтобы не привлечь внимание бандитов...

Нет, ну явно зубы заговаривает... Это и есть их так называемая мужская солидарность! Но ее не проведешь!

— Где Джек? — спросила она железным тоном.

— Сейчас, сейчас, он уже идет... — и голос Джека — несколько запыхавшийся: — Глэдис?

— Да, это я, — сказала она все тем же железным тоном. — Спасибо, что хоть вспомнил, как меня зовут.

— Глэдис, милая, что с тобой? Где ты?

Еще делает вид, что беспокоится! А сам-то! Лживый притворщик!

— Я сижу под лестницей, — мрачно сообщила она.

— Почему под лестницей? А как ты слезла с елки? — тон стал подозрительным. Он что, еще и ревновать будет? Негодяй!

— Я попросила — и мне помогли слезть.

— Кто?

— Милые и воспитанные люди... не то, что ты.

— Глэдис, они тебя не... они тебе ничего не сделали?

Глэдис набрала воздуха, готовясь обличить его и заставить прекратить это подлое лицемерие — но, неожиданно для себя, всхлипнула:

Спецзадание для истинной леди

— Как ты мог?! Я — тут, а ты — там... с это-ой!!! Как ты мог? На весь город... в

телевизоре... на глазах у жены... с этой... да еще куртку не застегнул! С ней — так любезничать, а мне — так потом носом хлюпать? Как ты мо-ог?...

— Глэдис, ну что ты...

— Не ври, я сама все видела! Ты с ней стоял!

— Но это моя бывшая...

— Да у тебя везде бывшие! Ты что, полгорода перетрахать успел?

— Ну, конечно, не полгорода... — мечтательно-ностальгическим тоном произнес Джек. Правда, тут же опомнился и быстро добавил: — но сейчас я люблю только тебя! А это моя бывшая одноклассница. Я тебе сюрприз приготовил!

— Какой еще сюрприз? — недоверчиво спросила Глэдис.

— Тебя покажут по телевизору! Там есть специальная программа — и тебя пригласят дать интервью... по поводу этих событий.

Глэдис тут же решила сделать новую прическу... и надеть красный костюм... нет, лучше кружевную блузку... нет, все-таки красный костюм и новые сапоги... хотя сапоги будут все равно не видны. Или, может, купить по такому случаю что-то новое?

— Ну как, довольна? — спросил Джек.

— Как ты считаешь, что мне лучше туда одеть? Красный костюм или кружевную блузку? Или, может, стоит купить голубой блейзер — я видела вчера в витрине, мне должно пойти?

— Ты у меня в чем угодно красавица!

Подобные комплименты? От Джека? Явно подлизывается — значит, виноват!!!

В трубке раздалось пыхтение и приглушенные голоса.

— Подожди, тут Симпсон спросить о чем-то хочет.

— Миссис Четтерсон, что там происходит?

— Где?

— Там, где вы находитесь.

— Сторож спит, уборщицы в углу сидят.

— А... преступники?

— В вестибюле... телевизор смотрят.

Разрешение на штурм получить до сих пор не удалось — заартачился мэр, очевидно, с подачи владельца универмага, заявившего, что спецназ может причинить ему больше ущерба, чем любые бандиты, и что он не желает вместо рождественской распродажи заниматься ремонтом помещения. Мэр требовал, чтобы полиция и ФБР для начала попытались договориться с преступниками и решить дело миром — без стрельбы, разрушений и жертв. Поэтому вскоре должны были подъехать психологи — специалисты по переговорам.

А пока что на площади перед универмагом понемногу начала скапливаться толпа зевак, привлеченная столь необычным происшествием. Молодцы с телевидения сноровисто смонтировали над своей машиной огромный экран с динамиками — чтобы всем все было видно и слышно.

Кроме того, подъехала еще одна бригада телевизионщиков — с другого канала — и чуть не подрались с предыдущими из-за места рядом с фургоном Симпсона.

Приехали родственники плененных уборщиц и сторожа — человек двадцать, включая детей — и с места начали давать интервью обеим телевизионным бригадам.

Прибыло еще одно подразделение спецназа — на всякий случай — и две тележки

торговцев хот-догами — кормить всю эту ораву.

Все происходившее чем дальше, тем больше напоминало народное гуляние — или сумасшедший дом. Симпсон был уже не рад, что не в добрый час связался с этим делом.

Единственное, на чем ему удавалось успокоить глаз, был Джек Четтерсон, невозмутимо прислонившийся к фургону с телефоном в руке. Не выпуская изо рта зубочистки, он слушал монолог своей жены на жизненно важную тему — что одеть на интервью и какую сделать прическу...

Глэдис ошибалась — преступники вовсе не смотрели телевизор. Вместо этого они обступили Чета Барриса по кличке «Резаный» и, как замороженные, слушали его взволнованный рассказ. Чета, который провел в тюрьме большую часть своей сознательной жизни, мало чем можно было утратить, но сейчас он говорил тоном ребенка, пересказывающего фильм ужасов. Поведав грустную историю о том, как его бывший подельник Билли вместе с сестрой оказался за решеткой, закончил он ее так:

— Она это, точно она — я ее сразу узнал! Крутая фэбээровская сука, ни хрена не боится — и кличка у нее необычная — Дизайнер, — это слово было сказано шепотом. — У нее даже свой прием есть: сначала человеку мозги задурить, такую чушь нести, чтобы шарики за ролики заскакать начали, а потом — раз-раз — и все!

— Что — все? — неуверенно спросил Пэдди (на самом деле этого парня, самого младшего из присутствующих, звали Тимоти, но все почему-то называли его Пэдди-ирландцем).

— То — все! Скрутит — глазом моргнуть не успеешь. Мне одна девка рассказала, которая сама от Биллиной сеструхи своими ушами слышала, как эта чертова фэбээровка и Билли, и сеструху в одиночку взяла — голыми руками. Он, бедняга, даже пистолет вытащить не успел!

— Да быть того не может! — вмешался Джейсон.

Как главарь операции — пусть даже не совсем удавшейся — он не мог оказаться на вторых ролях и обязан был вставить свое веское слово. — Она же малявка совсем — еле от земли видно!

— Да? А ты Брюса Ли в кино видел? Вот он тоже маленький да щупленький, а как начнет всех метелить — так туши свет!

Побеседовав с Джеком минут двадцать, Глэдис решила прервать разговор. Во-первых, потому, что от него все равно невозможно было получить правильный совет — он соглашался с любым предложенным вариантом, кроме бикини. Во-вторых, треск в трубке и ухудшившаяся слышимость свидетельствовали о том, что и в этом аппарате батарея почти разряжена. Вот-вот она закончится, и тогда у Глэдис останется всего один исправный телефон — в левой лапе.

Поэтому она быстренько свернула разговор, велела Джеку не звонить — чтобы не тратить батарею на ненужную болтовню — и отключилась. Как выяснилось, сделала это Глэдис вовремя — не прошло и минуты, как со стороны двери раздался шум и скрежет.

Стоявший на пороге бандит зажег свет и позвал:

— Эй, ты! — несмотря на хамское обращение, голос его звучал почему-то несколько неуверенно. Глэдис не сразу поняла, что обращаются к ней: — Эй, как там тебя... мохнатая!

Вскинув голову, Глэдис переспросила:

— Это вы мне?

— Да, тебе. Ответь-ка — только честно. Это правда, что ты — Дизайнер?

Вихрь мыслей пронесся в голове Глэдис. Откуда они узнали? Может, им просто понравилось, как она украсила верхушку елки, и они решили сделать ей комплимент? Приосанившись, она гордо выпрямилась и шагнула вперед.

— Да, я дизайнер!

К ее удивлению, бандит слегка попятился, произнес: — Ясно! — и скрылся за дверью.

Глэдис осталась стоять, ничего не понимая. При всей непредсказуемости представителей преступного мира ей не слишком верилось, что они так уж сильно заинтересовались недоукрашенной елкой или что у них есть для нее выгодный заказ на праздники.

Ее раздумье было прервано легким прикосновением к плечу, от которого она испуганно подскочила.

— Простите, мисс, — робко пробормотала незаметно подошедшая пожилая уборщица, — можно нам на минутку телефон — только домой позвонить?

Отдав несчастным женщинам телефон и честно предупредив, что батарея почти разряжена, Глэдис присела на пылесос и задумалась — вопросов накопилось очень много. Что делать дальше? Почему этим странным бандитам так важно знать — дизайнер она или нет? Что одеть на интервью? Правда ли, что эта длинноносая девка — всего лишь бывшая одноклассница Джека?

Обдумать все как следует ей не дали — внезапно дверь распахнулась, и Глэдис услышала:

— Эй, дизайнер, выходи — поговорить надо!

Агент Симпсон был вне себя — разрешения на штурм по-прежнему не давали, группа психологов до сих пор не прибыла, а Четтерсон, внезапно лишившийся связи с женой, метался по тесному фургону злой, как медведь-шатун, и раз за разом безуспешно пытался набрать номер — в ответ упорно раздавались короткие гудки.

Зато выглянув из фургона, Симпсон обнаружил некоторое оживление в толпе. Выйдя на улицу, он спросил у подвернувшегося телевизионщика, в чем дело, и в ответ услышал:

— Заложники дают эксклюзивное интервью!

Пробившись в центр тесной толпы с помощью заинтересованного лица — Джека Четтерсона — Симпсон с удивлением узнал, что одна из уборщиц внезапно позвонила своему мужу по плохо работающему и едва слышному телефону, но сейчас она разговаривает уже с телевизионной девицей в норковой шубке, а та транслирует эти слова съемочной бригаде — а заодно и всем окружающим.

— Спроси, они ей ничего не сделали? — изнемогал муж, приплясывая, словно ему не терпелось в туалет.

— Ваш муж спрашивает — вам ничего не сделали? — передала девица и сама же ответила: — Нет, ничего особенного, только ущипнули разок, пока по лестнице вели.

— Куда ущипнули?! — проревел муж таким страшным голосом, что заложница, очевидно, услышала, потому что теледевица машинально начала отвечать: — За зад... — потом вдруг осеклась, вспомнив, что все ее слова идут в живой эфир, и вместо этого спросила: — Простите, а как выглядят преступники?

Голос заложницы явно слабел — переспрашивать пришлось несколько раз — но наконец девица озвучила:

— У них такие большие, черные... чего-чего?

— Члены, что ли? — истошно заорал муж. Заложница, услышав родной голос,

затараторила так, что теледевица едва успевала повторять за ней:

— Нет, не члены, а пистолеты, а члены какие, она не знает, не видела, но сами они все белые и в куртках, а пистолеты черные, а их не трогали и ни о чем не спрашивали, только обезьяну увели, а куда неизвестно...

Вопрос «Какую обезьяну?» прозвучал уже в пустоту: телефон не выдержал столь сильного напряжения страстей и отключился.

Выбираясь из толпы, Симпсон ломал себе голову — откуда там взялась еще и обезьяна?!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Конвоируемая двумя бандитами Глэдис проследовала к телевизору, где ее ждали остальные. По дороге она успела посмотреться в витрину и с удовлетворением отметила, что выглядит вполне прилично — со скидкой, разумеется, на костюм.

Бандиты, как выяснилось, уже успели расположиться перед телевизором с комфортом — они притащили лавочку, стоящую под елкой, и уселись на нее.

Мельком взглянув на экран, Глэдис убедилась, что посмотреть, чем занят Джек, нельзя — показывали какую-то неинтересную передачу из студии — и, подойдя вплотную к бандитам, обвела их взглядом. По мере приближения к концу скамейки взгляд становился все более возмущенным — неужели никто так и не догадается предложить даме сесть? В ответ на нее уставились четыре пары глаз.

Неинтересный небритый кругломордый коротышка — тот самый, с лысинкой на макушке, который булькал бутылкой. Псевдополицейский — судя по всему, главарь. Симпатичный мужик — жалко, что бандит... Дики — невысокий, щуплый, с большим носом. И... противный тип со шрамом на щеке, которого она, кажется, где-то уже видела. Ей показалось, что они знакомы, и Глэдис на всякий случай решила вежливо кивнуть. Непонятно почему, но тип вздрогнул, приоткрыл рот и посмотрел на нее, как кролик на удава.

Не подозревая о том, что в глазах окружающих она является прямой наследницей Брюса Ли, а также Грязного Гарри⁴, Глэдис несколько смутилась, переступила с ноги на ногу и снова обвела их недоумевающим взглядом.

— Ты правда — Дизайнер? — в конце концов нарушил затянувшееся молчание главарь.

— Да, — кивнула Глэдис. (Все-таки почему это их так интересует?)

— И давно ты там, — он кивнул на елку, — сидишь?

— Со вчерашнего дня. — (Неужели они просто восхищены тем, как много она успела всего за два дня?)

— Нас водила заложил?

— Да. — (Правило номер один: когда спрашивают непонятное — соглашаться!)

— Скостили ему за это, небось?

— Разумеется!

В честных глазах Глэдис невозможно было прочесть, что она понятия не имеет, о чем и о ком идет речь.

— Да-а, крепко мы влипли, — подытожил главарь.

— Да уж, — сочла нужным согласиться Глэдис.

— Ну, и чего делать будем?

— Может, кофе попьем? — неуверенно предложила она. Очевидно, псевдополицейский не любил кофе, потому что неожиданно подскочил и заорал:

— Ты мне эти свои фэбээровские штучки брось! Мы про тебя все знаем! Вырядилась тут — людей пугать!

Глэдис ничуть не испугалась. Ей было давно известно, что бандиты — люди странные и могут неадекватно отреагировать на самое невинное замечание. Но и спускать подобные мерзкие вопли она не собиралась — хамов надо сразу ставить на место! — поэтому возмущенно вскинула голову и рявкнула что было сил:

— Не ори на леди! Сам во что вырядился?! Тоже мне — полицейский нашелся! И почему мне до сих пор никто сесть не предложил? Хамы!

Топнув ногой, она шагнула вперед — и была несколько удивлена, что ее замечание тут же возымело эффект. Все бандиты дружно повскакивали со скамейки и отступили на несколько шагов. Удовлетворенно кивнув, Глэдис села.

Теперь они стояли, обступив ее — все шестеро. К предыдущему набору добавилось еще двое — рыжий с выщипанными бровями и долговязый коротко стриженный парнишка лет шестнадцати. Все снова молча уставились на нее.

— А вы себе стулья принесите, — посоветовала Глэдис, — там, в коридорчике у туалета стоят, — ей стало слегка не по себе от затянувшегося молчания и захотелось сделать обстановку более непринужденной.

Бандиты переглянулись и заспешили в направлении коридорчика — на месте остался только главарь, он же псевдополицейский. Осторожно присев на дальний угол скамейки, он нерешительно обратился к Глэдис:

— Простите, мисс... Мне говорили, но я не сразу поверил, что вы действительно Дизайнер...

— Да, я дизайнер, — Глэдис говорила железным тоном, все еще не до конца простив ему хамские вопли, — ну и что тут такого?

— Простите, мисс...

— Миссис Четтерсон, — при виде подобного покаяния сердце Глэдис начало смягчаться.

— Мы оказались в очень... неприятном положении и сейчас хотим выбраться из него с наименьшими потерями, — и, увидев явное удивление на ее лице, поспешно добавил: — Я понимаю, что о том, чтобы нас отпустить, и речи не идет, но давайте подумаем о возможности взаимных уступок...

До того, как осознать свое истинное призвание — взлом сейфов — Джейсон целых пять лет зря тратил время, подвизаясь в роли священника.

С тех пор у него осталось умение красиво и убедительно, хотя и несколько витиевато, излагать свои мысли.

— Хорошо, — согласилась Глэдис («правило номер один!»).

С шумом и топотом волоча стулья, вернулись бандиты и, рассевшись вокруг, снова вытаращились на нее, как детишки в детском саду на воспитательницу.

— Миссис Четтерсон согласилась с нами сотрудничать, — гордо объявил главарь. Глэдис сочла нужным обвести взглядом присутствующих и благосклонно кивнуть им — что еще от нее требуется, она понятия не имела.

— Итак, миссис Четтерсон — кто там, снаружи, всеми командует?

— Симпсон, — слава богу, первый вопрос был легкий. Но второй оказался совершенно неожиданным:

— Вы имеете с ним связь?

— Нет, конечно, — возмущенно вскинулась Глэдис. (Что за неприличные вопросы? Да какое им дело? А может, это Джек их уговорил спросить? Он ее с самого начала к Симпсону ревнует! Негодяй! Тем более что Симпсон старый, толстый и лысый... хотя и приятный джентльмен.)

— Ну хорошо, давайте не будем сейчас об этом говорить, хотя я уверен, что в случае острой необходимости у вас есть возможность связаться с вашим шефом мистером

Симпсоном.

Ах, так он о телефоне?! А почему он считает, что Симпсон ее шеф? И что все это значит?

Глэдис так задумалась, что пропустила несколько фраз, и очнулась, лишь услышав заинтересовавшее ее слово:

— ...Драгоценности новой рождественской коллекции универмага стоят несколько миллионов долларов...

— Драгоценности? — переспросила она, пытаясь снова ухватиться за нить его рассуждений.

— Совершенно верно, драгоценности. Возможно, вы хотите подняться на второй этаж и взглянуть?

Глэдис с энтузиазмом согласилась — ей еще никто так любезно и убедительно не предлагал полюбоваться на драгоценности, стоящие несколько миллионов долларов.

Всю дорогу на второй этаж она обдумывала происходящее. Они что, хотят сделать ей подарок? Почему, за что? Прощлый раз, в аэропорту, бандиты хотели дать ей алмазы, а сейчас предлагают украшения... Нет, все-таки они странные люди!

Драгоценности действительно были великолепны! Особенно Глэдис понравился комплект в рождественском стиле, с колокольчиками, отделанный мелкими цветными камешками. Он был в двух вариантах — с сапфирами, которые прекрасно подошли бы к ее глазам, и с рубинами — брюнеткам всегда идут рубины! Задумавшись, какой комплект лучше выбрать, Глэдис не сразу обратила внимание на хаос, царивший в секции — выбитое стекло, сдвинутые столики и стоявший на полу сварочный аппарат, никак не вписывающийся в интерьер.

— Как видите, миссис Четтерсон, мы даже не успели взломать сейф, — отвлек ее от созерцания голос главаря. — Таким образом, ущерб вообще сведен к минимуму...

— Так вы хотели украсть эти драгоценности? — наконец-то дошло до Глэдис.

— Совершенно верно! — обрадовался бандит. — Мы хотели тихо и быстро сделать свое дело и уйти. В наши планы никоим образом не входило ни взятие заложников, ни захват здания. Мы не собирались никому причинять вреда — нас интересовали только драгоценности!

Почувствовав родственную душу, Глэдис взглянула на него с симпатией.

Джек бы, конечно, равнодушно прошел мимо — но любой человек с тонким художественным вкусом не мог не заинтересоваться этими прелестными вещицами! А от колокольчиков просто глаз не оторвать!

— К сожалению, произошла... небольшая накладка, и сейчас нам светит вышка. Согласитесь, что это несправедливо!

Глэдис понятия не имела, при чем тут вышка и почему она вдруг светит, но сочла возможным вежливо пробормотать:

— Вы абсолютно правы! — взгляд ее по-прежнему не отрывался от колокольчиков. К сожалению, ей уже стало ясно, что этого рождественского подарка она — увы! — не получит.

Услышав ее слова, главарь возликовал:

— Я знал, что вы нас поймете! Ведь, в сущности, мы делаем одно общее дело, и не будь нас, не было бы и вас!

В одном Глэдис была абсолютно уверена: ни один из этих людей не являлся ее отцом,

поэтому, последнее утверждение так и осталось для нее загадкой. Тем не менее она понимающе кивнула, и бандит вздохнул с явным облегчением. Впрочем, Глэдис было уже трудно считать этого симпатичного и воспитанного человека — явного джентльмена! — бандитом.

— Ну, раз мы с вами обо всем договорились... Дики, верни миссис Четтерсон телефон! Кстати, миссис Четтерсон, раз уж мы с вами нашли общий язык, позвольте представиться — меня зовут Джейсон!

Получив обратно телефон, Глэдис тут же посмотрела — восемнадцать раз звонил Джек и три раза — мама. Ну, это все может подождать...

— Миссис Четтерсон, сейчас будут новости первого канала и мы посмотрим, что творится снаружи. После этого нам хотелось бы, чтобы вы связались с мистером Симпсоном и сообщили ему, что мы готовы вести переговоры...

К сожалению, Глэдис ошибалась — к тому времени бразды правления были грубо и бесцеремонно вырваны из рук Симпсона.

Неожиданно, взвизгнув тормозами, на середину площади ворвался черный блестящий «Лендкрузер» с затемненными стеклами. Он затормозил прямо перед телекамерами, чуть не сбив пару прожекторов и заставив ведущую шарахнуть в сторону.

При виде этой машины Симпсон как-то странно вытянулся, застыл, выронив изо рта недоеденный хот-дог, и сказал хриплым шепотом:

— Железные Трусики...

— Чего? — не понял Джек, тщетно, но методично набиравший номер Глэдис.

В этот момент дверь «Лендкрузера» медленно отворилась. Все молча наблюдали, как оттуда высунулась нога — явно женская — в черном высоком блестящем сапоге на шпильке.

— Специальный агент Делия Себастьяни, — все так же шепотом пояснил вышедший из ступора Симпсон. — У нас ее называют Железные Трусики.

— Ну и что? — оторвался от телефона Джек.

— Сейчас увидишь...

Выйдя из машины, специальный агент Себастьяни остановилась и обвела взглядом окружающую толпу. Что означал этот взгляд, определить было трудно по причине наличия на ней, несмотря на столь позднее время, зеркально отблескивающих темных очков.

Все остальное оказалось под стать очкам — черные кожаные сапоги на шпильках, черные чулки, черная юбка чуть выше колен — и наконец, черный пиджак с широкими лацканами.

Единственным светлым пятном была розовая кружевная блузка, пересеченная широким черным галстуком. Вслед за ней из машины вылезли и застыли на месте двое мужчин, также одетых в черное, и — очевидно, в подражание начальнице — тоже в темных очках.

Вся эта группа, включая черную блестящую машину, на фоне белого снега выглядела весьма эффектно, и все теле- и фотокамеры тут же направились на нее.

Джек тоже смерил взглядом агента Себастьяни — сначала снизу доверху, в потом сверху донизу. Рост — выше среднего. Худошавая энергичная брюнетка с блестящими коротко стриженными волосами. Лет — от тридцати до сорока, в этих очках плохо видно.

Ничего особенного — ноги неплохие, но бедра слишком тощие, углы ненакрашенного бледного рта опущены, подбородок маленький и невыразительный. И чего это Симпсон так разнервничался?

— Ну, как она тебе? — подтолкнул его локтем фэбээровец.

— Когда рот закрыт, похожа на акулу, — протянул Джек.

— А когда открыт? — несмело спросил Симпсон.

Джек перебрал зубочистку из одного угла рта в другой, наклонил голову, всматриваясь, и вынес вердикт:

— На миногу.

Это сравнение вызвало у Симпсона приступ неудержимого и непроизвольного нервного смеха. Как раз в этот момент Делия нашарила глазами желтый фургон ФБР и энергично устремилась к нему, бросив на ходу окружающим журналистам:

— Через пять минут я сделаю заявление в эфир!

Подойдя вплотную к Симпсону, все еще вздрагивавшему от смеха, она остановилась и процедила:

— Веселишься? — бросила короткий взгляд на Джека, прислонившегося к фургону. —

А это кто? Из полиции, что ли?

— Нет, это... — начал Симпсон.

— Почему посторонние рядом с машиной? Убрать! — обернулась мисс Себастьяни к сопровождавшим ее людям в черном, по пути снова бросив взгляд на Джека, на этот раз ответившего ей ленивой наглой улыбкой. — Впрочем... — взгляд ее стал более пристальным, а голос — менее резким, — если это гражданский эксперт... да, он может остаться. Командира спецназа — ко мне. Всем в машину — я хочу детально ознакомиться с ситуацией!

В фургоне было не слишком светло, и Делии все-таки пришлось снять очки. Сразу стало ясно, почему она их носит — они неплохо скрадывали широковатый нос «уточкой» и то, что лет ей куда ближе к сорока, чем к тридцати.

Обведя глазами присутствующих, она остановила пронзительный немигающий взгляд на Симпсоне.

— Сколько преступников в здании?

— Э-э... — начал Симпсон, не зная, что ответить.

— Понятно... Вы уже начали переговоры, выслушали их требования?

— Нет, но...

— Не продолжайте. Наши люди в здании есть?

— Нет, но...

— Ясно. Вы тут болтаетесь уже три часа — и до сих пор ни хрена не сделали! Это вопиющая некомпетентность и мягкотелость! Не хотите работать — так и скажите! Сейчас я сделаю заявление для прессы — а через час, если преступники не выйдут с поднятыми руками, начнем штурм.

— А... заложники? — несмело спросил Симпсон.

— Случайные жертвы неизбежны, — отрезала Делия. — А кроме того, я уверена, что они давно мертвы!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Не подозревая, что на этом свете ей больше ничего уже не понадобится, Глэдис все сильнее хотела есть. Удобно устроившись на лавочке, она дожидалась новостей и изнемогала — вместо них показывали рекламу какого-то итальянского ресторана.

— Вот бы сейчас пиццы... — мечтательно простонал кто-то из бандитов.

Рот Глэдис тут же наполнился слюной — она представила себе эту пиццу — горячую, ароматную, с дополнительным слоем сыра. И кофе — много-много, целый кофейник!!!

Наконец на экране появилась заставка новостей, а следом — площадь перед универмагом и давешняя длинноносая девица — одноклассница Джека. (Интересно, в каком классе это было?!! Как-то он обмолвился, что занимался сексом уже в тринадцать лет — правда, с учительницей биологии. Возможно, та считала это практическими занятиями?...)

— Итак, с вами снова Нэнси Трейер, первый канал. Мы по-прежнему находимся около универмага «Додсон и Тейт»...

Камера слегка повернулась, и на заднем плане наконец показался Джек. Он стоял в тщательно застегнутой куртке (то-то же!) на фоне желтого фургона и что есть силы размахивал над головой правой рукой, в которой было зажато что-то маленькое и черненькое.

— Во, а вон тот — Симпсон, — громогласно сообщила окружающим Глэдис, кивая подбородком на экран.

К сожалению, подбородок — инструмент весьма неточный, поэтому ее поняли не совсем правильно.

— Это что, тот здоровый с телефоном? — спросил Джейсон.

А-а, так это телефон! — только теперь поняла она. А чего Джек им так странно махает и трясет? Но в интересах истины пришлось объяснить:

— Нет, это тот, пониже, который рядом стоит — с лысиной и в пальто.

— Жалко — этот блондинчик такой сла-аденький, — неожиданно заявил рыжий. — Такому я бы сразу сдался!

Глэдис неприязненно покосилась на него и сочла нужным сразу расставить точки над «i».

— С телефоном — это мой муж.

— Он что, тоже в ФБР? — с уважением в голосе спросил Джейсон.

— Нет, не совсем... почти, — машинально ответила Глэдис, упорно пытаясь понять, чего же все-таки хочет Джек, который начал корчить в камеру страшные рожи. Она уже хотела объяснить, что он работает в аэропорту, но неожиданно услышала из-за спины:

— Ясно. Небось, Секретная Служба.

На то, что происходит на переднем плане, Глэдис почти не смотрела, и для нее было полнейшей неожиданностью, когда, заслоня все, на экране внезапно появилась омерзительная особь женского рода в темных очках.

— Перед нами — специальный агент ФБР мисс Делия Себастьяни, — сообщил подсунувшаяся сбоку теледевица. (Естественно, «мисс» — кто бы на таком крокодиле женился?!) — Она недавно прибыла, чтобы возглавить операцию, и сейчас готова сделать заявление для прессы. — (А как же Симпсон? Так вот почему он стоял такой унылый!)

— Я не дам никаких поблажек преступникам! — решительно заявила агент Себастьяни,

отстраняя ведущую. — Я очищу наш город от подобной нечисти! Даже если нам придется не оставить камня на камне на месте этого универмага — преступники не уйдут от справедливой кары! Предлагаю им немедленно сдаться — тогда, возможно, суд и сочтет возможным не всех их отправить на электрический стул. Через час мы начинаем штурм — и тогда пусть пеняют на себя!

Замолчав, она обвела взглядом аудиторию и повернулась к камере спиной. Открыв рот, Глэдис следила за тем, как эта мерзкая особа решительно направляется к Джеку... подходит к нему... кладет руку ему на плечо и кивает на фургон. На лице у Джека появляется подобающее негодование и отвращение... он отступает на шаг... — и в этот момент изображение на экране сменяется рекламой!

— Сука!!! — истошный хриплый вопль, вырвавшийся из глубины души Глэдис, заставил бандитов подскочить.

— Да-а, сука редкостная, — согласился кто-то из них — правда, по несколько другой причине.

Схватив телефон, Глэдис лихорадочно набрала номер. Джек отозвался сразу.

— Джек!

— Ну, наконец-то!

— Кто это такая? Черная, противная?...

— С тобой все в порядке? — вместо ответа заорал он.

— Я есть хочу! Я пить хочу! Панч не ужинал! У меня горло болит! — Глэдис поторопилась перечислить все свои беды.

В этот момент ее чувствительно тряхнули за плечо и чей-то голос прямо в ухо прошипел: «Переговоры!!!»

— Ах, да! Эти... люди хотят вести переговоры с Симпсоном, — назвать их преступниками Глэдис не решилась, побоявшись обидеть.

В трубке раздался шум и явственно послышался женский голос:

— Я требую немедленно отдать мне телефон! Я сама поговорю с вашей женой!

— Джек! — вскрикнула Глэдис, бросила взгляд на экран и обнаружила, что все камеры направлены на ее мужа, который отпихивается локтями от двух типов, тщетно пытающихся скрутить его, а мерзкая глιστα в черном буквально висит у него на шее, стараясь ухватить за руку, мертвой хваткой сжимающую телефон.

К сожалению, силы были неравны. Через пару минут аппарат перекочевал в руку негодяйки, и Глэдис услышала в трубке резкий противный голос, свидетельствующий о том, что его обладательницу никак нельзя назвать леди:

— Миссис Четтерсон, сейчас не время для болтовни! Я требую, чтобы вы немедленно прекратили истерику и отвечали на мои вопросы!

Больше книг на сайте - Knigoed.net

В телевизоре промелькнуло лицо Джека, который, услышав подобное требование, да еще высказанное столь непотребным тоном, вздрогнул и инстинктивно зажмурился. Это было последнее, что заметила Глэдис. С воплем:

— Да я тебя!.. — она запустила в лицо мерзавке первым попавшимся предметом — телефоном — в сердцах забыв, что видит все происходящее только на экране. Телевизор не выдержал прямого попадания и с грохотом взорвался, осыпав всех осколками.

Таких разрушений Глэдис не производила лет с четырех, когда в исследовательских целях повисла на краю скатерти стола, накрытого к приему гостей. Слегка втянув голову в

плечи, она боялась шелохнуться — сейчас ее, кажется, будут ругать!.. — как вдруг услышала откуда-то сзади:

— Во дает! Ну, сильна баба!

Это было сказано со столь искренним и простодушным восхищением, что, еще раз придя к выводу, что бандиты — люди странные и не совсем нормальные, она слегка приосанилась и обернулась.

На нее в упор, словно ожидая чего-то, смотрели шесть пар глаз, поэтому Глэдис сочла необходимым объяснить:

— Она мне еще приказывать смеет! — и уже не удивилась, когда бандиты понимающе закивали. Все-таки с ними было не так уж и трудно — по крайней мере, большинство ее поступков они понимали правильно.

— Миссис Четтерсон, — нерешительно промямлил Джейсон, — нам не хотелось бы ни о чем договариваться с этой... — он замялся.

— Вульгарной, подлой, невоспитанной, похотливой мерзкой сукой! — отчеканила Глэдис.

— Вот именно, — подтвердил Джейсон. Бандиты одобрительно загудели. — Неприятность состоит в том, что мы, к сожалению, остались без связи.

Уже зная, что не совсем приличным словом «связь» этот человек называет просто мобильный телефон, Глэдис сочла возможным вскрыть стратегический запас, хранящийся в левой лапе. На свет последовательно появились: японский нож (вызвавший уважительные взгляды и перешептываний), любимая черненькая отвертка (кто-то из бандитов робко попросил разрешение открыть ею секцию электроники, чтобы включить другой телевизор, и, естественно, получил согласие), слегка помятая шоколадка (со вздохом честно разделенная между присутствующими) — и наконец — еще один аппарат!

— Так он у тебя что, все время был? — спросил Джейсон. Глэдис, естественно, подтвердила. Последовавшая за этим вульгарная, но идущая от сердца реплика одного из бандитов «Во прикинута баба!» была воспринята ею как комплимент — ну что делать, если по-другому они выражаться не умеют?! Впрочем, она уже перестала даже мысленно называть бандитами этих славных, услужливых и изо всех сил старающихся быть вежливыми людей, единственным недостатком которых было отсутствие надлежащего воспитания.

Попытавшись позвонить Джеку, она услышала противный голос: «Специальный агент Себастьяни!», показала телефону язык и отключилась, решив узнать об окружающих событиях из привычного источника — телевизора.

Увы! — там выступал очередной придурок, несший непонятную ахинею:

— ...Таким образом, сексуальный дискомфорт, часто являющийся основой мотивации асоциальных поступков...

— Это чего он? — донеслось сбоку.

— Ну....она тебе не дала — а ты по злобе пошел всем морды чистить, — ответил Джейсон. Глэдис покосилась на него с уважением — сама она не смогла бы объяснить так просто и доходчиво.

Потом, естественно, показали рекламу — ну почему ее показывают в самый важный момент, тем более неинтересную — про какой-то стиральный порошок?! И наконец!..

— Нэнси Трейер, первый канал! Все мы были только что свидетелями странного происшествия — и вот сейчас его непосредственный участник готов ответить на все наши вопросы. Итак, перед вами мистер Джек Четтерсон!!!

Глэдис умилилась — Джек, слегка растрепанный, в полурасстегнутой куртке, был чудо как хорош! Он даже выплюнул зубочистку и выглядел почти джентльменом!

— Итак, мистер Четтерсон, что же, собственно, произошло? — спросила теле девица.

— Моя жена, — он сказал это так проникновенно, что Глэдис чуть не прослезилась, — сейчас находится в универмаге. Она позвонила мне и сообщила, что преступники готовы пойти на переговоры со специальным агентом ФБР Симпсоном. В этот момент у меня силой отобрали телефон.

На заднем плане была хорошо видна мымра в черном — она махала руками, показывая что-то полицейским.

Экран внезапно разделился на две части — на одной из них по-прежнему красовался Джек, на другой — пара полицейских, медленно и нехотя направлявшихся к нему.

— Мистер Четтерсон, вы сказали, что ваша жена находится в универмаге — означает ли это, что ее удерживают там в числе заложников? Или ей каким-то образом удалось войти в доверие к преступникам? Как это произошло?

— Не знаю, — честно ответил Джек, — я не успел спросить... Полицейские все приближались. Дорогу им преградили несколько человек со значками телеканала, и началась оживленная перепалка. Фоном к продолжающемуся интервью Джека стали отдаленные возгласы, из которых самым повторяющимся было: «Первая поправка!!!⁵».

— Она жаловалась на какие-нибудь неудобства?

— Она сказала, что хочет есть и пить.

Полицейские, к которым прибыло подкрепление, все сильнее теснили хлипкий заслон. Наконец они прорвались к Джеку и обступили его. Возвышаясь над ними на голову, он рывкнул в микрофон:

— Глэдис, позвони мне!.. — но тут его скрутили и попытались оттащить в сторону.

Глэдис завопила и затрясла кулаками в воздухе. Мысленно она была там, на площади, где Джек героически сопротивлялся усилиям пятерых полицейских запихнуть его в машину. Он дрался, как лев — и сам был похож на льва с развевающейся светлой шевелюрой и горящими глазами. Даже при столь неравных силах ему удалось продержаться минуты три — но, к сожалению, итог был неизбежен: под свист и улюлюканье толпы его все-таки скрутили и увезли. Упавший в снег микрофон — после того, как его запечатлели все фото- и телекамеры — подхватила длинноносая теле девица:

— Итак, неустрашимого мистера Четтерсона, вся вина которого заключается в том, что он хочет видеть свою жену, — Глэдис снова прослезилась — все-таки у нее самый лучший в мире муж! — заперли в полицейском участке. Но туда уже направились адвокаты нашего телеканала, которые намерены добиться освобождения Джека — мы все уже мысленно называем нашего героя так — под залог. Я надеюсь, что в следующем выпуске новостей мы сможем продолжить столь грубо и незаконно прерванное интервью! А пока я обращаюсь к мэру! Доколе мы будем терпеть полицейский произвол на улицах нашего города?! Почему ФБР пренебрегает судьбой несчастных заложников?! Неужели насилие предпочтительнее переговоров?! Надеюсь, что в следующем выпуске новостей мы сумеем задать вопрос также мистеру Додсону — как он относится к намерению агента Себастьяни не оставить камня на камне от его универмага? А теперь — немного рекламы...

После короткой паузы начался обмен мнениями.

— Ну, силен мужик! — заявил Чет. — Даром что коп, но — уважаю!

— И красивый какой! — добавил рыжий.

— А все эта стерва! — заявил Дики. Это замечание вызвало одобрителный гул.

— Надрать бы ей задницу! — это снова Чет.

Единственной из присутствующих, не принимавшей участие в беседе, была Глэдис, от избытка переживаний впавшая в легкий ступор. Джека увезли! Арестовали! А она здесь... А Панч не ужинал до сих пор и думает, что его все бросили! Есть! Пить! Кофе! Домой Джека!..

Беспорядочную сумятицу мыслей прервало легкое похлопывание по плечу.

— Миссис Четтерсон, — увидев, что на него, наконец, обратили внимание, Джейсон расплылся в дружелюбной улыбке. — Миссис Четтерсон, я думаю, что не ошибусь, если скажу, что вам сейчас хотелось бы надрать задницу этой... — он замялся.

— Подлой суке! — подсказала Глэдис, которую даже не покорило вульгарное выражение — слишком уж точно оно описывало ее состояние.

— Я понимаю, что служебный долг — прежде всего, но возможно, не нарушая его, вы могли бы... — продолжил Джейсон, но тут в плавное течение его речи вклинился Чет, решивший — на правах старого знакомого — в двух словах прояснить ситуацию:

— Короче, помоги нам отмазаться от вышки — а мы тебе поможем заделать козу этой мочалке!

— Сказано несколько... эмоционально — но по сути совершенно верно, — подтвердил Джейсон и выжидательно посмотрел на нее.

Глэдис окончательно запуталась от обилия никак не связывающихся между собой слов. На секунду ей представилась коза, стоящая на вышке и меланхолично жующая мочалку. Коза почему-то была бежевая, как шевелюра Джека, и с золотым колокольчиком на шее.

— Надеюсь, вы не хотите предложить мне ничего... — она замялась, не зная, уместно ли тут будет слово «неприличного», но Джейсон перебил ее:

— Незаконного? Разумеется, нет! Если вы, как компетентный специалист, дадите нам несколько ценных... теоретических советов — этого будет вполне достаточно.

В голове у Глэдис с трудом укладывалось, чтобы шестеро мужчин одновременно — да еще в столь неподходящее для этого время — захотели научиться украшать елки и витрины.

Очевидно, они все-таки имели в виду что-то другое... Но огорчать их не хотелось — да и не верилось, что такие милые люди могут предложить ей сделать что-то, не подобающее истинной леди.

— Ну давайте попробуем... — нерешительно промямлила она.

Джейсон только успел расплыться в улыбке и произнести:

— Я рад, что мы сумели прийти к принципиальному согласию... — как музыкальная заставка, обычно предшествующая выпуску новостей, заставила всех обернуться к телевизору.

Как всегда, для начала показали панораму площади — народу на ней становилось все больше. Джека нигде не было видно, но, слава богу, про него не забыли:

— ...Сейчас предпринимаются шаги по освобождению под залог мистера Четтерсона. Ему предъявлено обвинение в препятствовании ведению следствия и сопротивлении аресту. Интересно, с каких это пор естественное желание человека поговорить с женой является препятствием следствию? Как бы то ни было, мы надеемся, что уже в следующем выпуске новостей сможем снова увидеть его честное и мужественное лицо. Кроме того, только что нам позвонил мистер Додсон — через полчаса он прибудет сюда в сопровождении первого заместителя мэра. И еще одно интересное сообщение — узнав, что миссис Четтерсон страдает от голода, мистер Пирелли, или, как его обычно называют, папа Пирелли — владелец пиццерии «Диззи Дэн» — лично приехал и привез для нее несколько коробок пиццы! Миссис Четтерсон, если вы нас сейчас слышите, позвоните нам!

Внизу экрана высветился номер. Камера переместилась на небольшой фургончик с надписью «Диззи Дэн» и цветным рисунком пиццы.

Рядом с машиной стоял толстый старик в белом переднике.

Глэдис показалось, что бог ответил на ее молитвы.

— Вам тоже заказать? — спросила она, лихорадочно набирая номер.

Есть хотелось всем, но природная подозрительность заставила Чета высказать то, что беспокоило и остальных:

— Погоди звонить! А может, это подставка стервы легавой?

— Не, это взаправду папа Пирелли, — раздался сбоку восторженный голос Пэдди.

— А ты откуда знаешь? — заинтересовался Джейсон.

— Я там год назад заказы развозил. Пицца у него — зашибись!

— Ну можно я уже позвоню?! — возопила изнемогающая Глэдис.

— Миссис Четтерсон, вы считаете это целесообразным?

— Да!!!

Что за идиотский вопрос? Он что, не понимает, что заказать пиццу, когда так хочется есть — это более чем целесообразно?! Быстро, пока ей не помешали, Глэдис набрала номер. Ответили ей сразу:

— Первый канал!

— Это Глэдис Четтерсон — я насчет пиццы...

— Миссис Четтерсон, не вешайте трубку, переключаю! — и сразу же — одновременно в трубке и в телевизоре — раздалось: — Нэнси Трейер, первый канал!

— Это Глэдис Четтерсон, — снова повторила Глэдис и внезапно поняла, что слышит собственные слова со стороны телевизора! Но неужели у нее такой тоненький голос? Ей всегда казалось, что он звучит более музыкально... Наверное, это их микрофоны все портят!

— Миссис Четтерсон, мы очень рады вас слышать! Мысленно мы с вами, и ваши слова сейчас с замиранием сердца слушают десятки людей на площади и тысячи... миллионы

телезрителей, прильнувших к экранам в ожидании дальнейших событий. Скажите пожалуйста, вы следите за нашими новостями?

— Да. А как насчет пиццы? — решила Глэдис сразу перейти к делу, тем более что экран снова разделился на две части и на второй ясно была видна очковая мымра, которая показывала своим приспешникам на телефон в руке ведущей.

— Конечно, миссис Четтерсон. Сейчас подойдет папа Пирелли и вы поговорите с ним, а пока что ответьте нам, пожалуйста — что вы чувствуете сейчас?

— Я хочу есть... и кофе, — честно ответила Глэдис, быстро покосившись на Джейсона — не последует ли с его стороны неадекватной и бурной реакции в ответ на упоминание этого напитка.

— Эта беда легко поправима. Итак, перед вами — папа Пирелли!

— Наша пицца — самая вкусная в Нью-Йорке! — заявил появившийся в кадре толстяк в переднике. — Миссис Четтерсон, какую пиццу вы хотели бы — с луком, с анчоусами, с дополнительным сыром...

По мере перечисления Глэдис показалось, что слюни сейчас закапают у нее изо рта прямо на пол, но она мужественно решила подумать и о ближних.

— Сейчас, минуточку, — она обернулась, — ну, что будете?

Столпившиеся вокруг ближние энергично закивали.

— Попроси его фирменную — с сушеными помидорами и сосисками, — посоветовал Пэдди. — И с грибами тоже вкусно!

— А как мы ее получим? — внес пессимистическую ноту Чет. — Ведь они только того и ждут, чтобы мы высунулись, сразу нас того — и все!

На второй половине экрана Глэдис заметила приближающихся людей в черном и заторопилась:

— Значит так: мы хотим две ваших фирменных — и две с грибами и дополнительным сыром! — тут она вспомнила и завопила: — Ой нет, три, три! Я про уборщиц забыла!

Внезапно из ее руки хамским образом выхватили телефон.

— Поднесите пиццу ко входу в универмаг и направьте на него камеры, чтобы мы видели, что это не ловушка! Да, и запакуйте все в пакеты с ручками! — заорал Джейсон, после чего, перехватив возмущенный взгляд Глэдис, тут же вернул ей аппарат со словами: — Покороче. Надо сначала обсудить, что говорить. Скажите, что перезвоните, когда муж приедет — это даст нам фору.

— Миссис Четтерсон, миссис Четтерсон! — надрывался телефон и телевизор.

— Але? — отозвалась Глэдис.

— Миссис Четтерсон, сейчас с нами говорил представитель... тех самых людей, которые захватили универмаг?

— Да, — ответила она, порадовавшись тактичному поведению ведущей, которая, слава богу, не назвала их преступниками.

— Каково положение заложников — они живы?

— Да. — Увидев энергичные жесты Джейсона, Глэдис заторопилась: — Извините, я не могу сейчас больше говорить... Я вам перезвоню, когда Джек приедет.

— Миссис Четтерсон — один короткий последний вопрос. Как вышло, что эти люди разрешили вам связаться с нами и быть... так сказать... их представителем?

Глэдис сама до сих пор не понимала, как это случилось, но решительно ответила:

— Потому что им очень понравилось, как я украсила елку! — и, чтобы избежать

дальнейших вопросов, нажала кнопку отбоя,

На площади между тем разгорелся нешуточный скандал. Симпсон, оставшийся не у дел и болтавшийся в толпе, с интересом наблюдал, как подручные Железных Трусиков пытаются спорить с папой Пирелли и теле девицей, которая тут же разразилась гневной речью в микрофон:

— Только что агент Себастьяни запретила папе Пирелли передать пищу несчастным заложникам! Очевидно, она считает, что раз они все равно погибнут во время штурма, их нет смысла кормить! Сейчас мы попытаемся связаться с заместителем директора ФБР Мэйтлендом и узнать его мнение по этому поводу — неужели политикой ФБР является полное отсутствие гуманизма?!

Буквально через несколько секунд Симпсон заметил, как Делия оживленно разговаривает с кем-то по телефону — настолько оживленно, что лицо ее медленно багровеет, а голос срывается на визг, отчетливо слышимый окружающим:

— Нет, сэр! Да как вы смеете! Это сексизм!

Надо сказать, что слово «сексизм» являлось основной движущей силой карьеры агента Себастьяни. Первым его мощь испытал на себе ее непосредственный начальник, который как-то имел неосторожность придержать перед ней входную дверь. После этого ему несколько месяцев пришлось объяснять, что он не имел в виду ни дискриминации по сексуальному признаку, ни сексуальных домогательств.

Перейдя в другой отдел — с повышением — Делия использовала это слово во всех случаях, когда хотела чего-то добиться.

Если строптивное начальство не сразу соглашалось, следовал бомбовый удар — визит адвоката с черновиком заявления в суд, обвиняющего вышеупомянутое начальство в сексуальной дискриминации. Как правило, она получала желаемое, а ее любимая фраза — «от подобной дискриминации всего один шаг до того, чтобы залезть ко мне в трусики» — стала общеизвестной и послужила поводом для прозвища.

Но сейчас, оказавшись меж двух огней, замдиректора Мэйтленд, очевидно, решил все-таки потрафить прессе. Симпсон злорадно наблюдал, как голос Делии становился все менее уверенным, а лицо — все более красным. Наконец, с последним:

— Да, сэр! То есть, нет, сэр! — она злобно сунула телефон в сумочку, рысцой подбежала к ведущей и, скорчив нечто, обозначающее любезную улыбку (больше это, правда, напоминало оскал голодного крокодила), громогласно заявила:

— Мы тут... посоветовались и приняли решение разрешить накормить заложников!

Под ликующие вопли толпы папу Пирелли пропустили через полицейское ограждение. На большом экране телевизора, установленном над телефургоном, было хорошо видно, как он подходит к боковому входу... оставляет там две большие пластиковые сумки с фирменной надписью... возвращается обратно и останавливается рядом со своим фургончиком.

Камера снова переместилась на боковой вход, где по-прежнему стояли сумки. Через пару минут дверь слегка приоткрылась и оттуда медленно высунулась... обыкновенная швабра. Все с замиранием сердца следили за тем, как после нескольких неудачных попыток швабра подцепила одну из сумок и потащила внутрь. Вскоре за ней последовала вторая, и дверь снова закрылась.

После этого показали рекламу, и оголодавшая толпа устремилась к фургончику папы Пирелли. Быстро распродав оставшуюся пиццу, он уехал, пообещав привезти еще. Симпсон

оказался в числе тех счастливцев, которым пиццы хватило — стараясь проглотить ее как можно быстрее, он отворачивался от натянутых со всех сторон телекамер, надеясь, что его жена не заметит столь вопиющего нарушения диеты.

Пицца и правда была великолепная — горячая, ароматная, с толстым слоем сыра. Глэдис почувствовала себя почти в раю — почти, потому что запивать ее пришлось холодной кока-колой. Она бы, конечно, предпочла кофе, но по-прежнему опасалась произносить это слово при Джейсоне. А может, ему в детстве уронили на голову кофейник? Ведь в остальном он выглядел вполне нормальным и весьма приятным джентльменом!

Некоторое время в отделе электроники были слышны только шуршание, чавканье и сопение. После этого наступила тишина, иногда прерываемая довольными вздохами.

Наконец толстяк Карсон нарушил молчание:

— Пицца — это вещь!

— Да-а, в тюряге такую не попробуешь, — отозвался Чет, как всегда, склонный к пессимизму.

— Да ну тебя, вечно ты о всякой пакости некстати вспоминаешь, — огрызнулся Карсон. — Сейчас бы еще кофейку...

Покосившись на Джейсона — вроде не сердится?... — Глэдис посоветовала:

— А вы у уборщиц спросите. Они наверняка знают... — и возликовала, когда он неожиданно сказал:

— Рыжий, и правда, пойдя там подшустри насчет кофе. Возьми одну из уборщиц, пусть тебе покажет.

— Почему рыжий? Вечно чуть что — так сразу меня... — заныл рыжий.

— Потому что ты уж точно их щупать по дороге не полезешь. А нам сейчас только обвинения в изнасиловании для ровного счета не хватает, — припечатал Джейсон. — Так что — иди-ка, — после чего обратился к Глэдис: — Миссис Четтерсон, у нас осталось полчаса до следующего выпуска новостей. Я бы хотел, чтобы за это время мы с вами выработали совместную стратегию переговоров. Не сомневаюсь, что вы и сами прекрасно все знаете, но я — так сказать, для большей ясности — позволю себе еще раз подытожить...

Речь его текла плавно, как у лектора, и Глэдис постепенно отвлеклась, задумавшись о других, куда более интересных вещах. Она по-прежнему смотрела на Джейсона ясными глазами, иногда — в моменты, кажущиеся ей подходящими — кивала, но мысли ее были далеко. Лишь иногда она улавливала какие-то вырванные из контекста обрывки фраз — непонятные и неинтересные:

— ...таким образом, нам угрожает обвинение по статье...

«Интересно, скоро приедет Джек? А как бы этот комплект с колокольчиками подошел к черной кружевной блузке! Но с рубинами лучше...»

— ...кроме того, остается открытым вопрос, связанный с киднэппингом...

«Чего они там так долго с кофе возятся? Домой хочу-у! И чтобы Джек сделал кофе с бренди — как он умеет, и укрыл уютным одеялом, и чтобы Панч рядом мурлыкал...»

— ...По совокупности мы можем получить по меньшей мере...

«А в театр мы так и не попали... И билеты пропали... Когда теперь еще будет шанс показаться в обществе под ручку с Джеком? А как он здорово дрался с полицейскими! Все-таки он самый лучший в мире муж...»

Она уже начала было предаваться самобичеванию по поводу не доставшегося вчера Джеку бифштекса, но тут Джейсон на несколько секунд замолчал, вздохнул и закончил свою

речь:

— Итак, я обрисовал вам настоящее положение вещей. Теперь слово за вами, миссис Четтерсон!

«Чего ему от меня надо? И почему кофе не несут? И чего они все на меня так уставились?»

От необходимости отвечать Глэдис спасло чудо в лице рыжего, который гордо вкатился в секцию электроники, нагруженный какими-то пакетами и коробками. За ним бесконвойно следовала одна из уборщиц — худосочная белобрысая особа лет тридцати с подносом, на котором теснились чашки, кофейник и сахарница.

— Ну, наконец-то! — обрадовался толстяк Карсон. — А это еще кто такая?

— Это Мейзи, — объяснил рыжий. — Она мне показала, где этот гад — менеджер ихний — конфеты прячет и печенье. Я его шкаф карточкой открыл и все выгреб — вот, тут даже тартинки с вареньем есть, — вывалил он на стол пакеты.

— Рыжий, убери ее к чертовой матери — не до нее сейчас! — рявкнул Джейсон.

Выделив Мейзи заслуженную премию — чашку кофе и пару тартинков, рыжий со вздохом повел ее обратно в узилище под лестницей.

К этому времени Глэдис уже забыла, что Джейсону от нее чего-то надо, и, отхлебнув глоток кофе, почувствовала себя в раю — но тут он снова принялся за свое:

— Итак — слово за вами, миссис Четтерсон. Я понимаю, что вы не вправе нарушать свой служебный долг — но вы можете выразиться иносказательно... или хотя бы намекнуть...

Сбоку неожиданно всунулся Чет, решивший внести свою лепту в беседу, и окончательно запутал Глэдис непонятными словами:

— А еще у нас стволы паленые... За это тоже дают!

— Резаный, ты бы уж помолчал! Незаконное хранение оружия по сравнению с киднэппингом — это семечки! — отозвался Джейсон и снова, уже с легким недоумением, уставился на Глэдис — пауза несколько затягивалась.

— А пистолеты у вас настоящие? — внезапно спросила она, сама не зная зачем.

Челюсть Джейсона слегка отвисла. Услышать такой вопрос из уст опытного агента ФБР казалось по меньшей мере странно — ведь она, по идее, давно должна была заметить, что они пользуются стандартным полицейским оружием 38 калибра. Значит, за этим идиотским вопросом что-то кроется...

Решив помочь Джейсону, который почему-то слишком долго не мог ответить на такой простой вопрос, Глэдис уточнила:

— Ну, я хочу сказать — они правда по-настоящему... то есть пулями умеют стрелять?

Настоящего пистолета она никогда в жизни не видела, поэтому ей ужасно хотелось посмотреть на него вблизи и, если можно, потрогать. Джейсон же мучительно пытался понять, что имеется в виду и стоит ли попросить, чтобы миссис Четтерсон сказала это прямо — или подождать еще парочки наводящих вопросов...

Достав из кармана оружие, он демонстративно вынул обойму и протянул его рукояткой вперед.

— Посмотрите сами!

Покрутив пистолет в руках — он оказался неожиданно тяжелым и пах машинным маслом — Глэдис встала, ухватила его, как полицейские в боевиках, двумя руками и прицелилась в елку, словно собираясь сбить звезду.

Окружающие, замерев, наблюдали за ее манипуляциями. Зверски оскалившись, она нажала на курок и зажмурилась.

Жмурилась Глэдис зря — никакого выстрела не последовало. Разочарованно протянув:

— Не стреляет, — она со вздохом положила оказавшийся таким неинтересным пистолет на стол.

Некоторое время Джейсон тупо смотрел на пистолет, пытаясь понять, не сошла ли агент Дизайнер с ума, как вдруг его осенило — он понял, что эта гениальная женщина пыталась ему втолковать.

— Значить, вы хотите сказать...

— Не стреляет, — грустно повторила Глэдис. — А у вас в витрину — так здорово получилось!

— Великолепная отмазка! — неожиданно воскликнул Джейсон. — Миссис Четтерсон, это такой тонкий ход, что его мог придумать только гений вроде вас!

Получив из уст постороннего человека столь изысканный комплимент (правда, непонятно, за что), Глэдис гордо вскинула голову и посмотрела — все ли слышали?!

Все выглядели слегка ошарашенными, переводя глаза с нее на Джейсона и не совсем — как и она сама — понимая, о чем, собственно, идет речь.

— Значит, что же это у нас выходит... — лихорадочно бормотал Джейсон. — Вооруженное ограбление — долой. Терроризм — это просто смешно! Киднэппинг — тоже! Захват универсама — чепуха. Угроза жизни и здоровью заложников...

— А им пиццы дали? — вспомнила Глэдис.

— Вы абсолютно правы — им не на что жаловаться! Вы уже тогда все это прикинули, не так ли?

Глэдис — согласно «правилу номер один» — решительно кивнула.

Наконец, побормотав еще немного, Джейсон вскинул голову и обвел всех просветленным взором.

— Оружие — разрядить, все патроны сложить на стол! У кого хоть один патрон останется — пеняйте на себя! Пэдди, слазай, посмотри, куда в витрине пуля попала. Выковыряй и мне принеси — а дырку раздолбай как следует, чтобы непонятно было, откуда она вообще взялась. А все остальные — идите-ка да потопчитесь по осколкам, чтобы там следов от пули ни одна экспертиза не нашла. И вбейте себе в голову — у нас оружие без патронов было. Вообще не заряжено, понимаете?

До окружающих постепенно начало доходить.

— Это что — пятерик и точка? — спросил Дики.

— А то и меньше — попытка невооруженного ограбления, — подтвердил Джейсон. — Ведь пистолет без патронов — не оружие? Так что быстро за работу.

Глэдис ничего не понимала, но ей было страшно интересно. Она уже почти не жалела, что не попала в театр — это было ничуть не хуже. И Джека показали по телевизору! И пиццу дали! И кофе с печеньем! И по любому поводу хвалят! А в театр можно сходить и в другой раз...

— Теперь с вами, миссис Четтерсон, — эти слова отвлекли ее от размышлений. — Через семь минут начнутся новости. После этого — а еще лучше, если получится, прямо во время новостей — вам нужно будет...

Инструктаж длился всего минут пять. В конце Джейсон заявил:

— Более подробно объяснять, я думаю, нет смысла. Вы, с вашим умом и опытом, и без того прекрасно понимаете, что я имею в виду...

Новости, как обычно, начались с показа ярко освещенного фасада универсама. Потом камера переместилась на толпу, которая, несмотря на ночное время, не расходилась и даже увеличилась в размерах.

— ...Недавно подъехал мистер Додсон в сопровождении первого заместителя мэра. — На экране появилась небольшая группа людей на фоне сверкающего черного лимузина, камера ненадолго остановилась на одном из них — низеньком кругленьком человечке в пальто и очках, всем своим видом пытавшемся показать, что он к развивавшемуся перед ним скандалу не имеет ни малейшего отношения. Он тут же вступил в оживленную дискуссию с представителями ФБР. Сейчас мы попытаемся, услышать, о чем они говорят...

Дискуссия и правда становилась чем дальше, тем оживленнее. Здоровенный — чуть ли не с Джека ростом, но потолще — старик с усами вопил и, потрясая кулаками, наступал на очковую мымру. Его с трудом сдерживали двое типов в черном, стоявшие у него на пути. Мымра, распахивая их в стороны и выкрикивая что-то в ответ, пыталась прорваться вперед.

Были слышны отдельные возгласы: «Это сексизм!», «Я не позволю!» (последнее кричали оба собеседника), «Безобразие!», «Тут я командую!». Наконец Додсон подбежал к заместителю мэра, схватил его за рукав и поволок к мымре, крича:

— Ты скажи ей! Ты скажи ей!

Но сказать было уже некому — мымра, увидев наступление превосходящих сил противника, предпочла укрыться в фургоне ФБР. Зато к Додсону тут же подскочила теледевица:

— Нэнси Трейер, первый канал! Мистер Додсон, как мы уже догадались, вы с агентом Себастьяни не смогли прийти к единому мнению. Не будете ли вы так любезны ответить на несколько вопросов?! Что вы почувствовали, узнав...

Но ей не суждено было закончить этот вопрос — внезапно раздавшиеся восторженные вопли заставили всех обернуться. Еще секунда — и толпа, окружавшая Додсона и заместителя мэра, переместилась в центр площади, куда медленно въезжала полицейская машина. Стекло было поднято, и публика могла видеть Джека, триумфально восседавшего на переднем сидении.

Машина остановилась, Джек вылез, ухмыльнулся и сделал короткий неприличный жест в сторону фургона ФБР — толпа разразилась свистом и аплодисментами. Выглядел он покрасневшимся и очень довольным — по мнению Глэдис, даже слишком довольным. И чего это он там целых полтора часа делал? И почему так растрепан? И зачем опять расстегнул куртку?

Она не подозревала, что в немалой степени довольный вид Джека был обусловлен приятным времяпрепровождением в полицейском участке. Пока адвокаты хлопотали о его освобождении, он заглотил ужин из ближайшего ресторана, сопровождаемый порцией виски — все это за счет налогоплательщиков. Включенный в кабинете начальника участка телевизор свидетельствовал, что Глэдис жива, здорова и получила еду — следовательно, спешить было некуда, и Джек даже слегка огорчился, когда в дверях появился адвокат, возвестивший, что он уже выпущен под залог.

Те же самые полицейские, которые увозили Джека с площади, привезли его обратно. Про несколько синяков, полученных обеими сторонами в памятной схватке перед телекамерами, решено было не вспоминать — тем более после предложенного Джеком тоста: «За здоровье нью-йоркской полиции и за посрамление фэбээровской суки!!!», поддержанного всеми присутствовавшими полицейскими.

Поэтому сейчас он находился в состоянии полной гармонии духа и тела и, увидев подсунутый ему под нос микрофон, радостно заорал:

— Глэдис! Ау-у! Где ты там — я без тебя уже соскучился!

Отобрав у него микрофон, теледевица затараторила:

— Миссис Четтерсон, мы ждем вашего звонка! — внизу экрана снова высветился номер телефона. — А пока мы попросим нашего героя ответить на пару вопросов. Мистер Четтерсон, как с вами обращались полицейские? Не были ли нарушены ваши гражданские права? Будете ли вы подавать иск против нью-йоркской полиции в связи с арестом?

Краем уха слушая вопросы, Глэдис лихорадочно набирала номер — почему-то все время было занято.

— Полицейские — отличные ребята! Они не виноваты, что эта... — неизвестно, какими эпитетами Джек наградил бы агента Себастьяни — скорее всего, их хватило бы на обращение последней в суд за сексизм, публичное оскорбление личности и клевету — но внезапно вмешавшаяся теледевица не дала ему закончить фразу:

— Ваша жена уже на линии! Говорите!

Глэдис оторопело уставилась на экран — ей все еще не удалось дозвониться, а до сего момента она пребывала в полной уверенности, что является единственной законной супругой Джека. Но то, что последовало дальше, заставило ее затрястись от бешенства:

— Джек, мне двадцать лет, я натуральная блондинка, бюст тридцать шесть дюймов, рост пять и десять⁶, талия двадцать четыре, я увлекаюсь теннисом и классической

музыкой... — все это было высказано на одном дыхании.

Опасаясь за судьбу телевизора и последнего телефона, Джейсон придержал порывающуюся вскочить Глэдис за плечи, одновременно ловко выхватив у нее аппарат.

— Ну и что? — перебил наглуую выскочку Джек.

То-то же, знай наших! Глэдис победоносно взглянула на окружающих — все-таки у нее самый лучший в мире муж!

— Я согласна выйти за вас замуж! — объяснила нахалка. — Или встречаться! Или...

Неизвестно, что еще было бы предложено Джеку — внезапно он пихнул телефон ведущей, одновременно вырывая у нее из руки микрофон.

— Глэдис, я люблю только тебя! — завопил он. — Позвони мне!

На этот раз дозвониться удалось, но когда Глэдис с чувством законной гордости заявила, что она миссис Четтерсон, ее ехидно спросили:

— А вы уверены? А то вы уже шестая миссис Четтерсон за последние пять минут! — Глэдис задохнулась от возмущения. — Ну-ка, а что вы вчера ели на ужин?

— Курицу... — с легким недоумением отозвалась она. Ну при чем тут вчерашний ужин?!

После этого, наконец, Джек соизволил взять трубку. Стоило Глэдис услышать его голос, как она тут же ринулась в наступление:

— При чем тут вчерашняя курица? И сколько у тебя жен?

— Глэдис, это ты? — отозвался Джек, распознав знакомые интонации.

— Нет, это не я. Это шестифутовая белобрысая дылда с теннисом! — в негодовании Глэдис забыла, что ее слышит не только собственный муж, но и вся радостно загоголовавшая от этих слов толпа на площади.

— Слава богу! Я уже начал беспокоиться, — не обратил внимания на подколку Джек. — Как у тебя дела?

— Я пиццу ела! — поделилась Глэдис самым интересным. — Папа Пирелли привез! Вкусная! — тут она решила проявить заботу о муже и посоветовала: — Там сбоку фургончик стоит — купи себе тоже! Вкуснее всего — с грибами и двойным сыром!

На экране крупным планом показали папу Пирелли, который, слушая столь лестный отзыв, расплылся в улыбке. Около его фургончика тут же снова образовалась небольшая очередь проголодавшихся зевак. Потом камера переместилась обратно на Джека. Рядом с ним стоял Додсон, дергавший его за рукав и бубнивший что-то в свободное ухо.

— Глэдис, тут с тобой мистер Додсон поговорить хочет!

— Подожди, я забыла самое главное! Скажи там всем — они хотят переговариваться! Но не с мымрой, а только с Симпсоном!

Слово «мымра» громко разнеслось над площадью, вызвав свист и улюлюканье толпы. При виде агента Себастьяни, выскочившей из желтого фургона и решительно направившейся к Джеку, шум стал еще громче. Сунув Додсону телефон, Джек ухмыльнулся и отвесил ей глубокий поклон. Одновременно в трубке зазвучал незнакомый голос:

— Здравствуйте, миссис Четтерсон. Это Додсон говорит. Как поживаете?

— Спасибо, хорошо, — автоматически отозвалась Глэдис, наблюдая, как мымра, размахивая руками, орет на Джека, в ответ на что его ухмылка становится все шире и шире.

— Миссис Четтерсон, что происходит в универмаге?

— Ну... они... эти люди хотят выйти. Но они боятся, что их обвинят в терроризме. Они не хотели ничего плохого!

— Чего же они тогда полезли в универмаг? — спросил удивленно Додсон.

— Из-за новой рождественской коллекции украшений! — объяснила Глэдис. — Там такие красивые вещи есть! Особенно комплект с колокольчиками... и рубинами, — не удержалась она.

— Они что, пытались ограбить ювелирную секцию?

— Да, — на вопрос, заданный в лоб, пришлось ответить честно, — но они же не ограбили! Они только немножко... попытались открыть сейф.

— Универмаг сильно пострадал?

— Нет, ну что вы! Только витрина на первом этаже разбита... и телевизор, который внутри там был... большой такой...

— Господи, ну телевизор-то им чем не понравился?...

— Это нечаянно, — Глэдис не стала уточнять, кто именно разнес телевизор, и поспешила увести разговор в сторону: — Еще ковер чуть-чуть прожгли в ювелирной секции — сварочным аппаратом... ну и сейф... — тут ее неожиданно подергали за руку. — Сейчас, минуточку! — и, выслушав то, что сообщил ей рыжий, она решительно закончила: — И еще съели коробку печенья из шкафа генерального менеджера... и все конфеты.

Последние слова вызвали у толпы приступ веселья. В этот момент Джейсон выхватил из ее руки аппарат и шелкнул крышкой.

— Достаточно, теперь подождем их ответа, — и, обратившись к Глэдис, добавил: — Миссис Четтерсон, вы просто гений импровизации. Я не сомневаюсь, что вас учили манипулировать общественным мнением — но как тонко вы это делаете!

На экране показывали панораму площади. Потом камера начала блуждать по толпе, выхватывая наиболее интересные лица и на две-три секунды задерживаясь на них. Промелькнули Додсон и заместитель мэра (стояли около лимузина и о чем-то спорили), Джек (перебросил зубочистку в другой угол рта, ухмыльнулся и сделал камере ручкой), очковая мымра (установилась на кого-то не сулящим ничего хорошего взором), ее подручные (мрачные рожи в черных очках) — и много других, незнакомых Глэдис людей. Наконец на экране появилась знакомая теледевица.

— Только что к нам обратился заместитель мэра мистер Кэрю. Он просит миссис Четтерсон срочно позвонить ему, — внизу экрана высветился номер телефона — не тот, что был раньше. — Поскольку он настаивает на полной конфиденциальности, мы не сможем следить за ходом этой — несомненно, интересной — беседы. Но я надеюсь, что уже в следующем выпуске новостей мистер Кэрю ответит на наши вопросы. А сейчас — реклама!

— Ну вот, — с облегчением вздохнул Джейсон, — рыбка клюнула! Теперь главное — подсечь с умом. Давайте, миссис Четтерсон!

Глэдис набрала номер. Она плохо представляла себе, что будет говорить — от инструкций Джейсона в голове остались какие-то обрывки — но уже не сомневалась: что бы она ни сказала, это незамедлительно будет признано гениальным!

— Мистер Кэрю? Здравствуйте, это Глэдис Четтерсон.

— Здравствуйте, как поживаете? Рад вас слышать! — отозвался в трубке хорошо поставленный бархатистый голос. Одновременно Джейсон обнял ее за плечи и прижался ухом к телефону с другой стороны. Глэдис не сразу поняла, что он делает, и собралась было возмутиться — чего это ему вдруг обниматься вздумалось?! — но потом догадалась и обрадовалась, что поблизости нет Джека. Он бы, несомненно, все понял неправильно!

— Итак, миссис Четтерсон — разрешите, я буду называть вас просто Глэдис? — как я

понимаю, люди, захватившие универмаг, согласны на переговоры?

— Да, — шепнул Джейсон.

— Да, — послушно повторила Глэдис.

— Но договариваться они хотят не с мисс Себастьяни, а с мистером Симпсоном?

— И с представителями прокуратуры! — просуфлировал Джейсон. Глэдис повторила.

— В таком случае мне нужны определенные аргументы, которые бы позволили просить у руководства ФБР передать полномочия по ведению дела мистеру Симпсону, — заявил заместитель мэра.

После короткой недоуменной паузы — какие аргументы, и так все ясно?! — Глэдис взглянула на Джейсона. Словно дожидаясь этого, тот незамедлительно выхватил у нее телефон.

— Лучше я сам!

Беседа длилась минут пятнадцать — в основном она свелась к монологу, обличающему и обвиняющему специального агента Себастьяни. Профессиональный политик, Кэрю знал толк в демагогии, но сразу же понял, что собеседник с легкостью заткнет его за пояс. Упоминались нарушение прав человека, незаконное осуждение без суда (этим термином Джейсон охарактеризовал упоминание об электрическом стуле), запугивание честных избирателей (то есть его с подельниками), угроза жизни, здоровью и имуществу людей (сиречь угроза начать штурм), нарушение прав несовершеннолетних и представителей сексуальных меньшинств (Пэдди и рыжего) и многое другое. Глаза Джейсона горели, голос его то поднимался ввысь и в нем звучали патетические нотки, то опускался до зловещего шепота, словно он вновь стоял на церковной кафедре. Был не забыт и несчастный Джек, разлученный с любимой женой и обездоленный насильственным лишением личного имущества (телефона), и сама Глэдис, претерпевшая душевные муки при виде издевательств, которым подвергся ее муж.

Когда Джейсон внезапно захлопнул крышку телефона, Глэдис стало даже жалко, что все так быстро закончилось. Выпрямившись, он обвел окружающих орлиным взглядом.

— Ну, как я ему выдал? — и рухнул на стул.

Получив изрядную порцию комплиментов и премию в виде недопитой бутылки Карсона (со вздохом и словами: «Промочи горло — чего уж там, все равно отберут!»), Джейсон с довольным видом обернулся к Глэдис.

— Помяните мое слово, миссис Четтерсон, после того, что я наговорил... и еще повторю — на суде это очень выигрышно звучать будет, сами понимаете — этой суке ничего хорошего не светит. Загонят куда-нибудь на Аляску — пусть там медведей пугает!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Стоя в толпе, Симпсон предавался грустным мыслям о своей несчастной судьбе. Всех показали по телевизору — а его нет! Эти мысли усугубляло неприятное ощущение в желудке — все-таки жена права в отношении диеты, при его гастрите вторая пицца была явным излишеством! Правда, вкусным...

Зазвонивший телефон Симпсон воспринял как очередную неприятность.

— Симпсон? — услышал он голос своего непосредственного начальника.

— Да, сэр!

— Берите снова все в свои руки. Из прокуратуры уже выехали, так что договаривайтесь, соглашайтесь — только, бога ради, заканчивайте эту х...ню наконец! Это чертово шоу у всех уже в печенках сидит! Из обычного ограбления телеспектакль, понимаешь, сделали!

— А мисс Себастьяни? — осторожно поинтересовался Симпсон.

— Ей замдиректора сейчас должен позвонить. Так что — действуйте!

— Есть, сэр! — забыв про свои несчастья, он понесся к фургону, чтобы не пропустить интересное зрелище — реакцию Железных Трусиков на звонок начальства, отстраняющего ее от операции.

Через полчаса, полюбовавшись посрамлением подлой феминистки, Симпсон стоял перед телекамерами в обществе ведущей, ожидая начала новостей и готовясь вкусить положенную ему порцию земной славы. Казалось, он стал даже выше ростом, когда, наконец, произнес:

— Теперь операцию возглавляю я!!! Мною получены самые широкие полномочия по ведению переговоров, — и для пущей драматичности добавил: — Я надеюсь, что мне удастся решить дело без кровопролития!

Публика, уже изрядно подуставшая и желающая как можно быстрее увидеть конец спектакля, зааплодировала. Симпсон раскланялся.

Стоявший позади него Джек Четтерсон яростно размахивал телефоном, пытаясь привлечь внимание Глэдис. Получив обратно отобранный аппарат, он обнаружил, что ему двадцать семь раз звонили с одного и того же номера. По наивности подумав, что это что-то важное, он решил перезвонить и наскочил на тещу, которая сообщила ему, что Глэдис — его жена, если он не помнит, о ком идет речь! — то ли свихнулась, то ли стала наркоманкой и алкоголичкой — что неудивительно при наличии подобного мужа — и бредит о каких-то бандитах, которые сидят на елке. А посему она — то есть теща — собирается ближайшим рейсом вылететь в Нью-Йорк, чтобы лично наблюдать за течением болезни и сопровождать несчастную дочь к психиатрам и наркологам.

А больше ей говорить с ним не о чем, и почему это по его телефону отвечала посторонняя женщина?! И почему у Глэдис сначала было все время занято, а теперь вообще никто не отвечает?

После этого теща повесила трубку, не желая слушать его ответов и оправданий. Теперь первоочередной задачей Джека стало добраться до жены — может, она сумеет как-то отменить визит «истинной леди»?!

На этот раз Глэдис сразу поняла выразительные жесты Джека — ясно, просит позвонить! Но тратить время на пустую болтовню ей было некогда — выключив телефон, чтобы никто не мешал, она руководила бригадой, разбиравшей верхушку елки.

Первое, что сделал Джейсон, отдышавшись после беседы с Кэрю, это заявил:

— Теперь нам нужно обоймы спрятать — да так, чтобы никто и никогда их не обнаружил, даже если будут очень искать. У кого какие мысли есть?

Идеи посыпались со всех сторон — и были беспощадно отвергнуты. Спустить в туалет — может засориться и водопроводчик найдет. Закопать в кадке с пальмой — собака, натренированная на взрывчатку и боеприпасы, легко обнаружит, они чувствуют футов на десять. Сунуть в вентиляцию — то же самое.

— А может, в елку? — нерешительно спросила Глэдис. Шесть пар глаз вытаращились на нее, требуя объяснения.

— Ну, елка — она же железная, из секций собрана, а секции внутри пустые и снизу открытые... а сверху такая чашечка с дырочками для винтиков. Так вот, если отвинтить верхнюю секцию...

— Миссис Четтерсон, я всегда знал, что вы гений, — тихо сказал Джейсон. — Ни одна чертова шавка наверх не полезет — да никому и в голову не придет!

— А забрямкает? — это, естественно, усомнился Чет. — Когда после Рождества разбирать-то начнут...

На этот вопрос у Глэдис тоже был готов ответ — тут она действительно была профессионалом.

— Можно в тряпку завернуть и палкой от швабры поглубже затолкать!

Уже через десять минут на вершине елки закипела работа. Сидя на ветках, Пэди и Дики поддерживали вершину, пока Чет осторожно отвинчивал дюймовые болты, крепящие ее к нижней секции — «винтиками» Глэдис называла именно их. Сама же Глэдис руководила — то есть прыгала по веткам и истошно орала:

— Осторожно! Шарик не заденьте! Ой, провода не порвите! — она так хорошо успела украсить верхушку, что ей не хотелось начинать все с начала — тем более что времени до Рождества и так было в обрез.

Джейсон между тем инструктировал по телефону своего адвоката — тот уже прибыл и болтался в толпе, ожидая начала переговоров, чтобы в нужный момент появиться, как черт из табакерки. Рыжий был откомандирован за новой порцией кофе. Единственный, кто остался не у дел, оказался толстяк Карсон — он грустно сидел и тарачился в телевизор.

Операция прошла блестяще: верхушка, к счастью, была не железной, а из алюминиевого сплава (Глэдис называла «железным» почти любой металлический предмет), так что отвинтить ее и удержать на весу оказалось несложно. После этого тщательно завернутые в половую тряпку обоймы были засунуты в трубу — эту тонкую работу проделала сама Глэдис, она же пропихнула сверток вглубь на всю длину швабры.

Насадить верхушку обратно и привинтить ее заняло всего пять минут — бригада уже сработалась.

Только спустившись вниз и с чувством удовлетворения от хорошо проделанной работы пригубив чашку кофе, Глэдис вспомнила и про мужа. На этот раз дозвонилась она легко, но услышанное поставило ее в тупик. Она и сама прекрасно понимала, что визит мамы — тем более под Рождество — будет весьма некстати, но понятия не имела, как можно отменить его.

Тяжело вздохнув, она набрала номер.

— Мама?

— Моя несчастная крошка! Этот изверг наконец разрешил тебе позвонить? Ничего,

скоро мама придет и обо всем позаботится! Мне уже рекомендовали хорошего адвоката! И психиатра тоже!

— Мама!

— Почему ты кричишь? Он тебя бьет? Что случилось?

— У меня все хорошо!

— Это тебе только кажется!.. Ничего, я завтра уже приеду!

— Не надо приезжать! У меня все хорошо!

— Почему это не надо приезжать? Ты что, не будешь рада меня видеть? — мама явно обиделась. — А-а, я понимаю. Тебе стыдно. Я слышала, как по твоему телефону отвечала какая-то мерзавка. Он что, уже и при тебе... этим занимается?

— Нет, мама, она была из ФБР.

— От этого типа всего можно ожидать!

— Мама!

Но ее мать уже села на своего любимого конька.

— Разводись немедленно! Ты уже бредишь про бандитов и елки — а все от страданий! Выходи замуж за приличного джентльмена и забудь этого тexasского кобеля!

Глэдис попыталась возмутиться:

— Ты не понимаешь! Джек хороший! Он даже приехал меня освобождать от бандитов! — и быстро покосилась на окружающих — не дай бог, обидятся!..

— Вот видишь — ты опять бредишь!

В этот момент Джейсон, уже некоторое время прислушивавшийся к разговору, сказал:

— Дай-ка, — и выхватил у нее трубку. — Здравствуйте, мэм. Я, некоторым образом, являюсь представителем тех самых бандитов, о которых упоминала ваша дочь...

Разговор длился минут пять — очень быстро он перешел в монолог. Джейсон многословно и витиевато восхищался матерью, которая смогла воспитать столь гениальную дочь, заверял ее в полном душевном здравии Глэдис и в том, что, несомненно, та будет искренне рада ее визиту — но сейчас, зимой, резкая смена климата может губительно сказаться на состоянии бронхов — даже у такой молодой и привлекательной женщины, как его собеседница. Кроме того, понизив голос, он рассказал, что от общественности тщательно скрывают опасность оледенения двигателя самолета и статистику аварий — но именно в середине зимы это случается чаще всего...

Потом, несколько раз повторив:

— Да, мэм... совершенно верно, мэм... — он передал Глэдис трубку. — Теперь она хочет с тобой поговорить...

— Мама?

— Кто этот чудный и милый джентльмен? И почему ты мне никогда не говорила, что у тебя есть такие очаровательные знакомые?

— Мама, он...

— А ты не хочешь выйти за него замуж?

— Мама...

Объяснять маме, что ближайшие несколько лет этому очаровательному джентльмену предстоит провести в тюрьме штата, было бесполезно. Да она и не нуждалась в объяснениях.

— Ну ладно, он прав, я не приеду. А почему ты не заботишься о моих бронхах? И не сказала про самолеты? Ты что, не любишь меня?

— Мамочка, ну что ты!!! Конечно, люблю!

— То-то же! Целую! — чмокнула в трубку мама и, слава богу, отключилась.

Глэдис еще слегка оторопело смотрела на телефон, когда Джейсон неожиданно сказал с глубоким вздохом:

— Моя мама тоже ничего не знает и до сих пор считает, что я проповедник...

Переговоры оказались самым простым и коротким эпизодом во всей этой истории. Стоило представителям прокуратуры подъехать и уединиться с Симпсоном в фургоне ФБР, как в дверь постучали. На пороге стоял одетый в черный костюм щуплый человечек, который отрекомендовался адвокатом людей, захвативших универмаг, и сообщил, что уполномочен вести от их имени переговоры.

Все остальное действие по сути ничем, кроме более корректных выражений и меньшей жестикуляции, не отличалось от торговли на восточном базаре. Обе стороны хотели получить больше и дать меньше — но в конце концов пришли к компромиссу: преступники признают себя виновными в попытке ограбления — ничего другого им инкриминироваться не будет.

Джейсон контролировал весь ход переговоров с помощью телефона, закрепленного на голове у адвоката (приспособление «Свободные руки» — специально для домохозяек и деловых людей!). В тот момент, когда была поставлена последняя подпись на всех экземплярах соглашения, с улицы раздался свист и хохот толпы.

— Что опять случилось? — вскинулся Симпсон, который очень гордился достигнутым успехом и страшно боялся, что в последний момент что-то пойдет не так.

— А-а, ничего страшного, — сообщил адвокат, аккуратно пристраивая в прозрачную папочку свой экземпляр соглашения, — просто мои подзащитные перед выходом решили сообщить прессе одну маленькую пикантную подробность.

— А именно? — робко спросил представитель прокуратуры.

Адвокат выдержал паузу и мило улыбнулся.

— Они были не вооружены.

— Что-о? — подскочил Симпсон. — А эти — большие, черные?...

— Пистолеты? — понял адвокат. — Да, но в них же не было патронов.

— Значит... — пробормотал Симпсон.

— Совершенно верно, это можно квалифицировать как невооруженное ограбление. У них даже перочинного ножа с собой не было!

— Да нет, я не про то хотел сказать, — отмахнулся Симпсон. — Значит, полицейские могли с самого начала просто войти и арестовать их?

Адвокат кивнул, развел руками и спрятал документ в портфель.

В универмаге готовились к торжественной капитуляции. Глэдис страшно нервничала — впервые в жизни ее должны были показывать по телевизору! — и решила выжать из этого мгновения все...

Прежде всего она настояла на том, чтобы выходить через центральный вход — так лучше смотрится! Кроме того, лично осмотрела каждого из грабителей — поправила воротнички, заставила застегнуть куртки и даже причесала Пэдди и Чета собственной расческой.

После этого Глэдис удалилась в туалет, чтобы там, перед большим зеркалом, наскоро привести в порядок и себя. К ее возвращению телевизор был уже выключен — почувствовав себя осиротевшей, она первой пошла к выходу.

Уже у самой двери ее остановил голос Джейсона:

— Ну что, мисс Дизайнер, давай прощаться!

Глэдис обернулась. И тут, не спросив разрешения, он обхватил ее обеими руками и поцеловал — как следует, по настоящему, а не полагающимся невинно-формальным поцелуем!

После этого она попрощалась и с остальными — никто из них, естественно, не осмелился повторить наглый поступок Джейсона. В его сторону Глэдис старалась не смотреть — она была возмущена до глубины души. Правда, к возмущению примешивалась и еще одна, совершенно неуместная мысль: — «Как здорово он умеет целоваться — почти как Джек! И как обидно узнать об этом только в последний момент!»

Все взоры были устремлены на главный вход — публика, простоявшая на площади уже несколько часов, боялась пропустить исторический момент. И вот, наконец, дверь отворилась, и по толпе прокатился изумленный гул — первой появилась странная коричневая фигурка с огромными растопыренными лапами и человеческой головой, зажавшая в одной из лап пластиковую сумку с надписью «Диззи Дэн». За ней один за другим вышли шестеро мужчин — самый низенький из них был выше ее по меньшей мере на полфута — и выстроились в шеренгу у нее за спиной.

Глэдис увидела Симпсона и еще кого-то в черном, медленно поднимавшихся по ступеням. За ними следовало несколько полицейских.

— Не забудь, оружие — адвокату! — прошептал Джейсон над самым ухом.

Она хотела ответить, что все помнит, хотела дождаться Симпсона с адвокатом, эффектным жестом вручить им сумку с пистолетами и еще немножко покрасоваться перед телекамерами — и тут заметила, что внизу, перед линией оцепления, стоит Джек — опять в расстегнутой куртке, такой свой, домашний и родной! Он улыбался и махал ей рукой!

И, забыв обо всем, Глэдис понеслась вниз по лестнице. На бегу сунула сумку адвокату и полетела дальше, чуть не поскользнувшись на заснеженных ступеньках — к своему собственному, самому лучшему в мире мужу! Добежала, бросилась на шею и повисла на нем, обхватив руками и ногами.

Во всех утренних газетах была опубликована — с незначительными вариациями — одна и та же фотография: на фоне входа в универмаг и клубящихся там полицейских красивый светловолосый парень обнимает и прижимает к себе повисшее на нем мохнатое существо с нелепым помпончиком вместо хвоста...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На следующий вечер Глэдис триумфально выступила в популярной программе «Человек недели» с эксклюзивным интервью. В этот день на работу она не пошла — важнее было сделать все, чтобы явить себя публике в полном блеске.

Спецзадание для истинной леди Парикмахерская, макияж и — самое главное! — наряд. После долгих раздумий она все-таки остановилась на красном костюме, но не с блузкой, а с белым топиком, прошитым золотистыми сверкающими нитями.

Все вопросы и ответы были заранее выучены и трижды отрепетированы — для большей непосредственности. Правда, в прямом эфире Глэдис все же сумела внести в сценарий нечто свое, публично обозвав Делию Себастьяни «мерзкой стриженной выдрой» — это выражение Глэдис часто слышала от матери, а посему сочла, что, употребив его, она не уронит своего достоинства. А в конце передачи ее ждала неожиданная радость — от имени правления универмага и лично мистера Додсона ей был торжественно вручен рождественский подарок — тот самый комплект украшений с колокольчиками и рубинами!

Подобная щедрость Додсона была вызвана тем, что после описанных событий объем продаж в универмаге увеличился чуть ли не вдвое.

Назавтра, придя с утра на работу, Глэдис была с почетом препровождена в кабинет мистера Додсона, который рассыпался в комплиментах по поводу ее внешности, вкуса и мужественного поведения и предложил — за соответствующее (и очень неплохое!) вознаграждение — принять участие в рекламной кампании. Она, естественно, согласилась, после чего нахальный старикашка позволил себе «по-отечески» поцеловать ее в щечку. Поцелуй ей не понравился — усы противно щекотались — последующее предложение поужинать вместе — тоже.

Зато новые обязанности: ближайšie две недели сидеть за столом в вестибюле — в костюме обезьяны, но без маски и шапочки — и подписывать рекламные буклеты универмага не вызвали у нее ни малейших возражений.

Тем более что на обложке буклета была изображена она сама — в новых украшениях!

Елку же — естественно, под ее руководством — украшала специально нанятая бригада из трех молодцов, переодетых медведями.

Глэдис была нарасхват! Ей приходилось подписывать буклеты, позировать перед фотоаппаратами и следить за подручными, которые то и дело норовили схалтурить и не имели ни малейшего понятия об основах современного дизайна, а главное — отвечать на вопросы посетителей. Основными вопросами были: «Неужели вы совсем не боитесь?» и «А где же ваш очаровательный муж? Мне бы так хотелось с ним познакомиться!»

Джеку предложили главную роль в новом телесериале, где он должен был играть мужественного и неустрашимого полицейского. Он отказался, заявив, что ему хватило одного вечера, чтобы понять, что роль телезвезды — не для него.

Глэдис дулась и не разговаривала с ним целый день, пока он не сообщил ей, что по сценарию женат на другой женщине и ему придется с ней целоваться — в том числе и не совсем одетым. Более того, по сценарию он изменяет своей жене — а значит, ему придется проделывать это и еще с одной... или двумя актрисами. Но, если уж Глэдис так настаивает, он готов согласиться — чего не сделаешь ради любимой жены!

Больше этот разговор в семье не поднимался.

Делия Себастьяни выступила на страницах феминистского журнала и сообщила, что в ближайшее время собирается подавать на Глэдис в суд за сексизм и публичное оскорбление личности, выраженное в словах «мымра» и «выдра».

В коротком интервью, данном Глэдис по этому поводу первому каналу (на сей раз на ней был сиреневый блейзер, блузка нежного оттенка чайной розы и новый комплект с колокольчиками), она сообщила, что искренне раскаивается в том, что обозвала агента Себастьяни «выдрой». И тут же добавила, что в воскресенье Джек специально сводил ее в зоопарк посмотреть на выдру. Так вот — это очаровательное животное с умненькими глазками и пушистой шерсткой не имеет ни малейшего сходства с мисс Себастьяни.

Когда Глэдис напомнили, что ее обвиняют еще и в сексизме, она, ничтоже сумняшеся, спросила у ведущей:

— А что это такое?

Впрочем, до суда дело так и не дошло — у специального агента Себастьяни было слишком много дел. Ее — естественно, с повышением — перевели в отделение ФБР на Гавайских островах. Очевидно, начальство решило, что ее темные очки очень хорошо вписываются в тамошнюю обстановку. Так что прогноз Джейсона не оправдался — ей предстояло пугать не медведей, а акул.

Джейсон получил три года тюрьмы общего режима (с правом досрочного освобождения через полтора), остальные — еще меньше. Пэдди, как несовершеннолетний, получил условный срок и был отпущен домой.

К сожалению, публичного процесса, где Джейсон мог бы блеснуть красноречием, не состоялось — все было решено кулуарно, путем сделки между адвокатом и прокуратурой.

Он был несколько огорчен, рассчитывая в зале суда еще раз увидеться с Глэдис. Больше они никогда не встречались.

Симпсон получил благодарность начальства и приступ гастрита, сваливший его в постель на несколько дней. Жена не выразила сочувствия страдающему мужу, заявив:

— А нечего было пиццу лопать! Я все видела!

История третья
ОТЕЛЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«На экваторе — очень жарко!» — это глубокомысленное заключение Глэдис сделала вслух после десяти минут пребывания на Гавайях. Правда, Гонолулу, куда они прилетели, находился, по утверждению Джека, не совсем на экваторе, но все равно поблизости — и нечего придирааться к словам!

С каждым шагом Глэдис все больше склонялась к выводу, что совершила страшную, фатальную ошибку, согласившись отдохнуть на этом чертовом атолле — Вапаитеки... или Вамаинаки, неважно, все равно жарко и противно. А все Джек виноват! Решил, понимаете ли, сделать ей сюрприз и пришел уже с готовыми билетами! А может, она предпочла бы провести отпуск на Аляске?! Говорят, в июле там неплохо, даже травка кое-где пробивается...

И вот теперь она вынуждена была тащиться за ним, чувствуя себя так, будто ее с головой купают в горячем компоте (мысль о компоте возникла потому, что везде пахло чем-то противно-сладким — то ли цветами, то ли фруктами). Ее новый белый костюмчик с розовым кантиком (чистый лен!) сразу же промок насквозь от льющегося градом пота, а на платочке, которым Глэдис незаметно промокала лицо, начали выступать подозрительные цветные пятна. О ужас — макияж!!!

Джек же как ни в чем не бывало шествовал впереди, держа в руке клетку с Панчем, подталкивая тележку с багажом и делая вид, что не замечает, как любимая и единственная жена еле поспевает за ним, увязая каблуками в размякшем асфальте.

Интересно, почему это он не потеет? Ему что, не жарко?!

Добравшись до такси и устроившись на заднем сидении, Глэдис почувствовала себя куда лучше. Нет, все-таки кондиционер — великая вещь! Она наскоро привела в порядок лицо — слава богу, ничего особенно не размазилось — сквозь щелочку посмотрела на Панча — он сидел несчастный и понурый, тоже, наверное, жарко бедненькому! — потом на Джека — этот с довольной улыбочкой пялился в окно. На что, интересно знать?!

Заглянув ему через плечо, Глэдис поняла, что ее мужу нашлось, на что посмотреть...

Они ехали вдоль пляжа, где в разных позах сидели, лежали, стояли и бродили весьма легко (если не сказать скудно) одетые особи женского рода! Мужчины там, правда, тоже попадались, но Глэдис была абсолютно уверена, что на них Джек не обращал ни малейшего внимания.

— Немедленно пересядь! — потребовала она, предварительно убедившись, что по другую сторону дороги не видно ничего предосудительного — только какие-то кусты.

— Это еще зачем?! — попытался возмутиться Джек, поглощенный лицезрением проплывающих перед ним все новых и новых образцов загорелой женской плоти.

— Пересядь, пересядь! Мне... мне надо посмотреть, что тут носят!

— Ничего! — он явно не хотел оставлять своего наблюдательного поста. — Тут пляж.

— Давай, пересаживайся! Вон, смотри, там женщина пошла... у нее платье какое-то интересное, — Глэдис твердо решила настоять на своем, — а мне плохо видно! — после чего, взглянув получше, заинтересовалась уже всерьез: — Ой, а правда, что это на ней?!

— Это саронг.

— Ее что — так зовут? — Глэдис насторожилась — у него и тут уже нашлись какие-то «бывшие подружки»?!

— Нет, это ее платье так называется. Оно из одного куска ткани сделано и там, сверху, узлом завязано. Если узел развязать — сразу все спадает и под ним ничего нет, — охотно начал объяснять Джек. Ну конечно, как и что с женщины побыстрее снять — в этом он большой специалист!

— Интересно, а откуда ты это знаешь?!

Попытка заставить мерзкого бабника смутиться была напрасна — не моргнув глазом, он заявил:

— В кино видел.

Глэдис не поверила.

До «их» атолла нужно было добираться на катере, и, отплыв от берега, Глэдис решила, что жизнь не так уж плоха — и люди, в общем-то, правы, расхваливая эти самые Гавайские острова.

Они плыли вдоль высокого гористого берега, заросшего лесом, лицо приятно освежал легкий ветерок, а над палубой был натянут тряпочный тент, образующий приятную полутень. Вокруг все выглядело, как в рекламной картинке: сине-зеленое море с белоснежными гребешками волн, голубое безоблачное небо и виднеющиеся тут и там на горизонте островки — на одном из таких им и предстояло провести отпуск.

В немалой степени благодушному настроению Глэдис способствовало и то, что на катере ей наконец-то удалось умыться и привести себя в порядок, а когда она вернулась, ее ждал приятный сюрприз: Джек раздобыл где-то холодный кокос с пробитой дыркой, куда была предусмотрительно вставлена трубочка.

И теперь, сидя на палубе и потягивая приятный прохладный сок, она предавалась не менее приятным размышлениям: интересно, а где можно купить этот самый... саронг? Ей, несомненно, пойдет! Интересно, а правда, что под него не полагается ничего одевать?! Да, но ведь тогда все будут знать, что у нее под платьем ничего нет!

Она понадеялась, что Джек не станет по этому поводу демонстрировать дурацкую и совершенно неуместную ревность — такое иногда случалось — и решила на всякий случай прозондировать почву:

— А ты не знаешь, где можно купить такой саронг?

— Да в любой сувенирной лавке!

— А там, на острове, такие есть?

— Да тут они на каждом углу понатыканы!

— А... а ты откуда знаешь? — и тут Глэдис внезапно догадалась — но на всякий случай решила уточнить: — Ты что, бывал здесь и раньше?!

— Да, пару раз, — что-то он слишком уж небрежно отвечает...

— А с кем?

— Смотри, дельфины! — вдруг сказал Джек, отвернувшись к поручню.

— Где?!

— Вон, вон... смотри!.. Нет... уплыли...

— Так с кем ты здесь был?!

— Слушай, по-моему, Панч тут чего-то мякнул... С ним все в порядке? — озабоченно спросил Джек.

Глэдис заглянула в прорезь. Панч выглядел совершенно несчастным и обиженным — он сидел, съежившись, в углу клетки и смотрел на нее жалобными глазами.

Ей стало стыдно — она тут наслаждается красотами природы, а бедный ребенок

изнывает в тесноте и духоте! Присев на корточках у клетки, она принялась утешать:

— Потерпи, миленький, мы скоро уже приедем! И я тебя выпущу и закажу прямо в номер коктейль из креветок, и ты сможешь поспать на новой подушке! Потерпи, осталось еще немножко, вот-вот уже будет этот чертов Вамямки! Или Ваймяуки?...

— Ты что, на его языке пытаешься говорить? — ехидно вмешался в их беседу Джек.

— Не мешай!

Да что он понимает?! Этот варвар вообще не хотел брать Панча с собой и считал само собой разумеющимся, что на время их отпуска несчастный котенок поедет в кошачий пансион и будет там сидеть в клетке. В клетке!!! Панч!!!

Услышав это впервые, Глэдис возмутилась и сообщила мужу, что если он считает, что клетка — подходящее место для отпуска, то может сам туда и отправляться, а они с Панчем прекрасно проведут время и без него. Бестактные и мерзкие замечания о том, что отпуск, вообще-то, не у Панча, а у самого Джека, и он не собирается таскать за собой паршивого кусачего извращенца, были встречены холодным презрительным молчанием.

К сожалению, слова относительно «кусачего извращенца» имели под собой некоторое основание — Панчу был уже почти год, и природа начала требовать своего. До уроков сексуальной грамотности для кошек, в отличие от людей, пока что никто не додумался — а посему Панч вынужден был руководствоваться инстинктом. Тот подсказывал ему, каким должен быть первый этап кошачьих сексуальных взаимоотношений: наскочить на кошку, ухватить ее за шкуру и держать как следует!

Загвоздка была в одном: живую кошку Панч — увы! — видел только в раннем детстве и давно забыл, как она выглядит. Но инстинкт не терялся и тут, напоминая бедному коту, что кошка — это нечто живое, волосатое и размером примерно с него самого. В результате наиболее подходящей «кошкой» Панч счел Джека — точнее, его голову!

Порой, когда уставший Джек приходил с работы и с довольным видом плюхался в кресло, кот, до того мирно спавший где-нибудь неподалеку, пробуждался и медленно, с остановками, начинал красться к нему. Подбирался вплотную, некоторое время сидел с озадаченным выражением на потешной мордочке, словно задумывался: «А что это я делаю? И зачем?», после чего неожиданно издавал боевой клич и вцеплялся в шевелюру Джека зубами. Тот, с каменным лицом, не сдвигаясь с места, злобным голосом орал, чтобы Глэдис «убрала это к чертовой матери!» — любая попытка шевельнуться заставляла бедного котика, в попытке удержать позиции, запускать в «кошку» еще и когти!

Именно потому Джек и окрестил Панча «извращенцем» — больше всего он негодовал, что бедный котик выбрал в качестве кошки его голову, а не голову Глэдис!

— А вон то — наш отель! — вдруг сообщил Джек, показывая куда-то вдаль.

— Где, где, покажи! — всполошилась Глэдис.

— Да вон, справа, видишь, блестит?!

При ближайшем рассмотрении на горизонте действительно обнаружилось нечто, оказавшееся очередным островком. Даже издали на нем можно было различить три высоченных белых здания, похожих на огромные зубы.

— Правый — наш, — пояснил Джек.

Глэдис не отрывала глаз от берега. По мере приближения становились видны все новые и новые детали.

Пляж... ну, это понятно. Справа виднеется что-то похожее на небольшой рынок — вот там, наверное, удастся купить саронг... а может, и еще что-нибудь! У отеля двадцать два

этажа — она специально пересчитала трижды. Правда, один раз вышло двадцать четыре, но это Джек мешал — крутился и отвлекал. Рядом с отелями — еще какое-то, кажущееся приземистым на их фоне, четырехэтажное сооружение из сине-зеленого, под цвет моря, стекла...

— А там что? — обернулась она к Джеку.

— Универмаг, а наверху — ресторан.

Все-то он знает! Глэдис вспомнила, что хотела спросить, с кем и когда он был на этом острове, но отвлеклась, увидев на берегу женщину в потрясающем саронге: на алом фоне — золотые драконы! Она решила непременно купить себе такой же.

Еще до полуночи Глэдис поняла, что если уж человек уродился лживым, лицемерным и беспринципным бабником, то бесполезно ждать от него мало-мальски приличного поведения — а также, что семейная жизнь с подобной личностью просто невозможна.

Нет, поначалу все, казалось, шло великолепно. Ей страшно понравился номер: окно во всю стену (с видом на море!), прохладный кондиционированный воздух, цветы в вазе на журнальном столике в гостиной, огромная кровать в спальне — Глэдис даже специально присела на нее и попрыгала, чтобы убедиться, что она мягкая и упругая — и пушистый ковер на полу, так что приятно было ходить босиком — как по мягкой травке.

Правда, одно маленькое неудобство все-таки было — номер располагался на тринадцатом этаже. Это число Глэдис не любила! Но когда, увидев бирку от ключа, она спросила у Джека, нельзя ли с кем-нибудь поменяться, чтобы номер был не 1356, а 1256, он заявил, что не намерен заниматься глупостями и хочет, наконец, отдохнуть! Вот бы ей тогда прислушаться к голосу сердца, сразу же шепнувшему, что с этим бесчувственным болваном она еще заплачется! Но она — увы! — не прислушалась...

Впрочем, номер — это еще не самое главное! Глэдис всегда была сторонницей активного отдыха и не собиралась проводить в помещении много времени — ведь вокруг так много интересного!

Она намеревалась умыться, переодеться во что-нибудь свежее и срочно идти развлекаться — то есть покупать саронг и прочие предметы первой необходимости. Но у Джека были свои представления об активном отдыхе: она не успела встать под душ, как он вкатился следом, начал брызгаться, хулиганить и целоваться — а потом, не слушая никаких возражений, схватил ее, перекинул через плечо и потащил в постель! Правда, Глэдис особо и не возражала...

Очнулась она от слов Джека:

— Вставай — вставай — вставай! Поспали — можно и поесть! — слова сопровождалась кражей одеяла и явным намерением отнести разоспавшуюся жену в ванную и сунуть под холодный душ — неужели хотя бы в отпуске он не может удержаться от подобных садистских выходок?!

Оглядевшись, Глэдис поняла, что уже стемнело. Вид из окна стал еще великолепнее: бархатистое черное небо с огоньками звезд — и отражение этих огоньков в океане, до самого горизонта. И ярко освещенная набережная внизу, и яхты, и еле слышная музыка...

— Почему ты меня раньше не разбудил?! Ведь все закрылось уже! — упрекнула она стоявшего рядом и нагло ухмылявшегося Джека.

— Не бойся, не закроется. Тут именно когда темнеет и становится прохладнее, тогда самая жизнь и начинается!

— И рынок? — уточнила она.

— Э-э, нет, на рынок с утра идти надо, часиков в семь. К обеду там уже все сворачивается. А вот универмаг до полуночи работает.

— Ну так пошли скорей!

— Пойдем, пойдем. Для начала в ресторан сходим — я с самого самолета ничего не ел!

Глэдис, вздохнув, согласилась. Вот вечно он так — никаких духовных запросов, все время только о еде! Но что делать — в семейной жизни кто-то один всегда должен уступать

и жертвовать своими интересами. Правда, и ей самой жутко хотелось есть.

Ресторан Пэдис тоже понравился. С открытой террасы, где они сидели, были видны звезды, пахло чем-то экзотически-приятным, и свечи, горевшие на каждом столике, создавали романтическую атмосферу.

Вокруг сновали смуглые официанты в белоснежных костюмах с золотистыми галстуками-бабочками, а на эстраде небольшой оркестрик наигрывал джазовые мелодии — так что при желании можно было даже потанцевать!

Еда тоже оказалась вкусной, особенно коктейль. Он назывался «Май-тай» и подавался в целом выдолбленном ананасе! Увидев, как быстро Глэдис высосала его через трубочку, Джек отдал ей и свой — правда, заявил:

— Пей эту сладкую гадость сама — пиво все-таки куда лучше!

Но она все равно обрадовалась, ошибочно сочтя его лучшим в мире мужем, и даже сказала об этом вслух!

В том, насколько она была неправа, Глэдис убедилась еще до десерта. Неожиданно она заметила, что Джек странно напрягся, бросив короткий взгляд на что-то за ее плечом. Она мельком оглянулась, но ничего интересного там не обнаружила.

Он продолжал невозмутимо перемалывать челюстями бифштекс, и Глэдис уже подумала, что ошиблась, но внезапно уловила еще один его взгляд в ту сторону — и обернувшись, поняла, что именно так привлекло внимание ее мужа.

На него откровенно пялилась какая-то мерзкая баба с гладкой стрижкой и длинной шеей, делающей ее похожей на недокормленную змею. На ней было черное непристойно-короткое блестящее платье — это в ее-то возрасте, она уже, небось, бабушка, едва ли ей меньше сорока! Она сидела, положив ногу на ногу, держала в руке нераскуренную сигарету и всем своим видом показывала, что ждет не дождется, когда Джек подойдет и даст ей прикурить.

Чтобы заметить все это, Глэдис хватило доли секунды — в следующий миг она уже обернулась к мужу, и как раз вовремя. Он не успел еще стереть с губ сладкую улыбочку, да и глаз его был подозрительно прищурен!

— Куда это ты смотришь, позволь узнать?! — обманчиво-мягко спросила Глэдис.

И вот тут-то в полной мере проявилась его натура подлого беспринципного лжеца и развратника!

— На звезды... — томно-романтическим тоном протянул он!

— Что-о?! — она не поверила своим ушам.

— На звезды... там, над морем...

— И это что, ты им подмигивал?! Не спорь, я видела!!!

— Я не подмигивал! Это... у меня просто глаз зачесался... Посмотри, может соринка попала?... — в доказательство негодяй придвинулся к ней почти вплотную и начал усиленно тереть абсолютно здоровый глаз.

Глубоко вздохнув, Глэдис постаралась вспомнить, что истинная леди никогда не устраивает сцен на людях.

— Значит, ты хочешь сказать, что все эти твои обезьяньи ужимки не имеют ни малейшего отношения к той стриженной престарелой швабре, которая бесстыдно вылупилась на тебя из угла? — вежливо осведомилась она.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь! — попытался изобразить удивление Джек.

— О той старухе с сигаретой! — возмущенным шепотом заорала Глэдис. — И с каких

это пор, интересно, тебе стали нравиться курящие женщины?!

— Но Глэдис, что ты...

— Нет, с меня хватит!

Правила этикета запрещали вываливать на голову человеку блюдо с десертом — как бы этого ни хотелось и каким бы подлым лгуном и распутником он ни был — но даже истинная леди может незаметно, под столом наступить таковому на ногу — что Глэдис и сделала, вставая.

Джек дернулся и охнул. «Попала!» — злорадно подумала она и, гордо вскинув голову, вышла из ресторана.

Зла она была настолько, что даже плакать не хотелось. Променять ее — и на кого?! — на какую-то старую плоскогрудую вульгарную особу с тощими костлявыми ногами! Да еще курящую! А сам не раз говорил, что курящие женщины ему не нравятся... подлый лицемер!

Подчиняясь мстительному чувству, Глэдис подошла к весьма кстати попавшемуся киоску и купила себе пачку сигарет и зажигалку. Она свободная эмансипированная женщина и отныне делает то, что считает нужным — без оглядки на всяких псевдоморалистов!

После этого Глэдис вышла на набережную, закурила и, облокотившись о парапет, стала размышлять: что же делать дальше?

Идти в отель? Ну нет! Несомненно, этот мерзкий бабник так и решил — что она побежала плакать в номер. Небось, уверен, что стоит ему прийти и попросить прощения — и она тут же растает. Нет!!! Она не будет портить себе отпуск и сидеть в четырех стенах, оплакивая свою несчастную судьбу и неудачный брак!

Из-за него она так и не попробовала десерт! И не потанцевала! Вот об этом надо прежде всего думать, а не о негодяе, который недостойн целовать ее тапочки!

Вот сейчас она пойдет — и будет делать все, что хочет! Слава богу, сумочка и кредитка у нее с собой! И если ей встретится на пути какой-то таинственный незнакомец... лучше брюнет, блондинами она сыта по горло — она не станет вести себя с ним как чопорная недотрога. Правильно говорит мама: «Не надо заикливаться на одном человеке и закрывать глаза на другие варианты!»

Но для начала — десерт! И Глэдис повернула обратно к универмагу. Нет, в ресторан она не пойдет — еще, не дай бог, подлый изменник решит, что она вернулась из-за него. А вот небольшое кафе на первом этаже — это именно то, что надо!

На десерт Глэдис заказала лучшее средство от плохого настроения — канноли — и, чуть подумав, небрежно добавила:

— И коктейль «Май-тай», пожалуйста!

Наслаждаясь изысканным сочетанием многослойного мороженого с пропитанным вином бисквитом, орехами и кусочками

фруктов, она подумала, что жизнь не так уж и плоха — и все к лучшему.

Иначе пришлось бы идти за покупками с Джеком — а следовательно, выслушивать нудное:

— Чего ты там копаешься?... Что ты перебираешь, они же все одинаковые!.. — (много он понимает!) — Зачем тебе еще и это? Ну пошли уже?...

А теперь она свободна! Что хочет, то и делает, и может хоть час выбирать и мерять все, что придет в голову! И если ей встретится на пути какой-то таинственный незнакомец...

К сожалению, мужчину, неожиданно подсевшего за ее столик, едва ли можно было счесть таковым. Правда, видела Глэдис его впервые в жизни, и блондином он не был — но

те остатки волос, которые кое-где виднелись на его черепе, не давали основания назвать его и брюнетом.

— Неужели вы скучаете тут одна? — фамильярно склонился он к Глэдис. — Но ведь такая прекрасная ночь!

Лысый таинственный незнакомец? Нет, это должен быть брюнет, и точка! На меньшее она не согласна!

— Я — не скучаю, — ледяным тоном процедила она, смерив неприятного типа тщательно отработанным уничижительным взглядом, после чего с сожалением посмотрела на опустевшую вазочку от канноли и отправилась на поиски новых приключений.

Саронга Глэдис купила целых три: тот самый — алый с драконами, бледно-зеленый, с золотистыми и розовыми пальмами, и еще пестрый, для пляжа. И перемеряла еще дюжину, и получила консультацию, как его надевать и завязывать — и все это время никто не стоял у нее над душой!

Потом она купила босоножки, а заодно узнала, что именно прежде всего стоит купить на рынке: бусы из жемчуга и резного перламутра.

Только надо уметь их выбирать — положено потереть послюнявленным пальцем, чтобы выяснить, не подкрашены ли они, а затем торговаться, сбивая цену вдвое.

А потом она перешла в отдел косметики — и тут увидела нечто восхитительное! Это была губная помада, которой Глэдис еще нигде и никогда не встречала.

Очаровательный футлярчик перламутрового цвета с тремя тоненькими золотыми опоясками — а сбоку изображена орхидея! Точнее, орхидеи — их было множество, каждому цветку помады соответствовала своя картинка и свое название, изящными золотыми буквами написанное на футлярчике: «Розовая орхидея», «Бутоны орхидеи», «Страстная орхидея», «Ночная орхидея» — и еще самые разные, но слово «орхидея» в названии присутствовало обязательно.

Дружелюбная молоденькая продавщица объяснила, что такую помаду можно купить только тут, на острове, и что эти очаровательные футлярчики делают на соседнем островке и расписывают вручную! И еще там делают браслеты и шкатулки, и панно на стену, и вазочки — и каждый день, в одиннадцать и в четыре, туда идет прогулочный пароходик. Глэдис тут же решила прямо завтра поехать и купить пару браслетов, и шкатулку... нет, две! — и еще что-нибудь, что будет.

Пока же она занялась помадой.

— По две каждого цвета, пожалуйста, — попросила она у продавщицы, еще раз обрадовавшись, что рядом нет никого, кто бы мог испортить ей настроение глупым, неуместным и бестактным вопросом: «Ну на кой черт тебе понадобилось восемнадцать тюбиков губной помады?!»

Нет, теперь она одинокая свободная женщина, которая намерена взять от жизни все и не оглядываться на то, что могут сказать некоторые... недостойные люди.

Из универмага Глэдис отправилась прямо в отель: не гулять же по набережной с покупками! И вообще, нужно показаться, Джеку — чтобы не вообразил и не радовался, что она покинула его навсегда — а заодно облить его ледяным презрением.

К ее удивлению, когда Глэдис сказала:

— Двенадцать пятьдесят шесть, пожалуйста! — портье молча протянул ей ключ.

А где же Джек?! Он что, побежал ее искать? Или... или он обрадовался, что никто не помешает ему предаваться бесстыдному блуду, и пошел к этой женщине?! Вихрем подлетев

к лифту, Глэдис растолкала группку столпившихся там японцев — чего стали на дороге?! — и судорожно нажала цифру «12».

В номере царила крошечная тьма, но стоило ей воткнуть бирку от ключа в полагающееся гнездо, как в прихожей загорелся свет. И первое, что увидела Глэдис — это помаду в расписном перламутровом футлярчике с орхидеей, стоявшую на полочке перед зеркалом!

Что это? Откуда?! Он что, приводил ее к ним в номер?! Нет, это было бы слишком даже для Джека...

Глэдис осторожно приблизилась и взяла в руки футлярчик. «Рассвет орхидеи»... У нее такого нет, она точно помнит!

Открыв футлярчик, она поняла, что помада была неначатая! Значит, это купил Джек — для нее! Решил задобрить и замолить грех... Интересно, а где он ее нашел? В универмаге такой не было... И цвет какой хороший! Не алый и не бордовый, а что-то между ними — и идеально подойдет к ее новому пестрому саронгу!

А где же, в таком случае, сам Джек? А-а, наверное, он пошел ее искать!

Оставил ей подарок, а сам бегаёт на набережной и зовет ее! Глэдис даже показалось, что откуда-то издали донеслось тоскливое и одинокое: «Глэдис! Глэ-эдис!», и она обернулась к балкону.

И тут внезапно она заметила, что за стеклом что-то шевельнулось. Первая мысль была: «Какого черта?! Я же просила не лезть на балкон! Он что, не понимает, что Панч может выскочить и испугаться?!!»

Полная решимости сказать бесчувственному болвану, не способному позаботиться о доверившемся ему беззащитном создании (то есть Панче) и о слабой беспомощной женщине (то есть о ней самой), все, что она о нем думает, Глэдис, пылая праведным негодованием, подлетела к балконной двери — и тут поняла, что никакого Джека на балконе нет.

За стеклом, глядя прямо на нее, стоял таинственный брюнет!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Это маньяк!» — промелькнуло в голове. Она так до конца и не поняла, почему подумала именно о маньяке, но через секунду происходящее стало для нее очевидно: «Он меня выследил и сейчас задушит!..»

Глэдис сделала маленький шагок назад. Маньяк продолжал стоять неподвижно, на лице его было написано явное удивление. Она сделала еще один шагок...

В этот момент брюнет шевельнулся, и тут Глэдис не выдержала — взвизгнув, она метнулась к двери, ухитрилась, сама не понимая как, по дороге ухватить сумку с покупками — вылетела из номера и понеслась по коридору.

От ужаса Глэдис не могла даже кричать. Где же люди?! Кажется, сзади какие-то звуки?! Сейчас он выскочит и ее догонит! Что делать?! Где Джек?!

Добежав до лифта, она судорожно нажала кнопку и обернулась, выхватывая из сумки единственное попавшееся под руку оружие — новую босоножку. Живой она ему не дастся! Но в холле, кроме нее, не было ни души...

Лифт все не появлялся, шагов в коридоре тоже не было слышно. Наверное, он затаился за углом! Ждет, пока она подойдет поближе, и тогда... Ну нет, она не такая дура!!!

Осторожно, на цыпочках, Глэдис подкралась, заглянула в коридор и не обнаружила там ничего, кроме ковровой дорожки и ровного ряда закрытых дверей... Странно...

Взгляд ее упал на огромные, метровой высоты, медные цифры «1» и «2», укрепленные напротив лифта — и неожиданно сквозь охватившую Глэдис панику пробилась здравая мысль: «А почему, собственно, двенадцать?!..»

Она вдруг вспомнила, как Джек наотрез отказался поменяться, чтобы не жить на этаже с несчастливым номером. Но двенадцатый — он же, наоборот, счастливый?...

И тут Глэдис осенило: это не тот этаж! Она ошиблась: они с Джеком живут выше, в номере тринадцать пятьдесят шесть! И Джек, наверное, там! И Панч тоже! И этот проклятый маньяк сейчас придет туда — искать ее!

Не дожидаясь запропастившегося куда-то лифта, она бросилась вверх по лестнице, уже не помня, что собиралась навеки отречься от подлого предателя — сейчас важно было только одно: спасти его! Добежав до двери, забарабанила в нее — вдруг еще несколько секунд, и будет поздно?! А вдруг уже поздно?!

Внезапно дверь открылась и она буквально рухнула в объятия Джека.

Он был жив и здоров — правда, выглядел несколько сонным.

— Там маньяк! — крикнула Глэдис, лихорадочно оглядываясь — в номере никого, кроме свернувшегося в клубочек на диване Панча, не наблюдалось. Значит, она успела!

Вырвавшись из рук Джека, она захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и повторила, видя, что он молча уставился на нее: — Там маньяк! — после чего отскочила в сторону, испугавшись, что внезапно раздастся треск, в образовавшуюся в двери дыру просунется рука и схватит ее. Она видела такое в кино!!!

Быстро оглядев жену и не заметив на ней явных следов насилия — а также беспорядка в одежде — Джек глубоко вздохнул и задал сакраментальный вопрос:

— Во что ты опять влипла?

— Я не влипла! — от испуга Глэдис даже не возмутилась. — Там маньяк!

Услышав уже в третий раз это настойчивое утверждение, он счел нужным

поинтересоваться:

— Где?

— В нашем номере!

— Где?!

— В нашем номере! Там! — она показала куда-то вниз.

— Та-ак. Все ясно... — на самом деле ему ничего не было ясно, но состояние жены особых опасений не вызывало, а посему Джек предпочел действовать привычным отработанным методом.

— Дай — ка. Что это у тебя тут? — осторожно отобрав у Глэдис плотно набитую пластиковую сумку и одинокую босоножку, он подвел ее к креслу и подтолкнул: — Сядь.

Пошарил в мини-баре, налил пару глотков бренди и, не разбавляя, сунул ей стакан:

— Выпей!

Она послушно глотнула, судорожно дернулась, икнула, оторопело взглянула на него и повторила — уже в четвертый раз:

— Там маньяк...

Рассказывала Глэдис долго, со всеми подробностями, всхлипывая и запинаясь, и, чтобы было не так страшно, забравшись на колени к Джеку. В середине рассказа, обнаружив, что до сих пор сжимает в руке тюбик с помадой, она предъявила его в качестве вещественного доказательства:

— Вот... Я подумала, что это ты мне купил... чтобы помириться... А потом посмотрела в зеркало и увидела, что на балконе шевелится маньяк! То есть я сначала думала, что это ты, а потом подошла поближе и увидела, что не ты, а он, другой, и он на меня смотрел, и я сразу поняла, что он меня сейчас задушит... или зарежет...

Джек молчал — лишь теплое и надежное основание, на котором она сидела, постепенно начало подозрительно подрагивать... пока внезапно, даже не дослушав ее рассказ до конца, он не заржал совершенно неприличным образом!

Все его тело тряслось, грудь ходила ходуном, по лицу текли слезы. Сквозь взрывы мерзкого вульгарного хохота он повторял одно и то же:

— Нет... ну это только ты могла! Вот бедняга! С тобой не соскучишься! Да еще помаду сперла! Нет, ну это только ты могла!

Глэдис попыталась вырваться — но не тут-то было, Джек держал ее мертвой хваткой! Да еще без спросу поцеловал за ухом! А ведь она его еще не простила!..

— И что, позволь поинтересоваться, ты увидел во всем этом смешного? — спросила она холодным возмущенным тоном, не слишком подходящим к положению, в котором пребывала.

— Ну, ты представь себе — вышел бедолага покурить... на балкончик — и вдруг в его номер без спросу вкатывается какая-то особа, хватает помаду и удирает! Представляю, как он удивился!

— Нет, он маньяк! — из чувства противоречия попыталась настоять на своем Глэдис.

— Да с чего ты взяла, что он маньяк?!

— Не знаю... Он такой... Он на меня смотрел, вот! — она и сама знала, что этот аргумент не выдерживает никакой критики...

— А если бы к тебе в номер кто-то внезапно без спросу влез, ты бы на него не смотрела?! Да еще помаду утащила! Ну ты даешь!

И тут наконец Глэдис поняла, что Джек прав! И эта помада вовсе не ей

предназначалась...

— И что теперь делать? — неуверенно спросила она, уже зная, каким будет ответ.

— Помаду придется вернуть... — (Так она и знала! Но как же — ведь этот цвет идеально подходит к ее новому пестрому саронгу! А в универмаге такой нет!) — Сейчас я схожу, извинюсь перед ним и скажу, что моя жена по ошибке вошла к нему в номер и... — Джек вздохнул и осторожно ссадил ее с колен, вставая — но тут в голове Глэдис внезапно мелькнул хитроумный план!

— Скажи, а ты Панча кормил? — вскочив с места, она, словно невзначай, загородила от мужа стол с лежавшей на нем помадой.

— Нет... — слегка удивленно протянул он — кормить Панча было ее обязанностью.

— Тогда... тогда перед тем, как пойдешь, достань мне тот чемодан, где его еда! Он же голодный, нельзя заставлять ребенка так долго ждать!

Джек послушно направился к шкафу.

Для выполнения задуманного Глэдис хватило всего нескольких секунд.

К тому времени, как Джек элегантно жестом указал ей на раскрытый чемодан: — Вот, получай! — она уже сидела в кресле, а на столе мирно стоял тубик с помадой, на котором было написано «Весенняя орхидея». Футлярчик же с романтической надписью «Рассвет орхидеи» надежно покоился на самом дне ее сумки! Глэдис была абсолютно уверена, что подмены никто не заметит — ведь ни один мужчина в помаде толком не разбирается!

Вернулся Джек минут через пять. К тому времени Глэдис уже пришла к выводу, что в этой дурацкой истории на самом деле виноват он — нечего было пялиться на посторонних вульгарных старух! Если бы он вел себя, как порядочный муж, то этого всего бы не было. Так что поделом ему — и пусть теперь сам извиняется!

— Там, в номере, никто не отзывается, — сообщил Джек, выкладывая в пепельницу перламутровый футлярчик. — Завтра вернем. А ты — брысь отсюда! — щелкнул он по носу подсунувшегося понюхать помаду Панча.

Кот отскочил и обиженно посмотрел, словно говоря: «Так пахнет же вкусно! И блестит!..» — он вообще был равнодушен к мелким блестящим предметам и при случае не упускал возможности утащить у Глэдис бусы, авторучку или заколку для волос. Пропажа потом обычно обнаруживалась у него под матрасиком.

Уже засыпая, Глэдис вдруг вспомнила одно странное обстоятельство и подскочила в постели.

— Ты чего? — сонно пробормотал Джек, обернувшись к ней. — Опять маньяк приснился, что ли?

— Да ты не спи, послушай! — поторопилась она поделиться своим открытием: — Как же получилось, что он курил на балконе — ведь ключ-то был внизу?!

Джек несколько секунд тупо смотрел на нее сонными глазами, после чего отрезал:

— Не знаю! И знать не хочу! Спи!

Несмотря на все пережитое, спала Глэдис отменно и никаких маньяков ей не снилось. Проснувшись, она с некоторым удивлением обнаружила, что еще нет и семи. Глэдис злорадно подумала, что на этот раз у Джека не будет повода применить свой обычный садистский метод: из постели — прямо под душ! Наоборот — сейчас она развлечется!

Сказано — сделано. Как следует намочив в ледяной воде полотенце, она подкралась к ничего не подозревавшему мужу и внезапно, с диким воплем:

— Вставай-вставай-вставай! — попыталась ляпнуть его ему на лицо.

Попытка не удалась — ее рука была перехвачена на полпути. Оказывается, подлый негодяй не спал и подглядывал!

После короткой борьбы грубая сила восторжествовала, полотенце перешло в руки победителя и заездило по лицу несчастной Глэдис, которая не могла даже шевельнуться, прижатая к постели горячим тяжелым телом, весящим не меньше, чем средняя горилла.

В результате встали они только часам к восьми — да и то потому что Глэдис не терпелось, наконец, добраться до рынка!

— Подожди, надо еще помаду вернуть! — вспомнил было Джек — но у нее уже было готово свое, более простое решение проблемы:

— А мы ее сейчас по дороге занесем — и в пакетике на дверь повесим. Зачем зря беспокоить человека — а вдруг он еще спит?!

Спустившись на один этаж, Глэдис осторожно заглянула в коридор — ей сейчас меньше всего хотелось встретиться с напугавшим ее вчера брюнетом. В коридоре никого не было...

Воспрянув духом, она быстро, на цыпочках добежала до номера, повесила на дверь полиэтиленовую сумочку с помадой «Весенняя орхидея» и что есть духу припустилась обратно.

На секунду ей показалось, что где-то скрипнула дверь, но когда, добежав до холла, Глэдис обернулась, все двери в коридоре были закрыты.

— Ну что — порядок? — встретил ее вопросом Джек.

— Порядок? — гордо, с сознанием выполненного долга подтвердила она.

Бусы действительно были просто прелесть! Глэдис со знанием дела терла их мокрым пальцем, спорила, сбивая цену, примеряла, соглашалась купить еще одни, другого цвета — словом, развлеклась на славу.

Поэтому когда Джек, едва они вышли с рынка, в ультимативной форме потребовал идти на пляж — ему, видите ли, хочется, наконец, искупаться! — она решила не спорить. Тем более что, впервые надев саронг, а под него — бикини размером с почтовую марку (именно это бикини Джек настоятельно рекомендовал ей не брать в отпуск — оно, мол, слишком уж... откровенное. Тоже мне, ревнитель морали нашелся!), Глэдис и сама хотела проверить, так ли эффектно этот самый саронг спадет, как было задумано.

Время они провели прекрасно — правда, в первый момент, услышав легкий шелест спадающего саронга, Джек обернулся, вздрогнул и попытался заслонить Глэдис от нескромных взглядов — сразу со всех сторон.

Но через пару минут, видя, что особого интереса появление его жены ни у кого не вызвало, поскольку вокруг болтаются многочисленные девицы, одетые в еще меньшее количество ткани — в том числе и вообще топлес — он постепенно пришел в себя.

Они купались, загорали, снова купались и снова загорали — так что к обеду, возвращаясь в отель, Глэдис пребывала в отличном расположении духа, уже и думать забыла про вчерашнее и не подозревала, какое потрясение ее вскоре ждет.

Войдя в вестибюль, Джек слегка встрепенулся, неожиданно сказал ей:

— Возьми ключ сама! — и устремился куда-то в сторону. Глэдис подозрительно проследила за ним взглядом, но, убедившись, что он подошел к какому-то парню и заговорил с ним, повторила в уме три раза, чтобы не ошибиться: «Тринадцать пятьдесят шесть, тринадцать пятьдесят шесть, тринадцать пятьдесят шесть», — и пошла к стойке портье.

Получив ключ, она не успела оглянуться — Джек оказался уже рядом, подхватил ее под локоть и потащил за собой.

— Ты чего?! — попыталась воспротивиться Глэдис. — Там еще киоск есть! Я хочу!.. — но была впихнута в лифт и прижата к стене.

— Молчи! — шепотом рявкнул он, хотя поблизости никого не было.

Глэдис притихла, не понимая, что происходит. Может, на солнце перегрелся? Или съел что-то не то?... Хотя нет... от яичницы с ним еще никогда такого не бывало...

До самого номера Джек хранил злое молчание и мрачно тащил ее за собой. Только войдя в комнату и захлопнув за собой дверь, он толкнул Глэдис в кресло, навис над ней, опершись на подлокотники, и выпалил:

— Дорогая, кажется, мы с тобой слегка влипли!

Она не успела даже открыть рот, чтобы спросить, что это значит, как услышала:

— Постоялец номера двенадцать пятьдесят шесть сегодня утром найден убитым в своем номере...

— Это не я! — запротестовала Глэдис. — Я его не трогала!

— Вот в этом я как раз не сомневаюсь, — ухмыльнулся Джек, выпрямляясь. — На киллера ты у нас явно не тянешь!

— А что теперь будет?...

— Надеюсь, что ничего... — судя по всему, он начал постепенно успокаиваться — нашарил в кармане зубочистку и привычным жестом закинул в рот, плюхнувшись а противоположное кресло. — Я тут разговорился с одним парнем из службы безопасности отеля — я его еще по предыдущему разу знаю — вот он мне и рассказал. Постояльцам ничего не говорят, боятся напугать...

— Я же тебе говорила, что это маньяк! — торжествуя перебила Глэдис. Джек только поморщился, продолжая:

— Убитый — вроде бы какая-то крупная шишка, и местную полицию сразу же оттеснили от дела, так что — этот парень сам толком ничего не знает. Думаю, что до нас никто не доберется — но я очень прошу: если все-таки тебя прихватят — пожалуйста, не ври! Говори все как есть — и что ошиблась номером... и так далее...

— И про помаду? — нерешительно спросила Глэдис, прикидывая, куда лучше спрятать «Рассвет орхидеи» — за подкладку чемодана или в запасные тапочки?

— И про помаду, — подтвердил Джек. — И, ради бога, перестань нести всякую чепуху про маньяков!

— Это не чепуха! — возмутилась она. — Видишь — уже один труп нашли!

Но ее муж — как всегда бесчувственный и не верящий в ее не раз подтвержденные на практике гениальные способности — только отмахнулся и подытожил:

— В общем, так: об этом не говорим, особенно при ком-то, делаем вид, что ничего не произошло, и продолжаем жить нормальной жизнью. А сейчас — давай-ка закажем обед в номер...

Вот вечно он так! Только о еде и способен думать!

Глэдис не раз смотрела фильмы, где юная прекрасная героиня, оказавшись свидетельницей страшного преступления, распутывает его с такой ловкостью, которая не снилась целому полицейскому участку. А сейчас и ей самой представилась такая возможность! Только с чего начать?

Об этом она размышляла, устроившись отдохнуть после обеда — правда, мама не рекомендовала и говорила, что это полнит, но зато так приятно... Покосившись на сонно сопящего рядом Джека, Глэдис твердо решила его в свои планы не посвящать — только будет зря шуметь и, чего доброго, начнет всюду таскаться за ней по пятам и мешать!

Помада с криминальным прошлым была надежно спрятана в самом безопасном месте — под матрасиком в клетке Панча. Оставалось придумать, как избавиться, хотя бы ненадолго, от любимого мужа. Это должно быть только ее расследование!

К своему удивлению, проснувшись, Глэдис обнаружила, что судьба распорядилась за нее. Последствия хорошо проведенного на пляже времени были налицо — спина и плечи Джека приняли цвет, сравнимый лишь с ее новым саронгом с драконами, и при этом отчаянно горели и чесались.

Конечно, ей было жалко страдающего мужа — что Глэдис и поспешила

продемонстрировать, прикрыв его плечи мокрым полотенцем и скормив ему пару таблеток аспирина. Но с другой стороны... натянуть на это рубашку было невозможно — а посему, по крайней мере до завтра, он обречен отсиживаться в номере!

А значит, можно действовать! Не заставит же он ее безвылазно сидеть с ним?!

Нежным голосом Глэдис намекнула:

— Ты знаешь, когда мне было двенадцать лет, я тоже ужасно обгорела... так вот, мама меня на ночь помазала холодным йогуртом — и к утру все прошло!

— А где ты возьмешь йогурт? — легко поддался на провокацию наивный Джек.

— В универмаге! Там есть продовольственный отдел. И заодно куплю консервов для Панча — не сидеть же ему весь отпуск на сухом корме! И маникюр еще сделаю!

Про маникюр Глэдис сказала специально — чтобы не надо было сломя голову торопиться обратно, да еще при этом получить вместо приветствия недовольное: «Ну где ты так долго шлялась?!» Как и любой мужчина, Джек был уверен, что маникюр — это напрасная трата уймы времени, а потому не стал бы ждать жену раньше, чем часа через три... так что можно придти и через четыре — тоже ничего страшного.

Имевшееся в ее распоряжении время Глэдис потратила с пользой для дела: во-первых, действительно сделала маникюр; во-вторых, чуть подкоротила и по-новому уложила волосы; в-третьих, забежала в отдел косметики к знакомой продавщице — показать новые бусы и узнать, правильно ли она их выбрала.

И везде, стоило ей начать: «Ой, а правда, что в нашем отеле?...» — как на нее вываливали массу интересных сведений.

Как выяснилось, убитый приехал пять дней назад, один и непонятно зачем — на пляж он не ходил и почти все время торчал в номере. В день приезда, вечером, его посетил какой-то мужчина. (Это сообщила парикмахерша, чьей соседкой была двоюродная сестра приятеля горничной, обслуживавшей злополучный номер. Вывод о мужчине-визитере был сделан исходя из того, что духами в номере не пахло, а на стаканах, из которых они пили бурбон, не осталось следов помады.)

Ужинал он в ресторане, тоже один и, судя по всему, сидел на диете — не ел ничего жареного и острого. Чаевых почти не оставлял (забегавшая пару часов назад к маникюрше официантка окрестила его «поганим жмотом»).

И самое главное: помаду он купил здесь, в универмаге, в день приезда — продавщица его хорошо запомнила и сказала, что он был «какой-то надутый и озирался, словно у него шея болит». Как Глэдис и подозревала, в помаде этот тип действительно не разбирался и попросил «какую-нибудь покрасивее, для подарка» — так что наверняка не заметил бы подмены.

Убили его ножом (по сведениям маникюрши) или застрелили (как по секрету сообщила парикмахерша), но точно что не задушили, потому что ковер весь промок от крови (на это напирала обе).

В общем, сведений было много — непонятным оставалось только одно: что с ними теперь делать?

Ведь, как ни крути, то, что бедняга не ел жареного — равно как и то, что он не ходил купаться — не давало ни малейшего намека на личность убийцы...

Взглянув на часы, Глэдис поняла, что пора вспомнить и о несчастном муже — время приближалось к ужину.

Правда, в продовольственном отделе пришлось немного задержаться: посетителям

гостеприимно предлагали попробовать новые сорта творожных намазок. Глэдис перепробовала все — некоторые по два раза — после чего купила самую вкусную, с паприкой и чесноком, две пачки крекеров (чтобы было на что намазывать), ананас (от него худеют!), пять баночек мяса в желе для Панча — и только в конце, вспомнив, за чем, собственно, пришла, поспешила в молочный отдел.

На секунду она задумалась, какой йогурт лучше взять, потом сообразила, что спине Джека это будет совершенно безразлично — и тут сзади раздался приятный мужской голос:

— Никогда не поверю, что такая очаровательная девушка вынуждена сидеть на диете!

И, обернувшись, Глэдис увидела настоящего таинственного незнакомца — именно такого, какого она представляла себе вчера...

Высокий и стройный, он говорил с легким английским акцентом, сразу напомнившим ей фильмы про Джеймса Бонда, был одет в элегантный светлый костюм, хорошо оттенявший его черные волнистые волосы, пахло от него каким-то дорогим одеколоном, а на пальце красовался массивный золотой перстень с монограммой — и никакого обручального кольца!

— Э-э... нет, — с трудом нашла она, что ответить, — это я не себе выбираю!

— Позвольте, я угадаю! — обрадовался незнакомец. — Вы отдыхаете здесь с мамой, и это для нее?

— Э-э... да! — (не будет же она говорить, что йогурт предназначен для лечения обгоревшей спины мужа!)

— О-о, вы столько всего накупили! — заглянул он в корзинку Глэдис. — Может быть, вы позволите мне помочь вам донести покупки?!

По дороге до отеля выяснилось, что незнакомца зовут Тимоти Веллер и что приехал он из Лондона, где работает в небольшой — всего двадцать-тридцать миллионов оборота в год — импортно-экспортной фирме, принадлежащей его отцу.

В свои тридцать пять лет он был все еще не женат — «как-то не встретил ту, единственную, знаете ли...». Сюда Тимоти приехал в отпуск, совсем один — «но, возможно, это и к лучшему...» — (данные слова сопровождалось выразительным взглядом, брошенным на Глэдис).

Глэдис, естественно, не поверила ни единому его слову: знаем мы таких, наверняка женат и приехал сюда отдохнуть от жены и пятерых детей и поразвлечься с какой-нибудь наивной простушкой — она не из их числа! Тем не менее она кивала, в нужных местах смеялась, удивлялась или ужасалась — словом, проделывала все, что положено в таких случаях. Ее великолепное настроение слегка омрачали только два обстоятельства: во-первых, решив на минутку заскочить в дамскую комнату и поправить макияж, она вдруг обнаружила, что в сумочке отсутствует нечто очень важное — а именно помада. Неужели дома забыла? Да нет, быть того не может!

Во-вторых, ее несколько смущало то, что их с Тимоти (он просил называть себя по имени!) кто-нибудь мог увидеть вместе — а потом настучать Джеку, который в жизни не поверит, что она хотела просто слегка развлечься! Как всегда, все поймет неправильно и закатит сцену ревности! Да еще потом будет дуться и портить настроение!

Поэтому, дойдя до входа в отель, Глэдис поспешила побыстрее распрощаться, получив предварительно приглашение «искупаться вместе в бассейне и посмотреть на ночные орхидеи — надеюсь, часов в десять будет не слишком поздно?», — ответив: «Может быть...» — и твердо решив, что придет.

Как выяснилось, спешить необходимости не было — Джек спал. Возмущившись — что,

она зря торопилась?! — Глэдис как следует хлопнула дверью. Он тут же подскочил и томно спросил:

— Ну чего ты грохочешь?... — явно записав себя если не в умирающие то, по крайней мере в тяжелобольные, которым требуется уход и покой. Что поделаешь — мужчина, они от любой царапинки в обморок падают.

Прежде всего — самое главное! Глэдис перевернула над диваном сумочку и как следует потрясла ее, пошарила во всех уголках и запустила палец в дырочку в подкладке — помады не было и там! Неужели выпала? Но где? В парикмахерской? Придется покупать новую... только какую? Кажется, «Страсть орхидеи»...

Джеку жаловаться было бесполезно — в таком настроении он мог только затеять ненужный разговор о разбазаривании денег на пустяки. Поэтому она решила завтра же восполнить потерю, а пока заняться более насущной проблемой: как удрать на свидание, не вызвав подозрений у мужа...

Для начала Глэдис решила его покормить — сытый мужчина благодушен и ленив. Предложение поужинать было принято более чем благосклонно.

После ужина она проделала необходимые медицинские процедуры — то есть размазала по спине растянувшегося на постели и чуть ли не мурлыкающего от удовольствия Джека коробочку йогурта — и только после этого с невинным видом завела разговор:

— Ты знаешь... я тут проходила мимо бассейна и подумала — почему бы мне немножко не поплавать перед сном? Сейчас уже не так жарко...

— Ну давай сходим...

— Ты же весь йогурт со спины смажешь — что я, зря старалась?! — возмутилась Глэдис. — Я сама быстренько сбегаю — туда и обратно.

После глубокого вздоха последовало неохотное согласие:

— Ладно... только надень нормальный купальник, а не это... бикини со стриптизом.

Пришлось пойти на компромисс, зато саронг Глэдис надела самый парадный — с драконами. С новыми бусами это смотрелось просто великолепно!

Около бассейна никого не было, но стоило Глэдис начать оглядываться, как откуда ни возьмись появился Тимоти и, элегантно взяв ее под руку, проводил к стоявшему чуть в стороне от бассейна столику, окруженному цветущими олеандрами.

«Обольщение по полной программе!» — подумала она, увидев на столике бутылку шампанского и два бокала. Как ни странно, прилива нежных чувств к Тимоти у нее это не вызвало. Дело в том, что от шампанского у Глэдис обычно начиналась совершенно неприличная икота, не подобающая истинной леди — а посему она его не любила и никогда не пила. Что же касается олеандров, то от их запаха у нее всегда начинала болеть голова.

Англичанин нежно держал ее за руку и разливался соловьем, отпуская комплименты ее внешности, пунктуальности (она опоздала всего на пятнадцать минут!) и «нежному южному акценту». Глэдис же с каждой минутой чувствовала себя все более неуютно, понимая, что если кто-то из приятелей Джека застанет ее в такой ситуации, ей будет не отвертеться, сославшись на случайное знакомство с человеком, которого она впервые увидела пять минут назад.

Поэтому она предпочла высвободить руку и обрадовалась, когда Тимоти заговорил на куда более интересную тему:

— А вы слышали, что в нашем отеле ночью убили человека?!

— Правда?! Ах, какой ужас! — поддержала разговор Глэдис. — А кого? Это, наверное,

маньяк, да?!

Держа в руке бокал с шампанским, она старалась выбрать момент и незаметно выплеснуть часть на землю — чтобы Тимоти не начал спрашивать, почему она не пьет.

— Нет... говорят, это связано с деньгами... — неожиданно сообщил он. И после короткой паузы добавил: — С большими деньгами...

— Вот уж никогда бы не подумала... — невинно мурлыкнула довольная Глэдис — ей все-таки удалось, наконец, благополучно отправить шампанское себе под ноги.

Кроме того, про деньги, тем более большие, она ни от кого до сих пор не слышала, а потому заинтересовалась и, чтобы как-то продолжить беседу — авось скажет еще что-нибудь интересное! — решила использовать полученные сегодня сведения:

— А я-то думала, его застрелил тот тип, который пил с ним бурбон в день приезда!..

Отпустив эту провокационную реплику, Глэдис бросила на своего кавалера многозначительный взгляд, встала и медленно направилась к бассейну — напрашиваться на еще один бокал шампанского ей не хотелось.

Англичанин послушно последовал за ней.

Очевидно, разговор об убийстве настроил его на игривый лад — стоило Глэдис достать из сумочки весьма кстати купленные вчера сигареты, как Тимоти вытащил откуда-то зажигалку в форме пистолета, протянул к ней, скорчил зверскую рожу и просипел хриплым шепотом:

— Без глупостей, крошка! — зажигалку он при этом держал слишком низко — чуть ли не на уровне ее бюста.

Глэдис рассердилась. Он что — даже дать даме прикурить не умеет? Или думает, что она должна нагибаться и тянуться за огнем?! Тоже мне — джентльмен нашелся!

Подыгрывать идиотской шутке и делать вид, что безумно испугалась, ей не хотелось. Поэтому, недолго думая, она одним молниеносным движением выдернула из руки незадачливого кавалера зажигалку, чтобы прикурить самостоятельно (а ему пусть будет стыдно!), и небрежно подкинула ее в воздух, напоминая самой себе в этот момент героиню вестерна.

К сожалению, героиней вестерна Глэдис не была — да и зажигалка оказалась неожиданно тяжелой. Вместо того чтобы послушно скользнуть в подставленную руку, она больно ударила по ней, упала на мраморную плитку, окружавшую бассейн, отскочила и плюхнулась в воду — после чего, выпустив пузырьки воздуха, опустилась на дно и осталась там лежать.

Глэдис подняла ошеломленные глаза на Тимоти, который смотрел на нее не менее оторопело.

— И-извините... — выдавила из себя она. — Я... я сейчас достану...

Вместо того чтобы сказать приличествующее: «Да нет, ну что вы, не волнуйтесь, какие пустяки, я сейчас сам достану...», англичанин продолжал, застыв, смотреть на нее — даже рот слегка приоткрыл.

«Ну чего он так перекосялся? — с некоторым раздражением подумала Глэдис, развязывая саронг. — Эта зажигалка ему что — дорога как память? И почему мужчины не могут перестать играть с игрушками — вон у Джека тоже лежит на комодке любимый «самурайский» меч, купленный за пятьдесят долларов в магазине на Восьмидесятой улице, так он над ним трясется и ругает бедного Панча, когда тот его случайно роняет!»

Тимоти ей окончательно разонравился, и она твердо решила, достав зажигалку, отдать

ее ему и гордо удалиться, не оборачиваясь. Тем более что Джек там, наверное, уже соскучился и заждался! И уж он-то не будет подсовывать ей противную шипучку!

Нырять пришлось с открытыми глазами — их тут же немилосердно защипало. Добравшись до дна и схватив зажигалку, Глэдис развернулась, зажмурилась, оттолкнулась ногами... и в этот момент, больно стукнув ее по голове, на нее с грохотом обрушилось нечто тяжелое.

Она отчаянно замахала руками, метнулась в сторону и, как пробка, выскочила на поверхность — злополучная зажигалка при этом, естественно, снова пошла на дно.

Судорожно схватившись за край бассейна, Глэдис обернулась и, увидев спину Тимоти, поняла, что англичанин вышел наконец из своего непонятного ступора и прыгнул в воду вслед за ней...

Только... зачем же прямо в костюме?!.. И... что это?!!!

Специальный агент ФБР Симпсон уже приближался к дому, предвкушая спокойный вечер у телевизора с парой банок пива — эту привилегию, несмотря на все навязанные женой диеты, ему все-таки удалось отстоять! — когда телефон в его кармане пронзительно заверещал.

Вопрос, заданный шефом, был несколько неожиданным:

— Симпсон, вам знакома некая Глэдис Четтерсон? Это имя вызвало у Симпсона непроизвольную улыбку.

— А-а... Да, разумеется!

— Она что, действительно ваш агент?

— Нет, но...

— Разворачивайтесь и приезжайте в офис! — последовал приказ, после чего шеф отключился, оставив Симпсона в недоумении. Ясно ему было только одно: с мечтой о спокойном вечере придется распрощаться.

— Так кто такая эта миссис Четтерсон? — повторил шеф, едва увидев Симпсона. На сей раз ответ был готов:

— Милая очаровательная молодая женщина с потрясающей способностью, не моргнув глазом, выпутаться из любой ситуации. Пару раз она нам очень помогла: вспомните — ограбление универмага Додсона под Рождество! А до того — дело с алмазами в аэропорту.

— Так это что — та самая? Которая... обезьяна?! — вспомнил наконец шеф, после чего сделал последнее, чего можно было от него ожидать — разразился громогласным хохотом.

Смеющимся Симпсон видел своего непосредственного начальника нечасто — каких-нибудь пять-шесть раз за почти десять лет совместной работы, поэтому уставился на него во все глаза.

Смех закончился так же внезапно, как и начался, и шеф сообщил уже по-деловому, хотя губы его все еще кривились в иронической усмешке:

— На этот раз она каким-то образом замешалась в операцию АНБ. Мне звонили из Вашингтона и просили откомандировать вас на место. Билет уже заказан, вылет через четыре часа. В аэропорту вас встретят.

— А...а куда? — осмелился спросить Симпсон.

— Из их слов я понял, что с присланным из местного отделения ФБР агентом у нас возникли какие-то серьезные разногласия, — словно не слыша его, продолжал шеф. И, ухмыльнувшись во весь рот, счел, наконец, нужным ответить: — Как, разве я до сих пор не сказал? На Гавайи!

Это безобразие продолжалось уже несколько часов. Да что они, издеваются, что ли? Глэдис была в ярости. Не будет она с ними разговаривать — и все! И пусть сажают в тюрьму, как обещали! И пусть не кормят! И не поят! И вообще — лучше любая тюрьма, чем эти невоспитанные, нечуткие и бестактные люди.

Стоило ей с трудом выкарабкаться из воды, как откуда ни возьмись появились несколько человек и вместо того, чтобы помочь и утешить (Шутка ли сказать, купаться в одном бассейне с трупом! А может, он заразный?!) — так вот, вместо этого они схватили ее и потащили непонятно куда, даже не дав обуться и обмотаться саронгом.

Через черный ход ее привели в отель, запихнули в какую-то комнату и только тут

отдали босоножки и саронг, но к тому времени Глэдис уже наколола пятку! Более того, одеваться ей пришлось прямо при этих людях — никто из них и не подумал выйти или отвернуться! — и надеть саронг прямо на мокрый купальник, отчего сразу стало сыро, холодно и неудобно.

Ей не предложили переодеться в сухое и привести себя в порядок, не вернули сумку и не позвали Джека — вместо этого стали спрашивать о непонятном! Да еще сразу с двух сторон, галдя и перекрикивая друг друга! А когда, запутавшись в их вопросах, Глэдис вежливо попросила повторить все с начала, они нагло заявили, что ночь в камере «прочистит ей мозги и уши»!

После этого она обиделась и отказалась с ними разговаривать, надеясь, что вот-вот придет Джек и спасет ее.

Вскоре он действительно появился — в весьма дурном расположении духа — но вместо того, чтобы разнести тут все, схватить жену и прижать к груди, послушно пошел с этими людьми в соседнюю комнату. А ее оставили одну! Несчастную и одинокую!

Глэдис не сразу сообразила, что можно послушать у двери, о чем это они там говорят, и пропустила половину — наверняка самое интересное! Но и того, что удалось услышать, ей хватило с лихвой:

— ...мы пытались пригрозить, что посадим ее в камеру — на нее это не подействовало...

— И не подействует. Она сейчас способна думать только об одном — в порядке ли ее макияж. — (Это был голос Джека!)

— Она что... это самое?!

(Интересно, что они имеют в виду?!)

— Нет... но обращаться с ней нужно вежливо и с учетом ее характера.

— То есть?

— Прежде всего дать ей переодеться, привести себя в порядок и выпить чего-нибудь горячего — а потом уже задавать вопросы. И по одному!

— Но у нас нет времени на подобные церемонии! Она должна срочно сказать все, что знает!

— Характер у нее еще тот, так что давить или взывать к ее здравому смыслу бесполезно — если хотите добиться какого-то результата, сделайте, как я говорю.

Теперь Глэдис сочла нужным обидеться и на мужа. Что значит — «характер еще тот»?! А вот Рони Тальбот считает, что у нее прекрасный характер! И не только он!

Такого она от Джека не ожидала. Ее муж — ее собственный муж!!! — примкнул к ее гонителям! Вместо того чтобы помочь любимой жене и вытащить ее скорей отсюда, он советует им, как заставить ее отвечать на их вопросы!

Пускай сажают в тюрьму — и точка! Ничего она им не скажет!

От обиды Глэдис даже перестала слушать и не сразу заметила, что в соседней комнате наступила подозрительная тишина.

— Не советую! — сказал вдруг Джек с какой-то странной интонацией. — Ой, не надо! — Казалось, он с трудом сдерживает стон.

Да в чем дело-то?! Неужели... неужели его пытаются?!

Этого Глэдис не выдержала — какой бы он ни был, это все-таки ее муж! Мощным толчком пнув дверь, она вылетела на середину комнаты и застыла, обводя глазами присутствующих — пусть только попробуют тронуть его при ней!

Джек сидел на стуле, зарывшись лицом в руки, и тихонько стонал, двое мужчин, сидя напротив, смотрели на него во все глаза, а у двери стояла та самая мымра, которая когда-то чуть не арестовала его!

Что она с ним сделала? Ударила?! Да как она смеет?!!!

Бросившись к несчастной жертве полицейского произвола, Глэдис заслонила ее собой и диким голосом заорала:

— Не тронь моего мужа, сука! — нагнулась, стащила с ноги босоножку, замахнулась ею и крикнула еще громче: — Не дам!

В этот момент в комнату вбежал молодой парень в клетчатой ковбойке, выпалил с таким видом, словно сообщает что-то на редкость приятное:

— С утра шторм обещали! — и лишь после этого застыл, глядя на развернувшуюся перед ним сцену...

Когда утром Глэдис проснулась в своем номере, все происшедшее ночью показалось ей дурным сном и лишь побаливающая пятка (вот что значит вовремя не помазать йодом!) доказывала, что это случилось на самом деле.

А случилось многое!

Оказывается, Джек вовсе не нуждался в защите! И никто его не пытал!

Она еще стояла с босоножкой, защищая мужа, когда он вдруг подскочил, сорвался с места, схватил за рукав сидевшего напротив него высокого и костлявого типа с торчащими в стороны ушами и, на ходу бросив привычное:

— Наминуткубубубу (имени Глэдис не разобрала), — вытащил его за дверь.

Выходит, притворился, негодяй!

Глэдис остолбенела от негодования, и тут мымра посмела нагло прошипеть:

— Публичное оскорбление — это тебе даром не пройдет! За все ответишь — и за угрозы тоже! И этот твой... красавчик блондинистый в камере хорошо смотреться будет!

— Да ради бога, — мгновенно нашлась Глэдис. — Может, хоть там мерзкие старухи вроде тебя к нему лезть перестанут!

Остальные присутствующие растерянно переводили взгляд с одной женщины на другую, не понимая, в чем, собственно, причина конфликта.

— Да уж не вульгарная девка в пестрых отрепьях!

Это она так про новый саронг с драконами?! Да кто она такая? На самой-то — опять черный костюм. Интересно, она его хоть стирает иногда?!

— Все лучше, чем тощий катафалк в темных очках!

Неизвестно, какое хамство ждало Глэдис в ответ — неожиданно дверь распахнулась, и тот костлявый тип, которого уволок Джек, появился на пороге и начальственным тоном сурово приказал:

— Мисс Себастьяни, прекратите оскорблять нашего главного свидетеля и следуйте за мной!

Выходя вместе с ним, мымра оглянулась, словно говоря: «Ну ничего, мы с тобой еще посчитаемся!» Торжествующая Глэдис — последнее слово все-таки осталось за ней! — не преминула быстро и незаметно показать ей язык.

Вернулся костлявый тип минут через десять — вместе с Джеком. За это время Глэдис успела проникнуться к нему (не к Джеку, конечно, на него она все еще была обижена! — а к этому мужчине) искренним расположением: как хорошо он поставил на место мерзкую фэбээровку!

То, что он сказал, заставило Глэдис окончательно понять, что она имеет дело с джентльменом:

— Миссис Четтерсон, я понимаю, что вы очень устали и пережили тяжелое потрясение! Но мы нуждаемся в вашей помощи — речь идет о безопасности государства! — это прозвучало так торжественно, что ей захотелось встать навытяжку. — Моя фамилия Лэнгфорд, я представляю здесь Агентство национальной безопасности США. Пожалуйста ответьте нам на несколько вопросов — и после этого вы сможете отдохнуть. А-а, кстати! — обернулся он к двери. — Позвольте предложить вам... не знаю даже, как это назвать: ранний завтрак или поздний ужин...

Еще один незнакомый мужчина — господи, сколько же их тут?! — внес поднос с огромным блюдом бутербродов и кофейником, от которого пахло так, что у Глэдис чуть не потекли слюнки.

В трапезе приняли участие все присутствующие, и бутерброды исчезли в минуту.

Глэдис успела урвать целых три шпуки, а бедняге Джеку достался всего один (ха-ха-ха, зевать не надо!). После этого за столом установилась дружеская атмосфера — совместное поедание бутербродов очень сближает людей.

Вопросов, правда, оказалось не несколько, а довольно много. Сначала ее попросили рассказать подробно все, что произошло сегодня вечером. Глэдис стойко держалась своей версии: Тимоти она впервые встретила у бассейна, а до того в жизни не видела! Не может же она говорить при муже, что этот английский недотепа пригласил ее посмотреть ночные орхидеи!

Потом зашла речь и о вчерашнем происшествии. Слушали ее, надо сказать, с большим интересом — в отличие от Джека, не перебивали хамскими репликами и не стали глупо ржать, когда она упомянула про маньяка. О помаде, которую она сначала по ошибке прихватила, а потом вернула, Глэдис решила не говорить вообще. К счастью, Джек, очевидно, счел это не заслуживающей внимания мелочью и напоминать не стал.

Потом ей принесли пачку фотографий и попросили выбрать из них того человека, которого она видела сквозь стекло. В пачке такового — увы! — не обнаружилось.

Когда Глэдис сказала это, в комнате наступило короткое молчание, после чего Лэнгфорд осторожно поинтересовался:

— Миссис Четтерсон, вы в этом уверены? Может, вам стоит посмотреть еще раз?

— Да что я, слепая? — обиделась Глэдис. — Тут все старые и лысые — а там был такой... брюнет кучерявый! Ну... не совсем кучерявый, но волосы вьются.

Почему-то сообщение о прическе маньяка вызвало среди присутствующих (исключая Джека, который меланхолично жевал зубочистку) легкий ажиотаж.

Они переглянулись, двое из них выскочили за дверь, потом всунулись и позвали Джека, потом — она уже успела соскучиться и захотеть спать — вкатились все толпой, Лэнгфорд выбрал из пачки одну из фотографий и положил перед ней:

— Значит, вы совершенно уверены, что на балконе был не этот человек?!

Да что они, глухие, что ли? Она говорит про зловещего брюнета с зыркающими глазами, а ей подсовывают какого-то желчного противного старика с лысиной в полголовы и поджатыми губами! Глэдис решила не тратить зря слов и молча решительно помотала головой.

Перед ней тут же распластался лист бумаги, и Джек приказным тоном бросил:

— Рисуй!

Естественно, кто бы еще, кроме него, мог додуматься до такого зверства — заставлять усталую женщину с наколотой пяткой рисовать всяких маньяков!

Тяжело вздохнув, Глэдис принялась за дело. Но даже тут ей не дали успокоиться и сосредоточиться: наглый голос ее мужа (предатель!) заявил:

— Вы можете ее пока спрашивать. У нее лучше получается, когда она не пытается думать.

— Миссис Четтерсон, — тут же откликнулся на призыв Лэнгфорд, — вы видели, кто стрелял в Раймека?

— А кто такой Раймек? — заинтересовалась Глэдис.

— Ну... тот, с которым вы пили шампанское.

— Я не пила, я на землю вылила! И зовут его не Раймек, а Тимоти Веллер. И когда он на меня плюхнулся, я под водой сидела... И ничего я не видела! — произнося все это, она одновременно энергичными движениями растушевывала карандашные линии.

— А зачем вы под водой сидели?

— Зажигалку его дурацкую доставала! Вот, получайте! — протянула она Лэнгфорду портрет брюнета.

Получился — как живой, даже зверский блеск глаз ей удалось передать! — Ну, могу я теперь идти домой?!

— Сейчас, еще минуточку! — Чувствовалось, что портрет произвел впечатление, все присутствующие сгрудились вокруг и уставились на него. — А... что это такое? — Лэнгфорд ткнул пальцем на тщательно выписанную деталь за плечом маньяка.

— Капюшон, — устало отозвалась Глэдис. — На нем был такой спортивный костюм, серебристо-серый с синим кантиком... на самом деле ему больше пошел бы бежевый.

— Почему?

— У него глаза карие.

После этого, очевидно не в силах придумать новых вопросов, ее отпустили домой, пообещав, что Джек придет через минуту. Но к тому времени, когда он наконец появился, Глэдис уже спала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

С утра Джек проснулся в скверном расположении духа, надутый и мрачный. Только буркнул:

— Ешь быстрее, нас уже ждут! — как будто кто-нибудь ждал там его. Да кому он нужен?! Пусть не воображает — это она главный свидетель!

За окном подвывал ветер, на пляже не было ни души — вздымающиеся сизые волны отбивали всякое желание лезть в воду. Глэдис даже удивилась, подумав, что Джек огорчился именно из-за этого — неужели он снова купаться собирался? Как будто ему вчерашнего мало!

Причина столь скверного настроения выяснилась, когда Глэдис, как и подобает хорошей жене, осведомилась о его самочувствии — в особенности относительно спины.

Спецзадание для истинной леди

— Вчера ты меня больного оставила и удрала на свидание — а теперь грехи замаливаешь?!

— Какое свидание?! — оскорбленным тоном выдала она заранее подготовленную ложь во спасение. — Я его впервые там увидела!

— И пила с ним шампанское?!

— Мы с тобой уже почти три года женаты, и ты до сих пор не знаешь, что я не пью шампанского?! Да ты вообще на меня внимания не обращаешь! — перешла в наступление Глэдис. — И до сих пор не объяснил мне, что это была за старуха с сигаретой, которую ты якобы впервые видел!

— Ну не впервые, ну знал я ее, ну и что?! Это давным-давно было!

— В каком это смысле знал?!

— В библейском! — окончательно потеряв стыд и совесть, огрызнулся Джек.

— И ты не стесняешься мне об этом говорить?

— А чего мне стесняться?! Я у тебя за спиной на свидания, не бегаю! — не отступал он. — А что было до того, как мы познакомились — это мое дело!

— Ага!!! Значит, признаешь, что врал?!.

Дискуссия могла бы продолжаться достаточно долго, если бы не телефонный звонок.

Трубку взял Джек (какое он имеет право — это ей звонят!) и коротко бросил:

— Да, мы уже выходим.

В комнате, где ее допрашивали, за ночь поприбавилось и мебели, и людей. За длинным столом сидело человек восемь (Лэнгфорд, естественно, на председательском месте), а в углу — еще один, уткнувшийся в компьютер. Но первым, кого Глэдис увидела, войдя, был Симпсон.

Она обрадовалась, даже поцеловала его в щечку, покосившись при этом на Джека. (Видел? Вот, поревнуй!)

Симпсон тоже расплылся в улыбке.

— Миссис Четтерсон, я рад, что нам снова предстоит работать вместе!

Глэдис обвела глазами присутствующих: все слышали?!

Перед тем, как начать совещание, Лэнгфорд подозвал ее и дал подписать какую-то бумажку, объяснив:

— Вы не имеете права ни с кем обсуждать то, о чем будет говориться в этой комнате!

Это государственная тайна!

— И с Джеком нельзя? — робко осведомилась Глэдис, но бумажку все-таки подписала: ведь иначе ей ничего интересного не расскажут!

— С Джеком можно... — вздохнул Лэнгфорд.

Через несколько минут после начала совещания Глэдис наконец поняла, почему портрет брюнета так заинтересовал присутствующих: оказывается, человек, которого убили в номере 1256, был вовсе не он!

Лэнгфорд пустил по рукам фотографию, и она увидела того самого типа с лысиной и поджатыми губами, которого ей так настойчиво подсовывали вчера. С такой склочной мордой — ничего удивительного, что у него была язва!

Как выяснилось, последние слова Глэдис произнесла вслух, потому что локоть Джека чувствительно пнул ее под ребра, а Лэнгфорд быстро спросил:

— Миссис Четтерсон, откуда вам известно, чем страдал убитый? Мы получили результаты вскрытия всего три часа назад!

— От маникюры... — нерешительно промямлила Глэдис. — Только она не говорила про вскрытие — он просто не ел ничего жареного и острого... она от официантки узнала...

Джек издал странный звук, похожий на стон, но Лэнгфорд, не обращая на него внимания, осторожно поинтересовался:

— Может быть, вы еще что-нибудь знаете? Например, с кем он встречался?

— С женщиной. Один раз, в день приезда, вечером. Они пили бурбон! — бодро отрапортовала Глэдис.

— Это вы тоже... от маникюры?

— Нет, это в парикмахерской!

Как выяснилось, убитый желчный старик — кстати, звали его Элиас Веллер — работал в какой-то очень важной правительственной лаборатории. Но, вместо того, чтобы честно трудиться, он решил продать кому-то (небось, русским!) данные о разрабатываемом секретном проекте! АНБ, естественно, сразу об этом узнало и стало следить за ним, чтобы узнать, кому он хотел продать данные — и арестовать заодно и того.

Англичанина Тимоти, оказывается, по-настоящему звали Тимоти Раймек, и он был... близким другом Веллера — как, слегка замявшись, сформулировал Лэнгфорд, покосившись на Глэдис. «А-а, ясно, педики!» — сразу догадалась она, но промолчала: леди о таких вещах знать, а тем более говорить не положено!

И вот, здесь, на острове, их обоих убили, и так никто и не знает, кому они собирались — а может, даже уже и успели! — продать секретные сведения. У АНБ пока что нет ничего, кроме портрета подозрительного брюнета, которого Глэдис видела на балконе. Возможно, это и есть убийца!

Вчера Раймека убили уже после ухода последнего катера, а сегодня катера вообще не ходят из-за шторма, так что он (если, конечно, этот брюнет действительно убийца) до сих пор где-то поблизости. Осталось только найти его — И в этом должна помочь именно она, Глэдис!

Кроме катера, другой дороги с острова нет, и — если она будет... скажем, проверять при посадке билеты — пустяки, всего каких-нибудь пять раз в день! — и при этом смотреть на отъезжающих, то непременно его заметит! И ей дадут специальную штучку с кнопкой («Такую же, как в прошлый раз», — объяснил Симпсон. Вдохновения у Глэдис это не вызвало — она хорошо помнила, что в тот раз подсунутая ей штучка оказалась испорченной

и не зазвонила, когда было надо!).

— Значит, вы хотите сказать, что моя жена должна целыми днями маячить под носом у убийцы, который видел ее и, возможно, запомнил так же хорошо, как и она его?! — неожиданно пробудился от мрачного молчания Джек. — А как вы при этом собираетесь обеспечить ее безопасность?!

Лэнгфорд был явно недоволен неожиданным вмешательством.

— Ну... это же всего пять раз в день, и вокруг будут наши сотрудники, и... и мы ее замаскируем! Ну там... парик и все такое!.. А остальное время вы будете сидеть в номере и вас будут охранять так, что и мышь не проскочит! Даже еду вам будет доставлять наш человек.

— Да? — саркастически заметил Джек. — Надеюсь, вы не забыли, что мы здесь в отпуске?!

— Но это же всего на несколько дней!

— А у меня отпуск всего три недели!

«Как он может быть таким неприлично меркантильным?! Ведь речь идет о безопасности государства!», — подумала Глэдис, но вслух говорить не стала. Ей и без того в глубине души было слегка совестно из-за вчерашнего свидания — пусть неудачного, но все равно...

В конце концов договоренность была достигнута:

Во-первых, дополнительная неделя отпуска для Джека — Лэнгфорд сразу пообещал, что «с этим проблем не будет».

Во-вторых, все то время, что они будут, как выразился Джек, «сидеть под домашним арестом» — их проживание, питание и т. д. оплачивает АНБ.(или ФБР, ему все равно!).

И в-третьих — самое главное: на это время они должны переехать в другой номер — а вдруг убийца уже выследил Глэдис?! И оттуда она будет выходить только замаскированная и только под охраной. Более того, Джек заявил, что сам будет всюду сопровождать жену, и потребовал, чтобы замаскировали и его!

Глэдис ехидно подумала, что для ровного счета не мешало бы замаскировать и Панча — например, под собаку! Она с самого начала знала, что стоит Джеку узнать про ее расследование, как он тут же начнет пугаться под ногами и мешать!

Казалось бы, все проблемы были решены — и тут Глэдис еще раз убедилась, насколько права была мама, всегда советовавшая: «Деточка, не надо демонстрировать мужчинам свой ум! Они этого не любят!»

И дернул же ее черт за язык (другого слова не подберешь!) сказать:

— А на экскурсионный пароходик я тоже должна буду билеты проверять?

— Какой экскурсионный пароходик? — заинтересовался Лэнгфорд.

— Ну... два раза в день есть экскурсии на фабрику, где такие штучки делают, — и тут Глэдис не нашла ничего лучшего, чем залезть в сумку и продемонстрировать помаду (на сей раз — «Бутон орхидеи»).

— Почему я должен узнавать об этом канале от постороннего... — начал было Лэнгфорд, обводя своих подчиненных не сулящим ничего хорошего взглядом (Глэдис обиделась — она не посторонняя!) — как вдруг замолчал и уставился на то, что она держала в руке. — Позвольте-ка! — выхватил он у нее помаду, раскрыл и выдвинул на всю длину. — Интересно!..

«Он что, никогда помады не видел?!» — удивилась Глэдис. Лэнгфорд между тем встал

и, не сказав больше ни слова, вышел из комнаты, унося с собой «Бутон орхидеи» и на ходу кивнув нескольким своим сотрудникам, которые тут же вскочили и гуськом потянулись за ним.

Минут через десять в комнату сунулся парень в ковбойке — тот самый, что вчера так радовался шторму — и увел с собой Симпсона. Лэнгфорд все не возвращался. Да что стряслось-то?!

Еще через десять минут тот же молодой человек появился снова и возвестил:

— Мистер Четтерсон, номер для вас подготовлен — 1243. Вы можете пока перебираться, а миссис Четтерсон мы задержим еще на минутку — с ней должен поработать визажист!

Визажист! Глэдис обрадовалась — интересно, какой ее сделают?! Наверное, перекрасят в блондинку! Да, но вся ее одежда подбиралась под темные волосы... Пусть тогда покупают новый гардероб!

Она тут же начала прикидывать, что туда должно войти: две пары босоножек, голубой льняной костюмчик... она такой как раз видела в универмаге, три блузки... или можно две блузки и топик...

В комнате, куда ее привели, никакого визажиста не было — за столом сидели Лэнгфорд и Симпсон. Глэдис несколько удивилась и, подчиняясь приглашающему жесту, уселась напротив.

Потом, словно они отрепетировали это заранее, Лэнгфорд вытащил откуда-то и молча выложил на стол три прозрачных пакетика — в каждом из них было по помаде с орхидеей! — а Симпсон произнес:

— Миссис Четтерсон, из этих помад две найдены в номере Раймека, а третью вы только что любезно вручили мистеру Лэнгфорду. И на все трех — ваши отпечатки пальцев! Поэтому у нас возникло к вам еще несколько вопросов — и для начала сейчас, пока ваш муж не слышит, объясните нам, пожалуйста, какие отношения связывали вас с Раймеком?!

Уставившись на три одинаковых пакетика перед ее носом, Глэдис наконец-то поняла коварство подлого англичанишки! А она-то еще, чтобы не обидеть его, делала вид, что пьет это мерзкое шампанское!

— Так этот гавнюк спер мою помаду? — выпалила она, от возмущения забыв, что в лексиконе истинной леди подобных слов быть не должно. Правда, тут же вспомнила и смущенно потупилась, пустив одинокую слезу (этот трюк Глэдис выучила лет в четырнадцать).

— Кого вы имеете в виду, миссис Четтерсон? — осторожно осведомился Лэнгфорд.

— Ну этого... Раймека. Он ко мне в магазине подкатился, а потом, в номере, я заметила, что у меня помада пропала... вон та, — ткнула она пальцем в средний пакетик, — но я думала, что в парикмахерской ее забыла! А это, оказывается, он утащил?!

— Значит, вы с ним познакомились раньше, а не у бассейна?

— Да... — вздохнула Глэдис. — Только Джеку не говорите...

— Значит там, у бассейна... это было свидание?

— Ну... да... он обещал показать мне ночные орхидеи...

— И когда вы пришли, он угостил вас шампанским, которое вы не стали пить?

— Да...

— А потом стал угрожать вам пистолетом, который вы у него отобрали и кинули в бассейн?

— Я нечаянно уронила! — запротестовала Глэдис — и тут до нее, наконец, дошли слова Лэнгфорда. — Пистолетом?!

— Увы, миссис Четтерсон, то, что вы так упорно называете «зажигалкой», является пистолетом 25-го калибра.

Глэдис застыла, тупо глядя на него и пытаясь переварить услышанное. Очевидно, подумав, что этого мало, Лэнгфорд решил добить ее окончательно:

— А в вашем бокале, по данным экспертизы, была изрядная доза «Микки Финна»!

— А мне он сказал, что шампанское французское... — новое вранье Тимоти ее уже ничуть не удивило.

— «Микки Финн» — это сильно действующее снотворное, — объяснил молчавший до того Симпсон.

Вот теперь она окончательно потеряла дар речи. В голове мелькали какие-то обрывки мыслей... Снотворное... Пистолет... Значит, Тимоти хотел ее застрелить и усыпить... или усыпить и застрелить?... А зачем? Он что — тоже маньяк?

Не обращая внимания на плачевное состояние Глэдис и забыв золотое правило Джека — «по одному зараз!» — Лэнгфорд продолжал атаковать ее вопросами:

— Значит, выходит, что Раймек познакомился с вами, заманил в тихое безлюдное место, попытался угостить шампанским со снотворным, а когда это не подействовало — пустил в ход пистолет. Почему? Чем вы его так заинтересовали?! И откуда ваши отпечатки на второй помаде, которую мы нашли в его комнате? И наконец — как вы объясните вот это?!

С этими словами он открыл один из пакетиков, достал оттуда перламутровый футлярчик и открыл его. Вместо новенькой помады из основания торчал лишь жалкий обломок красивого вишневого цвета «Страсть орхидеи»!

При виде такого кошунства Глэдис пробудилась от ступора, ткнула пальцем в соседний пакетик и робко пискнула:

— А?!..

— Совершенно верно! — подтвердил Лэнгфорд, демонстрируя ей еще одну искалеченную помаду.

— А?!.. - показала она на последнюю, уже ни на что не надеясь.

Эта оказалась целенькой! Не дожидаясь разрешения, Глэдис схватила ее, зажала в кулаке и, глядя на Симпсона — он казался ей более сочувственным и понимающим — жалобно спросила:

— Он что, мне хотел отомстить за то, что я им не ту вернула? Но я же не нарочно, я думала, он не заметит!..

Через пять минут по направлению к номеру 1356 двигалась процессия: два сотрудника АНБ, зорко высматривавших по сторонам неизвестную опасность; Глэдис, крепко державшаяся — для безопасности — за руку Симпсона и озиравшаяся в надежде обнаружить крадущегося за ней зловещего маньяка; Лэнгфорд в крайне мрачном настроении — с момента знакомства с миссис Четтерсон он то и дело чувствовал себя полным идиотом и очень надеялся, что все остальные этого не замечают. (Успех дела — а, возможно, и вся его карьера — зависели сейчас от женщины, в здравом уме и твердой памяти которой он по-прежнему сомневался, несмотря на рассказанные ему Симпсоном истории про подвиги «агента Дизайнер».) Замыкали шествие еще два сотрудника АНБ, охранявшие тыл.

Выглядело это так внушительно, что не могло не быть замечено постояльцами. Вскоре по этажам поползла сплетня: в отеле остановилась — с многочисленной свитой, но инкогнито — стареющая кинозвезда, которая сделала себе пластическую операцию и пару подтяжек, чтобы выйти замуж за человека, по возрасту годящегося ей в сыновья... или даже во внуки!!! (Имена при этом назывались самые разные — вплоть до Элизабет Тейлор.) Правда, выглядит она совсем молоденькой, но мы-то знаем, каких успехов достигла нынче пластическая хирургия!

Не подозревая об этом, Глэдис добралась до номера. Джек встретил ее на пороге:

— Ты мои носки трогала?

Вот вечно он так! Видит же, что с людьми пришла — нет, обязательно надо о всякой чепухе некстати влезть!

— Нет, — буркнула она, направляясь к кошачьей клетке, и остановилась, услышав сзади:

— Так-так-так... Поздравляю, дорогая — наш номер обыскивали!

— Это не мы! — быстро сказал Лэнгфорд и только после этого поинтересовался: — Что-нибудь пропало?

— Вроде нет... Носки у меня не так лежат — не скручены, а как попало скомканы. И кот сам не свой — со шкафа ни в какую слезать не хочет.

Обычно, стоило появиться постороннему, как Панч тут же взлетал на шкаф и выглядывал оттуда одним глазом в полной уверенности, что любой незнакомец лелеет зловещий план — похитить самое ценное, что есть в доме, а именно — его, кота. Лишь минут через пятнадцать, убедившись, что на него никто не покушается, кот осторожно спускался, бесшумно подкрадывался и начинал изучать гостя, стараясь, чтобы его при этом никто не заметил.

Здесь, в отеле, он тоже сразу облюбовал себе в качестве укрытия шкаф — большой и до половины задвинутый в нишу — прятался туда при каждом визите горничной или официанта и не слезал потом добрых полчаса — мало ли что, место-то незнакомое!

Значит, у них в номере и правда был кто-то чужой! Глэдис метнулась к клетке и запустила руку под матрасик. Там было пусто! Вынула матрасик, вытряхнула его — на пол упала клипса, которую она искала уже третий день, и две шариковые ручки. Больше ничего!

«Может, перепрятала и забыла?!» — подумала она, бросаясь к чемодану.

Обыск дал ужасный результат: помады не было и там! То есть не только этой, злополучной — а вообще никакой! Ни той, которую она позавчера купила в универмаге, ни

той, которую привезла с собой — ни даже позолоченного футлярчика, который Глэдис год назад тайком утащила у мамы! Ничего!

Все украли! И разломают! Почему-то именно эта мысль показалась ей особенно ужасной — на глаза сразу напоззли слезы. Она медленно выпрямилась, испуганно глядя на Лэнгфорда.

— Украли...

— Что украли? — некстати ввязался Джек.

— Помаду... Всю... И ту, которую я в том номере... Я тебе не сказала... Я нечаянно перепутала-ала!.. — всхлипнула Глэдис. — И теперь ее разлома-ают... И всю остальную тоже... — и, вспомнив то, что ей сегодня сказали, пожаловалась: — И он у меня тоже помаду укра-ал! И пи... пи... — она захлебнулась, пытаясь произнести слово «пистолет», и заплакала уже навзрыд.

Последующие часа два неустрашимый агент Дизайнер провела в слезах, свернувшись клубочком и укрывшись с головой одеялом. К груди она судорожно прижимала последнюю оставшуюся у нее помаду — ту самую, которую вернул ей Лэнгфорд.

Джек, увидев, что все попытки утешить жену вызывают только новые потоки слез, сопровождаемые невнятным всхлипыванием по поводу того, что она его обманула — и быстро поняв, что покаяние относится к подмененной за его спиной помаде, а не к чему-то более серьезному и задевающему семейную честь, решил оставить Глэдис в покое и пока что подготовиться к переезду. Прежде всего он стащил со шкафа и запер в клетку Панча, а затем спокойно начал укладывать заново вытряхнутые во время тщетных поисков помады чемоданы.

С переездом, правда, возникли некоторые сложности: Глэдис категорически отказывалась выйти из номера, не приведя себя предварительно в порядок. Любая же попытка использовать косметику неизменно вызывала у нее непрошенные ассоциации, порождавшие новые потоки слез.

В конце концов Джек принял радикальные меры: запихнул жену под горячий душ, вытер, накрутил на нее банный халат и полотенце на голову — обессилев от слез, она не могла даже толком сопротивляться — и в таком виде повел на двенадцатый этаж.

В номере оказалось полно народа, но у Глэдис не было сил даже рассердиться на предателя-мужа, показывающего ее людям в халате и с ненакрашенным лицом. Хочет позориться — пусть позорится! Ни слова не говоря, она с достоинством удалилась в спальню и снова заползла с головой под одеяло.

Джек, естественно, остался в гостиной — нет, чтобы несчастную жену утешить! Оттуда доносились невнятные звуки, даже смех — небось, похабные анекдоты травят, чего еще от них можно ожидать!

Под эти звуки она постепенно задремала, уже в полусне придя к выводу, что мама была права: мужчины — существа, стоящие на куда более низкой ступени эмоционального и нравственного развития, а посему ждать от них сочувствия и понимания бесполезно.

На самом деле никаких анекдотов в гостиной не рассказывали. Лэнгфорд, сопоставив все обстоятельства, пришел к не слишком приятному умозаключению: похоже, что помада, которую миссис Четтерсон случайно прихватила в номере Веллера, и является ключом ко всему делу!

Ведь если допустить, что именно в ней содержатся сведения, за которые неизвестный покупатель готов был вывалить полмиллиона долларов — тогда все становится на место! И

повышенный интерес Раймека к миссис Четтерсон, и неудавшаяся попытка обольщения и похищения, и даже растерзанные помады — все это блестяще вписывается в картину!

А значит, теперь эти сведения в руках у преступника и все, что ему остается — это благополучно выбраться с острова! Возможно, он попытается уехать первым же катером...

— Первый катер пойдет часов в шесть... — произнес Лэнгфорд, ни к кому конкретно не обращаясь. Он был давно уже не рад, что в недобрый час (по рекомендации Симпсона — вот кто будет в случае чего во всем виноват!) решил положиться на столь расхваливаемую фэбээровцем миссис Четтерсон.

— Через пару часов она будет в норме, — отмахнулся Джек. Ему не слишком нравилась вся эта история, но не поддержать честь жены он не мог. — Если появится тот самый тип — она его заметит, не беспокойтесь, глаз у нее надежный!

— Я тоже в первый раз не верил и переживал! — вмешался Симпсон, не подозревая, что именно его готовят на роль козла отпущения.

— Ну хорошо, когда, по вашему мнению, она придет в норму, позвоните — я пришлю визажиста, — с этими словами Лэнгфорд удалился, про себя подумав — а не является ли нормой именно нынешнее состояние Глэдис Четтерсон?...

Проснувшись, Глэдис поняла, что плакать ей больше не хочется. Напротив, она была переполнена яростью и желанием отомстить преступнику. И дело было вовсе не в двух совершенных им убийствах. Противного склочного старика Веллера она вообще не знала, а мерзавец Тимоти, укравший у нее помаду, пытавшийся напоить ее всякой гадостью и нагло выдававший пистолет за безобидную зажигалку, вообще заслуживал своей участи!

Но злодейское похищение помады — такого Глэдис не могла простить никому! — тем более что, сидя под домашним арестом, она не имела возможности даже сбегать в универмаг и восстановить утерянные запасы!

Впрочем, ярость ее была обращена не только на неизвестного брюнета с пронзительными глазами. Ведь если бы Джек не стал подмигивать той противной старухе с сигаретой, да еще нагло врать, что он, видите ли, «смотрит на звезды» — так ничего бы этого не было!

А Лэнгфорд — тоже хорош! Ведь это его преступник похитил у нее помаду — а он даже не извинился! И уж конечно, ему и в голову не пришло предложить ей новую помаду взамен утерянной!

«Неохваченным» остался только Симпсон — Глэдис никак не удавалось придумать, в чем же виноват он — кроме, естественно, принадлежности к мужскому полу.

В результате в гостиную она выкатилась в самом воинственном настроении, готовая высказать первому встречному — хоть маньяку, хоть собственному мужу — все, что она о них думает.

Джек и правда был там — сидел, пристроив на коленях Панча и уставившись в телевизор. Они смотрели мультфильмы!

Увидев ее, оба обрадовались — один заулыбался, а второй потянулся и привстал на задние лапы, всем своим видом показывая, что его срочно нужно взять на ручки. От такого трогательного зрелища сердце Глэдис несколько смягчилось.

— Там визажист ждет... или ты хочешь сначала пообедать? — поинтересовался Джек.

Желание высказать мужу в лицо все, что она о нем думает, начало утихать — и тут он окончательно добил ее, вытащив откуда-то цветной пакетик.

— Вот... это я тебе в киоске внизу купил...

Это была новая помада — в перламутровом футлярчике с орхидеей...

Правда, всего два тюбика (похищено было двадцать два), и цвета не самого лучшего — но все равно... Все равно — поняла Глэдис — у нее лучший в мире муж! А она его не ценит и обижает! И даже не помазала с утра йогуртом! И пошла вчера на свидание с Тимоти, оставив его, больного и одинокого! И зря сейчас сердилась на него!

От этих мыслей слезы снова сами потекли из глаз.

— Гы чего, ты чего... не надо! — заволновался Джек, не ожидавший подобной реакции. — Не вздумай снова реветь! Что, цвет не тот?!

— Ты у меня самый лучший! — завопила она, бросаясь ему на шею. — Я больше никогда на тебя сердиться не буду! И... и... и каждый день буду йогуртом мазать! — больше Глэдис ничего придумать с ходу не могла.

Все ссоры и обиды были забыты — она решила даже пренебречь подлым враньем по поводу драной кошки с сигаретой.

Тем более что он все-таки сознался и покаялся, и объяснил, что это было давным-давно...

Новый номер Глэдис не понравился. Во-первых, он оказался меньше («их» номер был полулюксом!). Во-вторых, обивка мебели была не эстетично-голубого, а поросычье-розового цвета, при виде которого вся тонкая художественная натура Глэдис содрогалась от омерзения. И кроме того — вид! Окно (кстати, тоже меньше размером!) выходило не на море с яхточками и романтическим закатом, а на дурацкий теннисный корт и бассейн, с которым у Глэдис были связаны неприятные воспоминания.

Но когда она высказала Джеку свои претензии, он лениво отмахнулся.

— Это же всего на несколько дней! Как только эта история закончится, мы переберемся обратно — я договорился с Лэнгфордом, что тот номер на тринадцатом этаже пока останется за нами!

На этот раз Глэдис даже не обиделась — только вздохнула: мужчина есть мужчина!

В присутствии визажиста Джек повел себя крайне неприлично. Ну кто же мог знать, что он (то есть визажист) окажется мужчиной! И вообще — что тут такого?! Известно же, что самые лучшие парикмахеры (а также повара и модельеры) — всегда мужчины!

Но нет — стоило симпатичному смуглому молодому человеку с большой сумкой появиться на пороге и сообщить, что он пришел «поработать» с миссис Четтерсон, как Джек для начала сделал такой жест, словно собирается захлопнуть прямо у него перед носом дверь. И это только для начала!

Вынужденный все-таки — дело есть дело — впустить визажиста в номер, этот ревнивец не нашел ничего лучшего, чем припереться в ванную, где должен был происходить весь процесс, и усесться с мрачным видом в углу.

Он что — не понимает, что настоящий художник не может работать при свидетелях?!

А когда визажист посмел деликатно заметить, что в ванной «не повернуться», кто, как не Джек, ехидно ослабившись, сделал вид, что не понимает намека?!

Глэдис прекрасно знала, что чуткости и деликатности от ее мужа ждать сейчас напрасно, а прямая просьба выйти будет проигнорирована и только вызовет новый приступ бессмысленной ревности. Поэтому она решила не обращать на него внимания и стала покорно выполнять все указания визажиста:

— Закройте глазки, а то щипать будет! Головку влево... головку вправо... вот так...

При этом его руки, легко и деликатно прикасаясь, порхали над ее лицом и делали что-

то с волосами. Продолжалось это довольно долго. Глэдис было страшно интересно, что получится, но Лео (так звали визажиста) посадил ее спиной к зеркалу и не разрешал крутиться и подсматривать!

Джек постепенно перестал выглядеть как ошетилившийся пес и тоже стал поглядывать на происходящее с легким интересом.

— Ну вот... личико готово — уже можно смотреть! — неожиданно заявил Лео, разматывая накиннутую на плечи Глэдис клеенку.

Она обернулась — и обомлела. В таком виде ее действительно не узнала бы даже мама — Лео сделал из нее афроамериканку!

В зеркале отражалась кожа цвета молочного шоколада, яркие красно-золотые клипсы в ушах, губы, накрашенные как-то так, что казались больше и полнее — и волосы, темным облачком в стиле «афро» окружавшие лицо...

В первый момент Глэдис пришла в ужас и готова была завопить от возмущения. Она уже набрала воздуха... и тут заметила мелькнувшее в зеркале лицо Джека...

Вопль замер в горле, не успев вырваться наружу — что-то в его взгляде вдруг напомнило ей первые дни их знакомства...

Как сказала ей когда-то Дорис, в доме которой она с ним впервые встретилась:

— Берегись, этот тип на каждую мало-мальски привлекательную юбку стойку делает!

Так вот, сейчас Джек именно сделал на нее стойку — словно забыв, что это его собственная жена, с которой они вместе уже почти три года! Значит... похоже, она выглядит не так уж и плохо!

— Разденьтесь пожалуйста, — попросил Лео, — сейчас я покрашу вам все остальное! — с этими словами он достал из сумки большую пластиковую бутылку с чем-то темным. Да, в самом деле — от шеи вниз она все еще белая!

Глэдис уже начала снимать халат, но Джек неожиданно снова повел себя неприлично — выхватив из рук Лео бутылку, он злобно заявил, что свою жену может намазать и сам!

— Да-да, конечно, — забормотал бедный обескураженный визажист. — Только следите, чтобы в глаза не попало... а то этот состав очень щиплется... Он на спирту, с запахом мускуса и сандала, так что духи уже не нужны... А вокруг глаз вот этим мажьте, который не щиплется... — достал он из сумки еще одну бутылочку, поменьше.

— Ясно, ясно! — нетерпеливо перебил Джек.

— Мазать нужно ватным тампончиком...

— Тампончиком, тампончиком!.. — на белобрысой физиономии появилась плотоядная улыбка.

Глэдис почувствовала себя неудобно — ну неужели ни о чем, кроме этого, ее муж думать не способен?! Извращенец!

— ... И подновлять после ванны...

— Обязательно! Всенепременно! Каждый раз! Ну, чего там у тебя еще? Давай побыстрому!

Бедный Лео счел за благо не спорить — быстренько достал из сумки аксессуары, необходимые для маскировки Джека: патлатый парик неприглядного вида, безвкусную и аляповатую гавайскую рубашку и темные очки в пол-лица — и поспешил распрощаться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Первый катер пошел в шесть часов — к этому времени Глэдис была уже замаскирована с ног до головы. Джек помазал даже те части тела, которые она никак не предполагала демонстрировать посторонним людям.

Работа оказалась несложной — стоять на пристани перед турникетом и отрывать половинки от билетов. Народу было человек сто, и все торопились — так что под конец Глэдис, войдя в роль, даже начала покрикивать:

— Не напирайте, не напирайте! Всем места хватит! Пока последний не сядет, катер с места не тронется!

К сожалению, зловещего брюнета среди пассажиров не оказалось, так что не было повода применить выданную Лэнгфордом штучку с кнопкой, замаскированную под яркий красно-золотой кулон на шнурочке, очень подходивший к ее новому облику.

Поэтому, когда катер отошел, она была несколько разочарована. Встретивший ее в помещении кассы Лэнгфорд, напротив, остался вполне доволен:

— Миссис Четтерсон, вы прекрасно справились с ролью! Честно говоря, не ожидал!

Интересно, а чего он ожидал? — несколько обиделась Глэдис, но решила не показывать обиды и невинным голосом спросила:

— Ну... раз у меня так хорошо получается — может, мне имеет смысл погулять по острову... сходить в ресторан... в магазин — вдруг я где-то его случайно встречу?!

— А ну марш домой! — вмешался Джек. — Нечего шляться!

— Да нет, ваша жена предложила неплохую идею, — очевидно из чувства противоречия возразил Лэнгфорд. — Впрочем, вас это никак не заденет — в ресторан она, естественно, пойдет с нашим сотрудником, обученным действовать в подобной ситуации. Да вот... думаю, и мистер Симпсон не откажется!

— Разумеется, — просиял Симпсон, представив себе гору абсолютно недietetической жареной картошки и пиво без ограничения.

Джек бросил на него взгляд, в котором ясно читалось: «И ты, Брут?!»

В ресторан он, естественно, тоже приперся — без всякой маскировки, в натурально-блондинистом виде, заявив, что от одного вида этого парика его тошнит. Впрочем, тут Глэдис была согласна — неряшливый парик и аляповатая рубашка делали из предмета ее гордости — привлекательного и одетого с иголки мужа — нечто просто позорное. Она лично на такого зачуханного типа второй раз бы и не взглянула.

Уселся Джек за два столика от них с Симпсоном, в углу — и то слава богу, по крайней мере не сможет прислушиваться к их разговорам и вставлять хамские реплики!

Правда, ни о чем таком особенном они и не разговаривали. Глэдис болтала на отвлеченные темы: о Панче, о новом большом заказе, который ждал ее в сентябре, и снова о Панче, и о фабрике на соседнем острове, где делают браслеты и шкатулки — одновременно обдумывая, под каким предлогом попытаться уговорить Симпсона сводить ее в универмаг.

Ей страшно хотелось добраться до косметического отдела и восстановить, наконец, запас помады. Кроме того, к ее новому облику не мешало бы купить новое платье — белое, свободного покроя (Глэдис всегда считала, что белое ее чересчур бледнит, но к темной коже должно пойти!)

Симпсон оказался идеальным собеседником — он не перебивал ее и не отпускал ехидных замечаний. Наоборот — в нужных местах кивал, делал удивленные глаза и мычал (разговаривать с набитым ртом он считал неприличным — вот что значит джентльмен!).

Они уже добрались до десерта, как вдруг произошло непредвиденное! В очередной раз

покосившись на Джека, к которому она нарочно села спиной, чтобы не видеть его мрачной физиономии, Глэдис внезапно увидела, что он уже не один! За его столиком сидела та самая тощая стриженная особа, из-за которой они уже один раз поссорились, и из-за этого она прямоком угодила в чужой номер с помадой! Та самая, про которую он утверждал, что все было «давным-давно» — а Глэдис поверила и простила!

А теперь эта нахалка сидела за столиком ее мужа как у себя дома и хрипло ворковала что-то! Что именно, услышать не удалось — до Глэдис донесся только обрывок фразы: «...в прошлом году...»

В прошлом году?! Не «давным-давно», а в прошлом году?! Они же к тому времени уже были женаты! Ну и что, что Глэдис тогда ушла от него и собиралась разводиться?! Мерзавец! Какое он имел право?!

Наверное, Симпсон прочел что-то на ее лице. Судорожно проглотив не дожеванное, он быстро спросил:

— Что, преступник? Где?!

— Да при чем тут это?! — отмахнулась Глэдис, к тому времени начисто забыв об основной цели своего визита в ресторан.

Но тут же вспомнила, что истинная леди не выносит свои семейные проблемы на люди, и изысканно-светским голосом пояснила:

— Что-то мне висок кольнуло... мигрень...

Мигрень относилась к тем заболеваниям, о которых леди имела право упоминать в присутствии джентльмена — в отличие от, скажем, поноса. Кроме того, в таких случаях мужчины, считая мигрень таинственным и непонятным заболеванием, присущим исключительно слабому полу, не лезли с дурацкими советами по лечению («милочка, вам нужно выпить виски, в котором купали ржавый гвоздик — и все как рукой снимет!») и прочими разговорами.

А Глэдис сейчас было не до болтовни. С томным видом откинувшись на спинку стула, она лихорадочно прикидывала, что лучше: попытаться, сидя так, все же и услышать, о чем это они там разговаривают — или попросить Симпсона, под предлогом духоты (или сквозняка, все равно) поменяться с ней местами, чтобы видеть всю картину?

Судьба решила за нее. Через несколько секунд раздался звук отодвигаемого стула и наглая змееподобная особа проследовала мимо их столика с крайне недовольным видом — это было заметно даже по походке. Глэдис обрадовалась и незаметно оглянулась на Джека — он тоже сидел с кисло-недовольной мордой. То-то же! Ничего, дома она ему еще покажет «давным-давно»!

Подумав так, она решила пока что заняться более насущными проблемами:

— Мистер Симпсон, тут этажом ниже есть один магазинчик... мы не могли бы после ужина заскочить туда — всего на минутку?!

Симпсон, не задумываясь, согласился. По его мнению, Глэдис была просто ангелом: она не считала калории, ни разу не упомянула ненавистное слово «диета», не удивлялась вслух, зачем он заказал уже третью порцию пирога (ясно же, что для того чтобы съесть!!!) и не требовала членораздельных ответов на свою болтовню — достаточно было, прислушиваясь вполуха, иногда кивать.

Минуточка вылилась в добрый час, проведенный на редкость плодотворно. Глэдис перемеряла дюжину нарядов, остановилась на двух — белом балахоне с геометрическим узором и алом коротком платье в обтяжку с вырезом. Потом купила помаду — опять все

цвета, какие были, и снова по два экземпляра (увы! — на этот раз получилось только шестнадцать тюбиков).

А знакомая продавщица в косметическом отделе ее не узнала! Вот здорово! Глэдис все равно хотела поболтать с ней — авось удастся узнать что-нибудь новое! — но вовремя вспомнила, что не стоит оставлять мужа надолго одного. Тем более когда к нему так и норовят примазаться всякие алчные бабенки! А вдруг эта мерзавка, воспользовавшись отсутствием законной жены, пытается просочиться в их номер?!

В номере никого постороннего не обнаружилось. Глэдис даже слегка огорчилась — всю дорогу она готовила гневную тираду, обличавшую подлых бесстыдниц, покушающихся на чужих мужей!

За неимением никого другого пришлось ограничиться Джеком. Несколько минут Глэдис хранила зловещное молчание, развешивая в шкафу покупки, но не предлагая ему, как обычно, полюбоваться на них. В зеркало она с удовольствием наблюдала, как он косится на нее, пытаясь понять, что же это значит — и лишь после этого пошла в атаку, позвав елейным тоном:

— Дже-ек!

— Да, милая?! — откликнулся он, не подозревая подвоха.

— К тебе опять эта мерзкая баба приставала?

— Да это она так... просто поздороваться подошла, — решил не усугублять свою вину отрицанием очевидного Джек.

— А что она там говорила про «год назад»? — в интонации Глэдис послышались отголоски приближающегося шторма.

Джек не ожидал, что она с такого расстояния сумеет различить компрометирующую фразу, и несколько замешкался с ответом. Этого было достаточно — буря грянула.

Потрясая кулаками, Глэдис металась по номеру, как тигрица в клетке, и изобличала подлого нарушителя семейных устоев:

— Как ты мог! — кричала она. — Как ты мог! Я сидела у мамы и ждала, что ты приедешь и попросишь прощения, а ты вместо этого!.. Да еще с такой мерзкой старухой! А я-то ночей не спала!

Ее собственные мимолетные романы с Рони Тальботом и с еще одним киношником из Лос-Анжелеса значения не имели — если бы ее муж вел себя прилично, ничего этого просто бы не было!

— Но ты же сама от меня ушла! — попытался восстановить справедливость Джек. — И, вместо того, чтобы дать мне во всем разобраться, не пускала меня на порог и твердила о разводе! Да, признаю, я тогда снова начал встречаться с Ланой... и сюда тоже с ней ездил. И получается... получается, что я вообще ей изменял, а не тебе!

Эти слова оказались фатальной ошибкой. Подвыдохшаяся было Глэдис обрела новые силы — и новую тему: развратника, который изменяет законной жене сразу с двумя бесстыдными мерзавками!

А у нее потом из-за этого последняя помада пропадает!

Разговор закончился на высокой ноте — истошном вопле Панча, которому Глэдис, удаляясь в спальню, нечаянно наступила на хвост. «Нечего было под ноги подворачиваться!» — мстительно подумала она, заглушив в себе инстинктивное желание утешить страдальца — кот тоже относился к недостойному сочувствия мужскому полу!

Спокойно сидя на диване, Джек с легким интересом наблюдал, как через минуту из

спальни вылетела подушка — знак того, что в супружеском ложе ему на сегодня отказано. Священного трепета при этой мысли он не испытал — обычно подобные санкции продолжались максимум до утра, после чего начинался процесс примирения.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Утро показало, однако, что примирением и не пахнет — завтрак Глэдис заказала только себе и демонстративно кормила Панча беконом со своей тарелки (Джек всегда возражал против этого). Предложение «подновить ей краску» было встречено презрительным молчанием.

Весь день Джек, скрежеща зубами, наблюдал, как его жена у него на глазах кокетничает и флиртует с кем попало: с пассажирами катера, с курортниками на пристани, с сотрудниками АНБ — даже с Лэнгфордом и Симпсоном.

К вечеру, услышав, как они с Симпсоном договариваются о новом совместном посещении ресторана, он понял, что придется пойти на крайние меры!

Проверяя билеты пассажиров последнего на сегодня катера, Глэдис украдкой бросила взгляд на скамейку, где с утра маячила ревниво-недовольная морда Джека, и с некоторым удивлением обнаружила, что там никого нет!

Куда это он делся, интересно?! Сам с пеной у рта твердил Лэнгфорду, что ни на шаг не намерен отходить от жены — а теперь удрал! Любящий муж, называется! И это вместо того, чтобы немедленно, прямо тут, на пристани, каяться, замаливать грехи и осыпать ее букетами роз!

А интересно, куда он все-таки пошел?...

Ответ на этот вопрос Глэдис узнала, вернувшись в номер — ее предатель-муж был там! И не просто был, а прихорашивался — из ванной доносилось жужжание электробритвы, а на диване был разложен его блейзер из натурального льна и бледно-голубая рубашка.

Она все еще ошарашенно взирала на беспорядок, когда Джек, в одних трусах, выкатился из ванны.

— Это что такое? — немедленно поинтересовалась Глэдис, нарушив этим установленный ею с утра мораторий на разговоры.

— Это? — Джек проследил за ее взглядом и невозмутимо пояснил: — Пиджак.

— И куда это ты намыливаешься? — не выдержала она.

— Тебя это совершенно не касается, — ответствовал наглый негодяй. — Идешь себе с Симпсоном в ресторан — и иди! Лучше скажи, раз уж ты снова со мной разговариваешь — эта рубашка как, к пиджаку идет, или лучше потемнее взять?

— Я — с тобой — не разговариваю! — отчеканила Глэдис. — И разговаривать не собираюсь! — с этими словами она отступила в ванну, демонстративно щелкнув задвижкой — пусть даже не пытается войти!

Увы! Ни шагов, ни дыхания за дверью слышно не было — она специально прислушивалась и даже не сразу пустила воду. Что же все-таки происходит?

Так и не придя ни к какому выводу, Глэдис решила — до выяснения всех обстоятельств — установить с мужем некоторое подобие перемирия. Она, конечно, его не простила, но разговаривать с ним, так и быть, будет. Тем более что ей есть о чем его спросить!

Поводом для перемирия должно было послужить подновление краски на ее теле — дело есть дело! Но, когда Глэдис, небрежно помахивая бутылкой с зельем, вышла из ванной в провокативно запахнутом халатике, она увидела, что в номере никого нет...

Она быстро оглянулась — не было ни блейзера, ни рубашки. Ни пижонских мокасин из крокодиловой кожи, как убедилась Глэдис, сунувшись в шкаф (слава богу, вещи мужа она

знала наперечет!) — ни светлых джинсов.

Первой мыслью было — догнать и проследить, куда это он пошел в таком виде! И к кому?! Уж не к той ли самой тощей стриженной мерзавке, которая вчера так бесстыдно липла к нему на глазах у людей?!

Но как догнать?! Он, небось уже минут пять как ушел — а она до сих пор в халате и с облезлой краской!

Лихорадочно мечась по номеру, Глэдис попыталась найти неизвестно куда задевавшиеся — наверняка работа Джека! — ватные тампоны, не нашла и решила пожертвовать гостиничным полотенцем. Намочила край, изведя чуть ли не треть бутылки состава, и стала быстро, на ощупь мазаться со всех сторон, пытаясь одновременно вспомнить — куда она сунула навязанный Лэнгфордом кулон с секретом?

В конце концов, не найдя кулона, она решила плюнуть на него — все равно к новому красному платью с вырезом он не слишком идет — и надела вместо него перламутровые бусы. На темной коже они смотрелись просто великолепно, но Глэдис было не до того, чтобы любоваться собой — негодяй уходил все дальше!

Не обращая внимания на волочащийся сзади ремешок от незастегнутой босоножки, она выскочила в коридор, чуть не упала, наступив на него — и была весьма удачно подхвачена появившимся кстати Симпсоном.

— О-о, миссис Четтерсон! Как вы прекрасно выглядите! — отпустил он дежурный комплимент. — А я как раз за вами!

Глэдис было сейчас не до комплиментов — она сразу поняла, что идея выследить Джека с треском провалилась. Симпсон ее теперь никуда не отпустит, даже если ему все объяснить (тем более если ему все объяснить — у них это называется «мужская солидарность»!).

Оставалось только одно — не говоря ни слова, отправиться в ресторан (держа ухо остро — авось подлый изменник случайно попадет на глаза!), а потом, уже на месте, отпроситься «попудрить носик». Симпсон не сразу спохватится, и у нее будет минут двадцать — за это время можно обежать чуть ли не пол-острова!

Всю дорогу до ресторана Глэдис судорожно озиралась, тщетно пытаясь нашарить глазами Джека — его нигде не было. Даже Симпсон заметил ее странное поведение и поспешил успокоить ее:

— Не беспокойтесь, миссис Четтерсон! Кроме меня, поблизости находятся еще два наших сотрудника — да и я сам кое-чего стою! — с этими словами он похлопал себя по внушительной выпуклости под пиджаком (имелось в виду не весьма разросшееся за последнее время брюшко — предмет беспокойства его жены — а спрятанный под полой пистолет).

«Значит, придется как-то незаметно улизнуть еще и от этих двоих!», — подумала Глэдис.

Делать этого ей не пришлось — стоило им с Симпсоном добраться до ресторана и разместиться за столиком, как фэбээровец неожиданно произнес:

— О-о, смотрите-ка — а ваш супруг уже здесь!

Глэдис обернулась и обмерла... За угловым столиком, как и вчера, сидел Джек — и не один!

Нет, он был не с той вчерашней стриженной особой — рядом с ним, интимно положив ему руку на запястье, нагло восседала сравнительно молодая щуплая брюнетка, похожая на

макаку в саронге. Да-да — на ней был точно такой же алый саронг с драконами, какой висел в шкафу у самой Глэдис!

Она зажмурилась и потрясла головой — непристойное зрелище от этого никуда не исчезло! Зато Джек, заметив, что жена смотрит на него, приподнял бокал и кивнул им с Симпсоном, словно каким-то случайным знакомым — после чего снова обратил свой взор на молоденькую нахалку, продолжавшую чирикать что-то невразумительно-писклявое.

— Миссис Четтерсон, садитесь, пожалуйста! — попытался привлечь ее внимание Симпсон, заметивший, что Глэдис, полуприсев и вывернув шею, застыла в этой неудобной позе.

Она машинально опустила в подставленное плетеное кресло и ошарашенно взглянула на фэбээровца.

— Кто это такая?!

В ее душе все еще теплилась робкая надежда, что это какая-то сотрудница Лэнгфорда, присланная для маскировки Джека.

Но Симпсон разрушил ее последнюю надежду, безмятежно сообщив:

— Понятия не имею! — бросил взгляд через ее плечо и добавил, не замечая, что ранит Глэдис в самое сердце: — Но идея хорошая — если мистер Четтерсон будет показываться на людях с какой-то другой женщиной, никто не заподозрит, что он имеет к вам отношение! Что вам заказать?

Она отмахнулась, бросив: — Все равно! — ей сейчас было не до того. Потом вспомнила о правилах поведения в обществе и попыталась любезно улыбнуться: — Что-нибудь... на ваш выбор...

И тут Симпсон снова посмотрел на Джека с девицей и расплылся в дурацкой улыбке.

— Смотрите-ка — а ведь она здорово похожа на вас! — неожиданно заявил он, нанеся Глэдис этим еще одно смертельное оскорбление.

Она похожа на эту макаку?! Да как у него язык повернулся?! Он что — ослеп?!

Глэдис как раз подыскивала уничижительный ответ, ставящий незадачливого фэбээровца, к которому она до сих пор питала некую слабость, на одну доску с прочими недостойными представителями мужского рода, когда услышала за спиной звон бокалов и голос собственного законного мужа, патетически возвестивший:

— За наше случайное знакомство!

Это стало последней каплей — больше она сдерживаться не могла! Кодекс поведения истинной леди был забыт, и Глэдис начала медленно приподниматься с места, готовая всей мощью своего праведного гнева обрушиться на воркующую за ее спиной парочку. Руки ее сами собой сжались в кулаки.

Быстро схватив ее за локоть, Симпсон прошипел:

— Миссис Четтерсон, сядьте, пожалуйста! — очевидно, даже он, при всей его толстокожести, понял, что сейчас Джеку несдобровать. — Не забудьте — мы на задании!

— К черту! — завопила она, пытаясь выдернуть руку. Своего защищает, гад!

— Вы замаскированы, и где-то поблизости преступник!

— Пустите! Я им не позволю!..

Со стороны это несколько напоминало семейную ссору и не могло остаться незамеченным — к ним начали оборачиваться любопытные лица.

Неизвестно, чем бы кончилось дело — с одной стороны к их столику уже спешил здоровенный чернокожий официант, с другой — пара почуявших неладное сотрудников АНБ

— если бы Глэдис, случайно бросив взгляд в сторону, не заметила вдруг направляющихся к выходу девицу и Джека!

Они уходят!!! Что делать?!

— Простите, мисс... — раздался над головой голос. — Этот человек вас... беспокоит?

— Что?... А... нет... — машинально ответила она, следя глазами за удаляющейся парочкой.

— Вы уверены, что вам не нужна помощь? — не отставал официант.

— Нет-нет, спасибо, — выдавила из себя улыбку Глэдис. И, неизвестно зачем, добавила:

— Это мой папочка!

Услышав это, бедный Симпсон побагровел и поперхнулся хлебной палочкой.

Официант смерил фэбээровца глазами, в которых ясно читалось разочарование — он был настроен проучить белого развратника, третирующего беззащитную черную девушку. А выяснилось, что она сама ступила на путь порока — и не стесняется в этом признаться!

Симпсон же, мужественно пережив известие о наличии у него взрослой чернокожей дочери, но опасаясь, что из-за какой-нибудь очередной выходки Глэдис не сможет нормально, со вкусом и без спешки поужинать, вспомнил кое-какие советы Джека и решил действовать по его методу, схватив за локоть уже собиравшегося удалиться, так и не взяв у них заказ, официанта.

— Немедленно принесите нам бутылку бренди, бутылку «Спрайта» и... бутылку вишневого ликера! — (мелочиться нужды не было — все расходы проходили по статье «деловой ужин») — И еще лед! А потом я сделаю остальной заказ.

Официант смерил его еще одним презрительным взглядом — оказывается, этот «папочка» еще и алкоголик!

— Миссис Четтерсон, сейчас я вам смешаю свой фирменный коктейль — и все ваше плохое настроение как рукой снимет! — с наигранной веселостью обратился фэбээровец к Глэдис.

К этому времени из состояния безрассудной ярости она перешла в следующую стадию — ступор с глубоким обдумыванием проблемы.

Как сейчас удрать? Симпсон не отпустит! Он же тоже не дурак! Да еще два аэнбэшника где-то поблизости крутятся! Значит, нужно пустить в ход заранее разработанный план — разрешенную отлучку «попудрить носик», но сделать это так тонко, чтобы никто ничего не заподозрил.

Она едва заметила подставленный ей под руку стакан, но подчиняясь доброму голосу Симпсона:

— Попробуйте, миссис Четтерсон, вам понравится! — отхлебнула.

Ей и правда понравилось — сладкое, холодненькое, пощипывает язык и внутри сразу разливается приятное тепло. Не зная коварного свойства подобной смеси — алкоголь, смешанный с газированным напитком, почти не ощущается на вкус, но проникает в кровь очень быстро — Глэдис допила стакан, похвалила выжидательно смотревшего на нее Симпсона:

— Прекрасно! Можно еще? — и, пока он колдовал над ее стаканом, начала реализацию своего коварного плана: — Мистер Симпсон, простите меня... я понимаю, что вела себя нехорошо... — в этом месте была подпущена умелая слеза, призванная вызвать в любом среднестатистическом мужчине старше тридцати лет прилив отеческих чувств. — Это все Джек и его постоянные истории с женщинами!.. Я уже не могу больше терпеть!.. — вторая

слеза не заставила себя ждать.

— Ну что вы... что вы... — Симпсон почувствовал себя неловко — как и большинство мужчин, он терпеть не мог женских слез. — Не волнуйтесь, миссис Четтерсон, выпейте еще коктейль — и все будет хорошо!

— Глэдис... называйте меня просто Глэдис... Мистер Симпсон...

— Меня зовут Лоренс... — неохотно отозвался фэбээровец.

— Лоренс... значит Ларри, да? Какое красивое имя! Можно я вас так буду называть? — Она отхлебнула коктейль и умоляюще уставилась на Симпсона мокрыми глазами. — Ларри, мне страшно неудобно сидеть с вами здесь в таком виде... Можно я пойду... в дамскую комнату и приведу себя в порядок? Приложу к глазам лед и посижу так несколько минут...

— Да-да, конечно... вас проводить? — мгновенно попался на удочку фэбээровец.

— Нет, ну что вы... — (Это могло разрушить все ее планы!) — Мне неудобно вас затруднять — тем более что нам уже еду несут...

Симпсон обернулся и действительно увидел продвигающегося в их сторону официанта с уставленным тарелками подносом. Борьба между служебным долгом и желанием наконец-то добраться до вожделенного ужина длилась недолго, и, утешив себя мыслью, что туалет находится всего этажом ниже и с миссис Четтерсон там ничего случиться не может, он кивнул.

— Хорошо... Глэдис. Приходите скорее, а то все остынет!

— Я постараюсь как можно быстрее! — совершенно искренне пообещала Глэдис.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Наконец-то она была свободна! Зажав для правдоподобия в руке бумажную салфетку с кусочками льда, Глэдис неторопливо прошествовала к лестнице, краем глаза заметив двух подозрительных мужчин, поспешно встающих из-за столика — ага, вот они, аэробэшники! — и только спустившись на один пролет, понеслась что есть духу.

Еще при первом посещении универмага она узнала, что в том же тупичке, где туалет, есть неприметная дверь, выходящая прямо на боковую лестницу. Теперь важно успеть добраться до нее раньше, чем ее преследователи завернут за угол и заметят это. А потом пусть хоть весь вечер дежурят у входа в тупичок и дожидаются, пока их подопечная выйдет из дамской комнаты!

Услышав сзади громкие топающие по лестнице шаги, Глэдис наддала, завернула за угол и скользнула в заветную дверь — спустилась на этаж и только тут перевела дух.

Теперь предстояло решить, что делать дальше — до сих пор она об этом не задумывалась. Но думать почему-то получалось плохо — мысли все время путались и перед глазами то и дело вставал оставленный на растерзание Симпсону бифштекс.

Внезапно Глэдис зверски захотелось есть и возникло сильнейшее искушение вернуться в ресторан.

Чтобы преодолеть эту минутную слабость, она представила себе на миг Джека в обнимку с тощей макакой — зрелище было омерзительное! — и приняла кардинальное решение — не думать, а действовать! И главное — быстрее, а то ее вот-вот начнут искать!

Выскочив на улицу, она огляделась — преступной парочки поблизости не наблюдалось. Куда они могли пойти? Ну не поволок же Джек эту мымру в их номер — это было бы слишком даже для него!

Нет, они спрячутся в каком-то тихом и безлюдном месте — там, где как можно меньше людей могут заметить их непристойное поведение. Например, на пляже... или в парке — вот туда и надо идти!'

На дорожке то и дело попадались какие-то камешки, так и норовившие подвернуться под каблуки. В конце концов Глэдис сняла босоножки и пошла дальше босиком, но лучше от этого не стало — теперь камешки кололи голые пятки.

Странно — еще пару дней назад, гуляя тут с Джеком, она ничего такого не замечала! Этот парк, одной стороной выходящий к пляжу, показался ей тогда маленьким и уютным. Везде были понатыканы удобные скамеечки, в воздухе разливался чудный аромат цветов, чирикали птицы и повсюду — куда ни глянь — виднелись орхидеи. Рай, да и только!

Но теперь Глэдис казалось, что она попала в глухой и дикий тропический лес, которому нет конца и края.

Деревья зловеще нависали над головой, из кустов высывались колючие ветки, а вокруг не было ни души. Лишь скамейки, фонари да доносившаяся непонятно откуда еле слышная музыка доказывали, что где-то есть еще цивилизованный мир...

Войдя в парк, она свернула на первую попавшуюся аллею... потом еще куда-то — и с тех пор уже битых полчаса бродила по дорожкам, пытаюсь найти выход из этого лабиринта. На заманившего ее сюда предателя-мужа Глэдис давно махнула рукой — единственное, о чем она сейчас мечтала, это как можно быстрее добраться до гостиницы. Жутко хотелось спать, и — наверное, от усталости и душевных переживаний — в глазах все расплывалось, а

ноги подкашивались и не желали слушаться.

Правда, будь рядом Симпсон, он наверняка предположил бы, что причина столь плачевного состояния Глэдис кроется не в переживаниях, а в паре выпитых ею натошак весьма крепких коктейлей. Но что взять с бестактного мужчины, не понимающего всей хрупкости чувствительной женской природы!

Глэдис шла и шла, и шла — а выхода все не было. Порой ей казалось, что здесь она уже проходила и уже не раз видела и этот фонарь, и это кривое дерево, и эту скамейку...

Ее подозрения подтвердились самым страшным образом. Заметив впереди на дорожке какой-то странный предмет, Глэдис подошла, нагнулась — перед ней лежала одинокая босоножка. Более того — о ужас! — ее собственная левая босоножка!!! На ремешке даже был заметен след от зубов Панча!

Как это может быть?! Откуда?!!!

Значит, она здесь действительно уже проходила, поняла Глэдис. И выхода впереди нет... И она теперь вечно обречена бродить по этим темным дорожкам, голодная и одинокая, пока не замерзнет... или не умрет от голода и жажды...

Каким образом можно замерзнуть на острове, где температура едва ли когда-нибудь опускалась ниже 65 градусов⁷, Глэдис не задумывалась. Следующий ее поступок был жестом отчаяния — вскочив на скамейку, она что есть силы заорала:

— Лю-уди! Помоги-ите! Спаси-ите! Я ту-ут! Ау-у! Лю-уди!!! Спаси-ите!!! Ну кто-нибудь!

Постояла, прислушиваясь — казалось, после ее воплей в парке стало еще тише, даже пищавшая где-то наверху ночная птица — и та умолкла. Уже ни во что не веря, Глэдис все-таки еще раз крикнула:

— Люди! — снова прислушалась — нет, все тихо... — и собралась было слезать со скамейки, как вдруг откуда-то справа донесся слабый звук. Она повернулась — да, в кустах у поворота дорожки явно ворочалось что-то тяжелое!

Воспрянув духом, Глэдис соскочила со скамейки, бросилась в ту сторону, но остановилась, не успев пробежать и нескольких шагов. Ее посетила ужасная мысль — а может, это медведь?! Ведь на Гавайях водятся медведи — она сама видела в каком-то японском фильме! И сейчас он набросится на нее!

Она даже попятилась было назад, но раздавшееся в этот момент из кустов сдавленное ругательство со всей очевидностью дало Глэдис понять, что там находится человек — настоящий живой человек, несомненно, посланный ей самим Богом!

Божий посланец, нагнувшись, задом наперед вылез на дорожку, выпрямился и повернулся к ней.

Это оказался мужчина в темно-синем спортивном костюме с капюшоном, натянутым чуть ли не до самых сердито сдвинутых бровей, сжимавший в руке синюю спортивную сумку с полосками.

Первое слово, которое он произнес при виде Глэдис, стоявшей перед ним с прижатыми к груди босоножками и восторгом, написанным на лице, ангелу никак уж не приличествовало:

— Чер-ртова кукла!

Физиономия его вдруг показалась Глэдис знакомой — очень знакомой! — и она лихорадочно попыталась вспомнить, где они встречались. Может, в отеле? Или это какой-то приятель Джека?

— Э-э... — начала она, не зная, как к нему обратиться, но мужчина, оглядевшись по сторонам, не дал ей продолжить:

— Это ты орала «Помогите!», что ли?

Глэдис радостно закивала.

— А чего орала-то — тут же никого нет?!

— Я заб... заблудилась! Выход!!! — попыталась объяснить Глэдис — язык почему-то тоже плохо слушался.

— Ты что — пьяная?! Вон же указатель, — ткнул он пальцем куда-то в сторону. — Или ты читать не умеешь?

Глэдис оторопело уставилась в указанном направлении — там действительно виднелась стрелка с надписью «Выход — 100».

Но ведь она здесь уже проходила! И никакого выхода впереди нет! И этого указателя тоже в прошлый раз не было!

Обернувшись к мужчине, чтобы высказать ему все это, Глэдис увидела только его удаляющуюся спину — воспользовавшись ее замешательством, он забросил сумку на плечо, развернулся и быстро пошел по дорожке в ту сторону, куда указывала стрелка.

— Подождите! — завопила она, устремляясь за ним. — Я так быстро не могу! У меня пятки! Я заблужусь!

Мужчина, не оборачиваясь, прибавил ходу и побежал рысцой, как заправский любитель джоггинга.

— Ну подождите же! — размахивая над головой босоножками, крикнула Глэдис, тоже переходя на бег. — Я домой хочу!

Их разделяло всего ярдов пятнадцать, когда вдруг раздался громкий топот, и через секунду из боковой аллейки выскочили двое здоровенных мужиков, которые, ни слова ни говоря, схватили ее с обеих сторон и куда-то потащили!

Глэдис дико завизжала от ужаса, отлягиваясь босыми пятками и пытаясь вывернуться из сжимавших ее рук:

— Пустите! Негодяи! Вы что?! Не хочу! Помоги-ите!!!

— Успокойтесь, миссис Четтерсон! — внезапно раздалось над ухом.

Она резко вскинула голову и поняла, что ее держат те самые два типа, от которых она удрала в ресторане!

— Миссис Четтерсон, пойдете с нами! — сказал один из аэнбэшников. — Мы вас по всему острову ищем!

За спиной его она заметила своего спасителя в спортивном костюме, который остановился и, обернувшись, с интересом смотрел на них, откинув капюшон. И в этот момент Глэдис наконец вспомнила, откуда она знает его. Это был тот самый брюнет, которого она видела на балконе номера 1256!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Встретившись с Глэдис глазами, он махнул ей рукой, развернулся и зашагал дальше по дорожке.

— Пойдемте, миссис Четтерсон, — повторил аэнбэшник уже настойчивее, видя, что она застыла на месте, приоткрыв рот и уставившись непонятно куда.

— Э! — ответствовала Глэдис, тыча пальцем вслед удаляющейся спине брюнета. От волнения, как это порой случалось, она забыла все нужные слова.

Еще мгновение — и, свернув в сторону, человек в спортивном костюме скрылся за поворотом!

— Вы что?! — возмущенным шепотом заорала Глэдис, к которой, наконец, вернулся дар речи. — Это же он! Тот! Тот самый!

— Кто? — не понял аэнбэшник и, оглянувшись, обозрел пустую дорожку.

— Он! Тот! Кучерявый!

Вырвавшись из рук своих церберов, Глэдис понеслась вслед брюнету, но, едва успев добежать до поворота, была настигнута и снова схвачена. Впрочем, она остановилась бы и сама...

Перед ней простиралась ярко освещенная набережная. Всюду, куда ни падал взгляд, виднелись люди: прогуливающиеся парочки, несколько подростков, прямо на парапете выплясывающие рэп, собачники со своими любимцами, которых они целый день берегли от жары, а сейчас вывели подышать свежим воздухом — даже какой-то ребенок со скейтбордом.

Чуть дальше, на пляже, мелькали любители ночного купания, доносились веселые возгласы, смех... Не было только одного — брюнета в спортивном костюме!..

— Миссис Четтерсон, не привлекайте к себе внимания, — раздалось над ухом. — Пойдемте, наконец!

— Но кучерявый! Он же где-то тут!

— Да-да, конечно, кучерявый, — подтвердил аэнбэшник, увлекая ее за собой. И, бросив взгляд на двух тщательно завитых и наманикюренных пудельков, сопровождаемых пожилой дамой, добавил: — Да, это очень красивые кучерявенькие собачки, но нам сейчас некогда — мистер Лэнгфорд срочно хочет вас видеть.

Больше Глэдис не сопротивлялась — все равно ее никто не желал слушать — и покорно дала отвести себя в штаб-квартиру Лэнгфорда.

Еще подходя к двери, она услышала оттуда крик:

— ...если бы вы лучше смотрели за своей женой, а не флиртовали тут со всякими мармозетками⁸...

И ответное рычание Джека:

— Вы обещали мне ее охранять!

Слово «мармозетка» Глэдис понравилось — непонятно, что это такое, но, несомненно, что-то очень противное.

В этот момент ее втолкнули в комнату, полную народу, и первым, кого она заметила, был Джек. Он стоял напротив Лэнгфорда, набычившись и сжав кулаки, словно готовый ринуться в драку — но в каком виде!

Шикарный блейзер из натурального льна, светлые новые джинсы и рубашка были

залиты чем-то красным, что же касается галстука, то он вообще отсутствовал!

— Что с тобой?! — крикнула Глэдис, бросаясь к нему. — Ты ранен?!!!

— Вот она! — со вздохом сообщил один из приведших ее аэнбэшников. — В парке болталась! — и тут же наклеузил: — Сопротивлялась, брыкалась и не хотела идти!

Но Глэдис было не до этой подлой клеветы — ее муж, ее любимый муж истекал кровью! И никто — никто! — ему не помог!

— Тебе больно?! Обопрись на меня! — схватила она его за руку и гневно обернулась: — Где врач?!

— Успокойтесь, миссис Четтерсон, это не кровь, а шампанское, — сердито произнес раскрасневшийся Лэнгфорд. Уши его, и без того похожие на ручки кувшина, теперь и цветом напоминали обожженную глину.

Только тут Глэдис почувствовала, что от Джека и правда ощутимо пахнет спиртным.

— Как — шампанское?! Зачем?! Почему такое красное?!

— Я тебе потом объясню, — быстро сказал Джек. — С тобой все в порядке?

— Я пятки намяла! Там везде камни! И заблудилась! И есть хочу! Очень! И спать тоже! И... — начала перечислять Глэдис свои беды, но тут же была перебита хамским вопросом Лэнгфорда:

— Может быть, вы нам все-таки объясните, миссис Четтерсон, какого черта вы сбежали от охранявших вас людей и поперлись в одиночку в парк?!

— Но-но! Полегче! — попытался вмешаться Джек, считавший, что разговаривать с женой в таком тоне имеет право только он.

— ...и где ваш передатчик?! — не унимался аэнбэшник.

В стороне Глэдис заметила стоявшего с унылым видом Симпсона. Ей стало неудобно — наверное, ему из-за нее попало! Еще неудобнее ей было объяснять причину своего внезапного ухода из ресторана — ведь придется коснуться семейных проблем...

И тут ее осенило! Гордо выпрямившись, чтобы выглядеть повыше, она набрала воздуха и громко отчеканила:

— Я! Ловила! Преступника!!!

В комнате наступила тишина — все молча смотрели на нее, потом Лэнгфорд осторожно переспросил:

— Кого вы ловили, миссис Четтерсон?

— Преступника! Того самого! — (Он что, забыл уже, кого они ловят?!) — Ну, кучерявого, с балкона!

— Вы что, его видели?!

— Разумеется! — подтвердила Глэдис. — И если бы эти люди, — презрительно кивнула она в сторону оклеветавшего ее типа (вот, получай!), — мне не помешали, я бы его поймала!

Дальнейшее обсуждение — в связи с важностью происшедшего — требовало технической подготовки: все уселись за стол (Лэнгфорд, естественно, на председательское место), перед Глэдис поставили портативный магнитофон и, почувствовав себя в центре внимания, она вдохновенно принялась сочинять, мешая правду с выдумкой и с каждой минутой сама все больше и больше веря, что именно так оно и было:

— Я пошла ненадолго... в дамскую комнату. У меня глаз заболел, и мне Ларри... то есть мистер Симпсон разрешил. И тут, с лестницы, внизу я увидела его! — вспомнила, что надо выгородить бедного Симпсона, и добавила: — Мне некогда было никому говорить —

еще минута, и он бы ушел! И я спустилась и побежала за ним!..

— Минуточку, миссис Четтерсон — а где передатчик, выданный вам специально для этой цели? — вкрадчиво поинтересовался Лэнгфорд.

Это был единственный скользкий момент в ее рассказе — сознаваться, что она понятия не имеет, где кулон, Глэдис не хотелось, а придумать какое-нибудь правдоподобное объяснение ей так и не удалось.

— Я не подумала... — проямлила она. — Мне показалось, что к этому платью бусики лучше идут!

Услышав это, Лэнгфорд побагровел и грохнул кулаком по столу, пробормотав нечто, включавшее в себя слово «бусики» и явно не предназначенное для ушей леди (и для магнитофонной записи). После этого он взял себя в руки и спросил преувеличенно-спокойным тоном:

— Так... И что же было дальше?

— А дальше он пошел в парк — ну, и я за ним. А потом он куда-то пропал. А я заблудилась и не знала, где выход, и закричала: «Ау!» — и он ко мне из кустов прямо под ноги вылез!

— Как — под ноги вылез?!

Вопрос был скорее риторический, но Глэдис поняла его буквально и, вскочив со стула, пригнувшись, попятилась задом наперед.

— Вот так! — потеряв равновесие, она удачно плюхнулась на ноги Лэнгфорду, но была тут же приподнята и водружена на место мощной рукой Джека.

— И он... он вас заметил?!

— Разумеется! — гордо подтвердила Глэдис. — Мы с ним даже разговаривали!

— О чем?!

— Я спросила, не знает ли он, где тут выход, и он мне его показал. — (Непарламентское выражение «чертова кукла» — равно как и прочие оскорбительные реплики преступника в свой адрес она решила опустить). — А потом он пошел к выходу, и я побежала за ним — и тут эти ваши налетели и потащили сюда! Слова мне не дали сказать! Я им пыталась объяснить, а они не слушали! Ну, он и ушел...

Лэнгфорд перевел тяжелый взгляд на своих проштрафившихся сотрудников.

— Она по дорожке бежала, махала туфлями и орала чего-то невнятное. Вы же сами приказали — не обращать внимания на ее глупости и прямо тащить сюда! — не дожидаясь неприятных вопросов, начали оправдываться они.

Глэдис возмущенно вскинулась.

— Я ничего такого не говорил! — замотал головой Лэнгфорд, помня, что его слышит не только она, но (что куда хуже) магнитофон и сотрудник другого ведомства — Симпсон. Поэтому козлов отпущения придется сделать — увы! — из собственных сотрудников. Ничего, переживут! — Вы видели, что миссис Четтерсон гонится за преступником?!

— Ну... шел там, кажется, впереди какой-то мужик... — последовало неохотное подтверждение.

— И она вам сказала, что это преступник?!!

— Она орала: «Это он, тот, кучерявый!» А откуда нам знать, кого она имеет в виду! Вы же сами сказали...

— Я ничего не говорил! — загрохотал Лэнгфорд. — Преступник был уже у нас в руках — и именно вы упустили его! — Он выключил магнитофон и, выпрямившись, обвел

взглядом присутствующих. Так, свою задницу он прикрыл — теперь можно заняться и работой. — Вы все проявили безалаберность, некомпетентность и отсутствие профессионализма. И теперь, в связи с сегодняшним покушением на миссис Четтерсон...

— Каким покушением? — подскочила Глэдис. Неужели она пропустила все самое интересное?!

— Я тебе потом объясню! — снова сказал Джек.

— Вот-вот, объясните, пожалуйста, своей жене, чем вы занимались вместо того, чтобы охранять ее! — рявкнул Лэнгфорд, забыв, что Джек не является его подчиненным. — Что же касается вас, Симпсон...

Досталось всем:

Симпсону — за то, что он отпустил Глэдис одну в туалет. На его возмущенный вопрос: «Что же мне ее, до унитаза сопровождать?!» — проследовал уверенный ответ: «При необходимости — да!» Правда, слава богу, не были упомянуты «фирменные коктейли» — Лэнгфорд о них просто не знал.

Его собственным сотрудникам, охранявшим Глэдис — во-первых, за то, что они упустили ее около ресторана — «можно было шевелиться побыстрее!» А во-вторых, за то, что не выслушали ее в парке с должным вниманием — «и не говорите мне, что это я приказал — я никому не приказывал отпускать преступников!»

И Джеку — за то, что из-за его личных проблем не только нервничает жена, от которой так много сейчас зависит, но еще и страдают невинные люди!..

Не дав аэнбэшнику продолжить, Джек, лениво ухмыльнувшись, напомнил, что он здесь, в общем-то, сбоку припеку, никому не подчинен и никому ничем не обязан — а с собственной женой как-нибудь разберется и сам. Впрочем, замечание насчет невинных людей он принимает. И напоследок добавил:

— Кстати, если вы собираетесь «вставлять клизму» и моей жене — то не стоит!

— Это еще почему?! — обиделся Лэнгфорд. У него как раз имелось несколько ядовитых вопросов по поводу того, каким образом миссис Четтерсон собиралась в одиночку задержать вооруженного преступника — босоножкой оглушить, что ли? Не говоря уж о разгильдяйстве с передатчиком! «Бусики», понимаешь ли, ей больше идут!!!

— А она спит, — спокойно объяснил Джек, откинув полу залитого вином блейзера и продемонстрировав присутствующим приткнувшуюся у него подмышкой и уютно посапывающую Глэдис.

Возможно, именно это мирное зрелище настроило Лэнгфорда на другой лад, и совещание он закончил на мажорной ноте:

— А вообще, я доволен — сегодняшние события показали нам, что преступник все еще на острове...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Проснулась Глэдис рано, в ужасном состоянии — собственно, потому она и проснулась. Горели и ныли пятки, намятые вчера о камни, жутко болела голова, сосало под ложечкой — и при этом еще и тошнило!

Издав легкий стон, означавший: «Джек, ну сделай же что-нибудь!» — она повернула голову и увидела крепко спавшего рядом мужа — застонала громче и пихнула его локтем.

— Ну чего, проснулась уже? — лениво спросил он. В ответ Глэдис снова застонала и закрыла глаза. — Чего это с тобой?!

Заметил, слава богу! Пока до этого тюленя дойдет, тут и умереть можно! Да еще небось, ухмыляется — по голосу слышно! Впрочем, она даже не могла сердиться на него всерьез — ей было слишком плохо.

— Та-ак, ясно, — раздалось над головой. (Нет, чтобы вскочить и бежать что-то делать! И все ему всегда сразу ясно!) — Что больше всего болит?

— Ноги! И голова тоже! И тошнит! И есть хочется!.. — начала Глэдис свой скорбный список.

— Ясно! — перебил он. А ведь она еще не успела сказать, что хочет пить и во рту противно! — Ну ничего, через час ты у нас будешь как огурчик!

— А почему через час? — томным голосом поинтересовалась она.

— Потому что через час тебе выходить к первому катеру!

Что?! К катеру?! Да он свихнулся, если смеет предполагать, что больная, можно сказать, умирающая женщина вылезет из постели, чтобы проверять какие-то дурацкие билеты! Ни за что!!!

Как ни странно, уже через полчаса Глэдис почувствовала себя куда лучше. Все это время Джек, не обращая внимания на слабые стоны и сопротивление, делал с ней, что хотел.

Заставил выпить целую пригоршню таблеток, а потом стакан пива, про которое сказал: «Вот тебе самое лучшее лекарство!» Отнес в душ и помыл — сначала в горячей, а потом — о ужас! — в холодной воде. Намазал краской, а заодно помассировал ноги (это было даже приятно).

Так что к тому времени, как им принесли завтрак, лицезрение яичницы с беконом уже не вызвало у Глэдис нового приступа тошноты — наоборот, она ожила настолько, что вспомнила все вчерашние отговорки Джека — «Я тебе потом скажу» — и потребовала немедленного отчета:

— А на меня правда было покушение? И где ты ухитрился так изгваздать новый блейзер?!

Оказывается, чтобы помириться с Глэдис, Джек придумал хитроумный план: раз она отказывается смотреть на него и разговаривать с ним, нужно заставить ее ревновать — и таким образом обратить на себя ее внимание! Для этого он подговорил медсестру из соседнего отеля (ту самую макаку!) поужинать с ним, честно объяснив (по его утверждению...), что не ухаживает за ней, а только хочет разыграть жену.

Они с медсестрой немного посидели в ресторане и, когда Джек убедился, что Глэдис клюнула на этот розыгрыш, медленно пошли в сторону пляжа. Он надеялся, что жена последует за ними и устроит скандал — вот тут можно будет ей все объяснить и попытаться помириться.

Но вместо этого, стоило им расположиться на видном месте на пляже (кстати, недалеко от парка, где бродила Глэдис) и начать разливать по бокалам шампанское (к сожалению, красное...), как чья-то меткая пуля разбила бокал в руке макаки!

Выстрела они не услышали — наверное, стреляли с глушителем — а потому не сразу поняли, в чем дело, и преступник успел выстрелить снова, расколов второй пулей еще и бутылку (отсюда залитая вином одежда Джека).

Укрывшись под скамейкой, подождав немножко и убедившись, что выстрелов больше нет, Джек отвел пострадавшую медсестру (осколком стекла ей порезало руку) прямо к Лэнгфорду и рассказал ему о происшедшем. Тот страшно забеспокоился, сразу сообразив, что покушались на самом деле не на нее — действительно, кому она нужна?! — а на Глэдис.

— Понимаешь, вы здорово похожи, — объяснил Джек, но тут же быстро поправился: — Конечно... издали и при плохом освещении!

Слава богу, а то она уже хотела было возмутиться — как их можно вообще сравнивать?

— Вот и все, — закончил Джек. — Так что теперь, дорогая, мы окончательно под домашним арестом — Лэнгфорд распорядился, чтобы ни ты, ни я не выходили из номера незамаскированные и без сопровождения. И больше никаких ресторанов! Кстати, вот тебе твой передатчик!

— А где ты его нашел? — поинтересовалась Глэдис, принимая красно-золотой кулон. Ладно, раз уж нашелся, придется надеть белое платье — к нему он вроде бы идет...

— У Панча отобрал. Он с ним играл — за шнурок по номеру таскал. Когда Лэнгфорд это увидел, ему чуть дурно не стало.

— У-у, изверг! — нежно сказала Глэдис, погладив Панча по розовенькому носику и тайком сунув ему кусочек бекона.

Как ни старался Лэнгфорд, скрыть вчерашние события, уже к обеду по отелю поползли слухи.

Оказывается, та самая престарелая кинозвезда, которая поселилась на двенадцатом этаже, застала своего молодого красавца-жениха с посторонней женщиной — прямо на пляже, представляете?! — и выстрелила в него из подвернувшегося под руку «Магнума». И теперь он лежит в ее номере в критическом состоянии — пуля попала ему прямо в живот, просто море крови, ужас, ужас!!! — а раскаявшаяся кинозвезда не отходит от его постели и собирается наложить на себя руки!

Основой для всех этих сплетен послужила залитая красным вином одежда Джека, которую тот, не подумав о последствиях, сдал в химчистку гостиницы...

Глэдис же только днем вспомнила, что ее муж в своем объяснении упустил одну важную подробность, и незамедлительно поинтересовалась:

— А откуда ты вообще знаешь... эту самую медсестру?

На этот раз Джек тщательно подготовился к возможным вопросам и, не моргнув глазом, выдал благонравный ответ:

— Я в прошлом году тут плавал — и порезался ногой об кораллы. Она меня тогда перевязывала и укол делала, — в доказательство был предъявлен небольшой шрам на ноге.

Остальные подробности их знакомства Джек решил оставить при себе, вспомнив, какую бурю вызвало его прошлое признание.

К счастью, Глэдис вполне удовлетворило его объяснение.

В целом день прошел спокойно, хотя и несколько скучновато. Проверяя билеты на последний катер, Глэдис делала это почти машинально, задумавшись о другом: на балконе

преступник был в светло-сером спортивном костюме с синим кантиком, а в парке — в синем.

Интересно — это один и тот же костюм, только вывернутый наизнанку — или два разных?

Отсюда ее мысли перескочили на самого брюнета. А почему, собственно, она помогает его ловить?! Ведь он не сделал ей ничего плохого!

Напугал на балконе? Да, но ведь он не нарочно! Она сама по ошибке ворвалась в чужой номер!

Застрелил противного старикашку Веллера? Во-первых, еще неизвестно, кто его убил, может, вообще не этот брюнет, а, скажем, Раймек?! А во-вторых, человек, который хочет продать русским государственные секреты, ничего другого и не заслуживает!

Застрелил Раймека? Ну, этому вообще поделом! Мало того, что мерзкий англичанишка хотел ее опохмелить и похитить — так он еще украл из ее сумки помаду! И угрожал ей пистолетом! Так что фактически этот брюнет ее тогда спас...

А потом, в парке, он снова ее спас — хоть и нахамил, но все-таки показал, где выход! А когда на нее набросились аэнбэшники — он же не знал, кто это! — чуть не пришел ей на помощь... По крайней мере, обернулся на ее крики...

И самое главное — он проучил Джека! Теперь этот бабник будет знать, как при живой жене тащиться с какой-то там медсестрой на пляж пить шампанское! Ну и что, что это был только розыгрыш (да и розыгрыш ли это на самом деле был)?! Брюнет же этого не знал! А то, что он якобы на самом деле покушался на нее — лично она, Глэдис, в это не верит! Тем более что он никого не убил — только разбил бутылку.

Оставался нерешенным один вопрос — с помадой, которую брюнет похитил из их номера... Ну что делать — он же маньяк!

Наверное, его в детстве обижали и не давали ломать помаду — вот он и вырос таким... со странностями. Может, если бы у него всегда была под рукой помада, он не бегал бы с пистолетом и не стрелял бы не в кого — ломает утром одну-две — и доволен на весь день?

Так может, не стоит ловить этого самого брюнета? А когда они снова встретятся — поговорить с ним по-хорошему и деликатно посоветовать обратиться к врачу?

Но, с другой стороны, Лэнгфорд сказал, что «речь идет о безопасности государства!» — а Глэдис всегда считала себя патриоткой!

— Ты чего — звезды считаешь? — раздался над головой голос Джека. Глэдис удивленно обернулась — оказывается, катер уже отошел от пристани, а она и не заметила! — Пошли домой — скоро Симпсон придет, я с ним договорился в блэкджек перекинуться — все равно делать больше нечего.

Да... еще и Симпсон — если брюнета не поймают, у него могут быть неприятности! И ведь никому ничего не объяснишь? Так что же делать?!

Весь следующий день тоже прошел тихо и спокойно. Глэдис до сих пор не решила, как поступить, если увидит искомого брюнета и страшно боялась, что он появится на пристани. Ведь получалось, что он сделал ей столько хорошего — а она отвечает ему черной неблагодарностью!

Может быть, у него просто нет жены, и о нем некому позаботиться?! Глэдис тут же подумала о Дорис — та всегда говорила, что обожает брюнетов. И готовит она хорошо! Вот если бы их познакомить...

Хотя нет, Дорис не подходит — ее родители никогда не согласятся. Да и она сама не

раз заявляла, что замуж выйдет только за еврея... А может, этот брюнет — как раз еврей? Как бы узнать?

— Чего это ты такая тихая? — поинтересовался Джек, когда после очередного катера они возвращались «под домашний арест». — Не заболела, часом? — и пощупал ей лоб. — Может, голову напекло?

— Отстань, я думаю! — отмахнулась Глэдис. Она как раз подсчитывала, во сколько бы обошлось, если бы жена брюнета покупала ему в день одну помаду — нет, даже две, на всякий случай! В месяц выходило не так уж и дорого — особенно если брать самую дешевую. Но ему же, наверное, все равно, какую ломать?...

— Придем в номер — выпьешь аспирина, поможет! — понимающе кивнул Джек, про себя подумав, что это вынужденное безделье кого угодно сведет с ума.

Нет, от мужчин чуткости и понимания не дождешься! Это Глэдис поняла в тот момент, когда ее якобы любящий и заботливый муж после ужина заявил, что собирается к Симпсону «на пару часиков — перекинуться в блэкджек». Один — без нее! Да еще добавил наглым тоном:

— А то ты вчера нам житья не давала!

Подумаешь! Житья она им, видите ли, не давала! Она же просто хотела помочь — вот и советовала, как лучше! Причем обоим советовала, чтобы по справедливости было!

Ну и пусть идет! Глэдис тут же придумала, как она использует свалившиеся ей на голову «пару часиков» свободы — заплетет волосы вокруг лица в крохотные тугие косички, украшенные цветными бусинками. А кроме того, можно сделать себе, любименькой, педикюр и накрасить ногти алым лаком с золотистыми полосками!

Тем не менее для порядку она сделала обиженный вид и уставилась в телевизор, не повернувшись даже на умильное:

— Не скучай, шоколадочка моя, я скоро вернусь!

Но стоило двери хлопнуть, как Глэдис сорвалась с места. Времени для осуществления всего задуманного было не так уж и много, а представать перед Джеком в «недоделанном» виде ей не хотелось.

Для начала надо было помыть голову и намазать кожу на ней составом «с запахом сандала и мускуса». Косички положено заплетать мокрыми, так они лучше торчат — а потом под них с краской уже не подберешься!

Под душем, предвкушая грядущее развлечение, Глэдис напевала и приплясывала от нетерпения, одновременно еще раз обдумывая узор. Что лучше — ореол вокруг лица — ряд белых, ряд золотых, ряд красных — или разноцветные вертикальные полоски, подчеркивающие косички? Нет, все-таки, наверное, ореол...

Наконец, вооруженная до зубов парой полотенец, плоской с краской (из бутылки неудобно мазать!), пакетом с ватными тампонами и специальным увеличивающим зеркалом на длинной гибкой подставке, она вылетела из ванны и застыла от изумления, в первый момент не поверив своим глазам...

Прямо перед ней, посреди гостиной, развалившись в кресле, будто у себя дома, сидел тот самый таинственный брюнет!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В первый момент Глэдис рассердилась — что за дурацкая манера являться без предупреждения?! Она же не одета! И не покрашена! И даже не успела толком застегнуть халат! Это неприлично — он что, сам не понимает?!

В следующий миг она вспомнила, что ни один из представителей преступного мира, с которым она была знакома, не отличался идеальным воспитанием, и решила быть снисходительной. Что делать... возможно, этот бедняга просто не знает, как положено себя вести?!

Одет был брюнет, как и тогда, на балконе, в серый костюм с откинутым назад капюшоном. Присмотревшись, Глэдис пришла к выводу, что если бы не сдвинутые брови и недовольное лицо, он мог бы быть даже очень ничего! И ямочка на подбородке такая симпатичная, и глаза выразительные...

На столике рядом с ним лежал очень большой пистолет (такой уже не примешь за зажигалку!), а в руке был зажат стакан с чем-то желтоватым. Но стоило Глэдис шагнуть вперед, как эти два предмета мгновенно поменялись местами и дуло пистолета оказалось направленным прямо на нее.

— А ты на самом деле черная или белая? — это было первое, что спросил ее неожиданный гость (ни тебе «добрый вечер», ни «как поживаете?»...)

Из предыдущего жизненного опыта Глэдис следовало, что преступники — люди нервные и со странностями. Они задают массу всяких непонятных вопросов — и страшно огорчаются, прямо с ума сходят, не получив желаемого ответа. А значит, снова вступает в силу правило номер один: отвечать честно, а если не знаешь, о чем вообще идет речь — просто соглашаться!

— Белая... Вот краска! — поболтала она плоской.

— А зачем ты красишься?

— Чтобы ты меня не узнал! — честно ответила Глэдис и тоже решила задать интересующий ее вопрос:

— А у тебя костюм один и тот же, только наизнанку — или два разных?

— Два разных... — несколько удивленно ответил брюнет.

Только тут она спохватилась, вспомнив про распахивающийся халат. Увы — поздно! Судя по блеску глаз, незнакомец успел уже не только рассмотреть, но и оценить ее фигуру. Ну и наглец! Мог бы и отвернуться из вежливости... или хотя бы сделать вид, что отворачивается...

Мама всегда говорила, что при знакомстве с мужчиной важно с самого начала задать правильный тон? Решительно шагнув вперед, Глэдис вывалила все, что было у нее в руках, на стол и застегнулась до самой верхней пуговицы. Вот так! Пусть знает, что имеет дело с леди, а не с какой-нибудь... мармозеткой! (На по-прежнему направленный на нее пистолет она решила просто не обращать внимания...)

— А в парке — это ты была? — последовал новый вопрос.

— Я, — кивнула Глэдис, присаживаясь в кресло и незаметно поворачивая к себе зеркало — волосы, хоть и мокрые, лежали более-менее ровно.

— А та, другая, тогда кто?

— Какая другая?

— Ну, которую я пугнул на пляже!

— А-а... это так... одна медсестра... — (Не будет же она объяснять всем подряд, на какие глупости способен иногда Джек!)

Наступила короткая пауза — очевидно, ее гость придумывал, что бы еще такое спросить.

Сама же Глэдис не знала, как бы поделикатнее, чтобы, не дай бог, не обидеть, начать с ним разговор о его проблемах. Или, может, сначала стоит предложить ему кофе?

Первым делом она решила поинтересоваться:

— А ты, случайно, не еврей?

— По маме... — машинально ответил брюнет и, вздрогнув, вылупил глаза, явно пораженный ее пронизательностью.

— Ты знаешь, — обрадовано начала Глэдис, — у меня есть одна подруга... она как раз тоже еврейка и очень хорошо готовит!..

Почему-то эти слова произвели на брюнета совершенно неожиданное впечатление. Подскочив и замахав пистолетом, он вдруг рывкнул:

— Да ты что, издеваешься, что ли? Ты что, не понимаешь, за чем я пришел?

Что случилось?! Она же ничего особенного не сказала! От неожиданности Глэдис замолкла на полуслове, брюнет же все не унимался! Нависнув над ее креслом, сощурившись и страшно оскалившись, он злобно зашипел:

— Ну... говори, где ты это прячешь, сука?!

"Только тут Глэдис по-настоящему испугалась, впервые до конца осознав и прочувствовав, что ее нежданный визитер все-таки маньяк — а значит, способен на что угодно... Ну не будет же нормальный человек так реагировать на простое предложение познакомиться его с девушкой! Не хочет — и не надо, но зачем же кричать и обзываться?!

Наверное, у него начинается приступ... Надо поскорее как-то его утихомирить!

— Там... в сумочке... возьми, есть помада — если тебе нужно...

Ой, а может, не стоило так прямо упоминать о его проблемах?!

Ростки симпатии к брюнету, за эти дни пустившие корни в сердце Глэдис, начали стремительно увядать. Особенно после того, как прямо у нее на глазах, выхватив из сумочки предложенную помаду, он в момент растерзал ее и обернулся с еще более злобной физиономией.

— Ты что, свихнулась? Фраера из меня делаешь? Где она, говори?!!

Дуло пистолета мгновенно оказалось перед самым ее лицом и больно уперлось в ноздрю. От него противно пахло кислым.

— Где?!!!

Испуганно пискнув, Глэдис бросила невольный взгляд в сторону шкафа — именно там, в чемодане, хранились ее основные запасы...

Через несколько минут, оцепенев от ужаса, она смотрела, как маньяк, сладострастно посапывая, одну за другой ломает ее новенькую помаду!

Он не просто ломал ее — это был целый ритуал!

Сначала мерзавец отрывал помаду от основания — резким движением, словно сворачивая кому-то шею. Потом отламывал по кусочку, растирал пальцами крупные обломки, вытирал руки платком — и, злобно поглядывая на Глэдис, хватался за следующую!

Запасы помады иссякали, и в глазах безумца все яснее можно было прочесть: «Вот сейчас я покончу с ней — и примусь за тебя!»

И тут Глэдис заметила за его спиной нечто!

По тумбочке, почти ползком, то и дело вздрагивая и припадая к полированной поверхности, крался Панч! И на мордочке у него было то самое озадаченное выражение, с которым он обычно подбирался к Джеку перед тем, как вцепиться в его шевелюру!

В сердце Глэдис снова вспыхнула надежда. Ведь если преступник отвлечется — хоть ненадолго, хоть на пару секунд! — то можно будет удрать в ванну! А там, на полочке, лежит кулон Лэнгфорда! И дверь изнутри запирается!

Да, но что тогда будет с самим Панчем?! Она же не может оставить бедного ребенка на расправу сумасшедшему маньяку! А может, когда этот тип отвлечется, стукнуть его чем-нибудь по башке?

Глэдис судорожно обвела глазами комнату — никакого подходящего оружия, даже босоножек, поблизости не было... Больше придумать она ничего не успела — с победным «Мя-я!!!» Панч внезапно бросился вперед!

Почувствовав на затылке зубы и когти, маньяк поступил так, как поступает любой нормальный человек, когда в него сзади с воплем вцепляется нечто тяжелое — то есть попытался вскочить. Его рука дернулась к пистолету — и тут, не думая и не рассуждая, Глэдис запустила в него единственным, что подвернулось — плоской с краской «с запахом сандала и мускуса»!

На миг все замерли — брюнет со страшным, перекошенным и залитым краской лицом, повисший на его загривке кот — и сама Глэдис, с ужасом глядевшая, как преступник, несмотря ни на что, все-таки дотянулся до пистолета! Затем Панч сорвался со спины бандита и, словно показывая ей путь к спасению, светлой молнией метнулся в сторону спальни.

Страшный, нечеловеческий вой и сразу вслед за ним — выстрел раздался в тот самый момент, когда Глэдис, влетев в спальню, захлопнула за собой дверь, отскочила от нее и замерла, прислушиваясь.

Из гостиной доносился все тот же леденящий душу жуткий вой, грохот и звон стекла. Похоже, маньяк, обезумев, крушил там мебель! Еще один выстрел! Сейчас он доберется и сюда!

Решение пришло мгновенно — одним мощным рывком Глэдис сдвинула с места кровать и, как муравей, потащила ее к двери. Сверху, чтобы сделать баррикаду еще внушительнее, полетело все, что попало на глаза: чемодан, настольная лампа, два стула, шлепанцы Джека, ваза с цветами и телефон.

Сама же она, подгоняемая по-прежнему доносившимися из гостиной криком, треском и грохотом, вслед за Панчем нырнула в самое безопасное место, которое подсказывал ей (и коту!) инстинкт — под кровать — и распласталась там, зажмурившись и зажав уши руками.

Прошло довольно много времени, прежде чем Глэдис решила осторожно приоткрыть одно ухо. Все было тихо — ни грохота, ни воя... Может, бандит уже ушел?! Или, наоборот, притаился за дверью и ждет, что она выйдет?!!

Она открыла глаза и прислушалась — из полутьмы на нее в упор смотрел перепуганный Панч, а откуда-то издалека доносились неясные звуки — то ли голоса, то ли стон... какие-то шаги, лязг...

— Давай еще полежим, а?! — шепотом спросила Глэдис у своего единственного союзника.

Кот всем своим видом выразил одобрение — судя по всему, он тоже считал, что

вылезать наружу несколько преждевременно. Глэдис притянула его к себе — с ним, живым, теплым и все-все понимающим, было не так страшно...

И тут над головой снова загрохотало — похоже, в дверь барабанили кулаками.

— Миссис Четтерсон! Миссис Четтерсон! — кричал незнакомый голос. — Откройте!

Что это? Маньяк узнал ее имя?! Или это уже полиция? Открыть? А если это все-таки преступник?!

Глэдис уже твердо решила не открывать, что бы ей ни сулили, как вдруг раздался еще один голос, который она не могла не узнать:

— Глэдис! Открой! Это я!

Джек!!! Это он!!! Глэдис дернулась, стукнулась головой, взвизгнула и попыталась выползти наружу — но не тут-то было! В тесное подкроватное пространство она с перепугу ухитрилась втиснуться за считанные секунды — а теперь беспомощно барахталась, прижатая сверху стотонным грузом.

За дверью, очевидно услышав производимые ею звуки, замолчали, потом Джек неуверенно позвал:

— Глэдис?

— Да? — на сей раз отозвалась она. — Я здесь!

— Ты жива?! То есть... — похоже, Джек сам понял, какую глупость только что сморозил, — ты не ранена?

— Нет! — Глэдис постепенно начала закипать. И без того никак не вылезти — а он еще идиотские вопросы задает! Пришел бы да помог!

— Почему ты не открываешь? Что случилось?

— Ничего!

Ну не может же она кричать при всех, что распластана тут, как камбала, да еще зацепилась за что-то халатом!

— Ты там одна?

О господи, нашел время ревновать! Он что, совсем с ума сошел?!

— Отстань! Я занята! — огрызнулась Глэдис, судорожно извиваясь и пытаясь развернуться и выползти задом наперед из халата,

В ответ на эту простую и понятную просьбу в дверь что-то грохнуло так, что кровать пошатнулась. Послышались возбужденные возгласы, шум — и голос Лэнгфорда:

— Миссис Четтерсон, с вами все в порядке?

— Да... почти...

Если не считать того, что на затылке будет шишка, один ноготь сломан, на свежепомытые волосы налипла какая-то труха — что они, вообще под кроватью не убирают, что ли?! — а вся приличная одежда осталась в той комнате...

— Вас удерживают силой? С вами в комнате кто-то есть? И этот туда же! Да что они там все, с ума посходили?

— Никого тут нет, только мы с Панчем! Извините, мне некогда! Скоро я открою! — и, не обращая больше внимания на доносящиеся из-за двери голоса — ничего, кроме дурацких вопросов, от них все равно не дождешься! — Глэдис с удвоенной энергией полезла наружу.

Через несколько минут, облачившись, за неимением лучшего, в яркую «маскировочную» рубашку Джека (свой халат ей высвободить так и не удалось) и — насколько это было возможно без расчески и косметики — приведя себя в порядок, Глэдис открыла дверь. Точнее, отперла ее — выяснилось, что без такого стимула, как дышащий в

спину маньяк, сдвинуть кровать с места она физически не может.

Вместо нее это сделали молодцы из АНБ во главе с Джеком. С громким «И — раз, и — два, и — три-и-и!!!» они со всей силы навалились на дверь — и кровать немного отъехала. Еще раз — и образовалась щель, достаточная, чтобы Глэдис сумела, наконец, протиснуться в нее.

Гостиная выглядела, словно после тайфуна. Оба кресла были перевернуты, по всему полу валялись осколки стеклянного журнального столика (так вот что там звенело!), раздавленные футлярчики от помады и ватные тампоны, из ванной доносились лязг и плеск, сопровождаемые странными возгласами, и везде — на розовой обивке, на полу и даже на стенах — виднелись темно-коричневые пятна.

Все это Глэдис успела заметить, вылезая — стоило ей высунуться полностью, как Джек, не дав даже толком оглядеться, схватил ее и начал бесцеремонно обнимать и ощупывать, повторяя:

— Так ты не ранена? Точно не ранена?

Чтобы не разочаровывать его, Глэдис продемонстрировала шишку на затылке и сломанный ноготь.

Подскочивший откуда-то Симпсон тоже поинтересовался:

— Миссис Четтерсон, вы в порядке? Не ранены? — и тут же, не дожидаясь ответа, заявил, повернувшись к Джеку: — Вот видите?! Я же говорил, что у вашей супруги потрясающее интуитивное умение владеть нестандартной ситуацией!

Сказано было непонятно, но явно обозначало комплимент. Глэдис приосанилась — она любила, когда ее хвалили при муже. И тут из ванной раздался грохот, сопровождаемый невнятными проклятиями, лязгом и звоном.

— Что там? — вздрогнула она.

Ответить ей не успели — дверь ванной распахнулась и оттуда появился Лэнгфорд. За ним двое здоровенных ээнбэшников в промокших рубашках вели злодея-брюнета, мокрого и всклокоченного, с руками, заведенными за спину и — непонятно почему — в темных очках. Сзади следовали еще два незнакомых типа, тоже мокрых. Один из них, держа в руках полотенце, подозрительно заляпанное чем-то красным, на ходу вытирал им голову и лицо.

Как? Маньяк до сих пор здесь? Почему же ей сказали, что можно уже выходить? Глэдис отступила за спину Джеку и на всякий случай? а вдруг этот тип вырвется — она слышала, что сумасшедшие бывают очень сильными! — покосилась на дверь спальни.

Подойдя, Лэнгфорд махнул рукой — процессия остановилась — и спросил:

— Итак, миссис Четтерсон, вы признаете, что это тот самый человек, которого вы тогда видели на балконе номера Веллера? — с этими словами он картинным жестом сорвал с брюнета очки.

Теперь Глэдис стало понятно, зачем их на него нацепили — морда маньяка была разукрашена коричневыми пятнами, а глаза, красные и распухшие, еле смотрели сквозь узенькие щелочки. «Это, наверное, от краски! — догадалась она. — Лео говорил, что она очень щиплется!»

Вопрос показался ей достаточно глупым — естественно, а кто же это еще может быть? Но, наверное, так положено — поэтому, высунувшись из-под мышки Джека, она подтвердила:

— Да это он, он самый! Это он перепортил всю мою помаду! — потом вспомнила, что мужчина едва ли сможет до конца осознать всю гнусность подобного поступка, и добавила

то, что было понятно любому: — И обзывался по-всякому! И пистолетом махал, и в нос мне его совал! И... и подглядывал на меня! — последнее, пылая жаждой мести, Глэдис сообщила специально для Джека — может, узнав, каким оскорблениям и пыткам подвергалась в его отсутствие любимая жена, он хотя бы стукнет как следует обидчика?!

Но ее муж проявил себя как истинный тюлень — он не сдвинулся с места даже после того, как брюнет, усугубляя свою вину, пробормотал:

— Сука крашенная! Знал бы...

И даже зубочистку не плюнул ему в морду! Да, чего еще — можно ждать от человека, который в самый критический момент уходит играть в карты!

Лэнгфорд торжествующе махнул рукой, бросил через плечо:

— Уводите! И вызывайте вертолет! — и вместо того, чтобы глупо и неоригинально поинтересоваться ее здоровьем, первым догадался спросить самое главное — то, что ей и самой так не терпелось рассказать:

— Как вам удалось справиться с ним?!

И тут Глэдис, наконец, смогла назвать того, кто, рискуя жизнью, спас ее из лап злодея:

— Это все Панч! Он его укусил!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Рассказ Глэдис длился почти час. Перед ней стоял магнитофон — но разве может бездушная машина передать тот артистизм, с которым она изображала и перекошенную зверскую физиономию маньяка, и бесшумно ползущего за его спиной кота, и собственный испуг...

Зрители смотрели на нее не отрываясь, широко раскрыв глаза и вздрагивая в нужных местах — например, когда она на редкость удачно сымитировала внезапный вопль Панча и его прыжок на голову преступника (в качестве которого выступал Джек).

Присутствующих набралось человек шесть — включая, естественно, Симпсона и оставшихся к тому времени на острове сотрудников Лэнгфорда. Сам же Лэнгфорд улетел на вертолете в Гонолулу — якобы сопровождать арестованного, а на самом деле, как сразу догадалась Глэдис (она на его месте поступила бы точно так же!), хвастаться им перед начальством. Впрочем, без него было даже лучше, а то опять начал бы нудно допытываться: «Миссис Четтерсон, а где был ваш передатчик?!»

Главный же герой дня, Панч, подозрительно наблюдал за всем происходящим со шкафа. Он был совершенно уверен, что такое количество гостей, то и дело поглядывающих на него и повторяющих за чем-то его имя — это не к добру!

К этому времени Глэдис уже знала, что брюнет, оказывается, проник к ней с балкона! Используя скалолазное оборудование, он вскарабкался туда с десятого этажа! Ну какому нормальному человеку такое могло придти в голову?! Именно поэтому его не заметили дежурившие в соседнем номере сотрудники АНБ.

Все это ей удалось выпытать у Симпсона — как и то, что прибежавшие на грохот аэнбэшники застали преступника совершенно беспомощным и катающимся по полу от боли (Состав Лео действительно очень щипался!). Но, едва придя в себя, бандит тут же укусил за руку промывавшего ему глаза сотрудника? До крови!

Той же ночью со словами: «Повеселились — и хватит! Мы сюда все-таки отдыхать приехали!» — Джек перетащил все вещи обратно, на тринадцатый этаж. Уставшая Глэдис, которой хотелось только одного — как можно быстрее добраться до постели — не стала напоминать мужу, что тринадцать — число несчастливое. Может быть, если бы они с самого начала поселились на каком-нибудь другом этаже, как она предлагала, этого всего бы не произошло?!

Ну да ладно — все хорошо, что хорошо кончается. И с утра, вознаграждая себя за долгие дни «домашнего ареста», они с Джеком наконец начали отдыхать!

Они купались, загорали, прокатились вокруг острова на моторке, ели мороженое, пили холодное кокосовое молоко — и снова купались и загорали. А потом, прямо на пляже, сфотографировались на память с настоящим живым удавом! И еще Джек нырял и достал ей ракушку — маленькую, но все равно красивую!

Словом, возвращаясь в отель, Глэдис чувствовала себя совершенно счастливой. Ну... почти совершенно — и чтобы избавиться от этого «почти», ей нужен был суший пустяк — посетить универмаг. Только на минуточку! А Джек пока, чтобы ему не было скучно, может посидеть и выпить пива на террасе!

Но стоило ей сказать об этом мужу, как тот решительно воспротивился:

— Нет уж, одну я тебя больше никуда не пущу! — да еще имел наглость с ухмылочкой

бестактно добавить: — Опять ввяжешься в какую-нибудь идиотскую историю! — (Как будто это она во всем виновата!).

В результате он с видом мученика поперся за Глэдис. Что ж — делать нечего. Она решила не портить себе удовольствие и не обращать внимания на его недовольную физиономию.

Знакомая молодая продавщица в отделе косметики сразу узнала ее (а прошлый раз, в замаскированном виде, не узнала — ха-ха-ха!), восхитилась тем, как Глэдис успела за эти дни загореть (кожа ее, не до конца отмытая от таинственного состава Лео, до сих пор сохраняла экзотически-смуглый цвет) и рассказала последнюю сенсацию — кинозвезда помирилась с выздоровевшим женихом и вчера ночью они спешно покинули остров на ее личном вертолете! (Так интерпретировали редкие свидетели вертолет АНБ, увозивший в Гонолулу Лэнгфорда). И жениться они собираются в Париже (как романтично!), а медовый месяц проведут ни больше ни меньше, как на Аляске!

Оказывается, из-за «домашнего ареста» Глэдис пропустила самое интересное! Она даже не знала, о чем идет речь!!! И продавщица охотно начала всю историю с самого начала...

Когда полчаса спустя потрясенная Глэдис отошла от прилавка, Джек встретил ее обычным:

— Ну наконец-то! Сколько можно копать?! — (А она вовсе не копалась! Но разве можно уходить, не дослушав такое?!) Да еще, бесцеремонно заглянув в пакет с покупками, скривился: — О господи, опять эта помада! Я ее уже видеть не могу! -

(Ну бедная помада-то ему чем виновата?! Ведь не она же гонялась по всему острову за маньяком?!).

Но Глэдис едва удостоила его взглядом — все ее мысли были там, в сказочном мире, не имевшем ничего общего с ее серой и обыденной жизнью. Какие люди! Какие страсти! Какая любовь!

И ведь они жили совсем рядом и даже могли бы увидеть того самого красавца-блондина, из-за которого кинозвезда потеряла голову. (Ну и что, что она втрое старше его?! Все равно — это любовь!!!). А она, Глэдис, вместо этого нудно проверяла билетки...

В номере Глэдис сразу же вытащила свои трофеи и расставила на столике, чтобы еще раз полюбоваться. Получилось ровным счетом шестнадцать футлярчиков с помадой и четыре баночки крема — тоже с орхидеями, но на темном фоне. Джек, естественно, не преминул съязвить:

— Сорока — она и есть сорока! Увидела блестящее — и все, уже устоять не можешь! В этом отношении вы два сапога пара — что ты, что твой извращенец!

Ах, да, прошу прощения, — шутовски поклонился он коту, очевидно, вспомнив, как еще вчера торжественно (при свидетелях!) поклялся никогда больше не называть спасителя своей жены «извращенцем».

Да что он вообще понимает в искусстве?! Это же ручная работа! Ей все подруги в Нью-Йорке завидовать будут — там ни у кого такого нет!

Впрочем, замечание насчет кота было не лишено основания, поэтому перед походом в ресторан Глэдис решила сложить все свои сокровища в ящик стола — чтобы не искушать бедного ребенка.

Вечер послужил достойным продолжением хорошо проведенного дня. Они поужинали, а потом поехали кататься по всему острову в коляске, запряженной настоящей живой лошастью! И катались чуть ли не до полуночи!

А завтра предстояла поездка на фабрику, где делают шкатулки, и визит в плавучее казино в виде старинного колесного парохода — оно приплывало к острову два раза в неделю — и еще много-много интересного...

Глэдис чувствовала себя на седьмом небе и не сразу поняла, что случилось, когда, подходя к отелю, Джек внезапно взглянул куда-то в сторону, нахмурился и процедил сквозь зубы:

— Ну что там еще такое?!..

Обернувшись, она с некоторым удивлением увидела пробиравшегося сквозь толпу Лэнгфорда и спешившего за ним Симпсона.

— Здравствуйте, мистер Четтерсон, здравствуйте миссис Четтерсон, как поживаете, нам надо поговорить, может, поднимемся к вам в номер?! — на одном дыхании выпалил аэнебэшник.

— А если бы я сказал «нет», вы бы что — отстали? — саркастически поинтересовался Джек.

Глэдис всегда знала, что избытком воспитания ее муж не страдает, но это было уже слишком! Люди специально к ним приехали, сейчас, наверное, расскажут что-нибудь интересное (а может, они вообще привезли ей медаль?!) — а он тут бурчит что-то с недовольной рожей!

— Да, да, конечно, пойдете! — с улыбкой шагнула она вперед, незаметно пнув мужа локтем — «Веди себя прилично!» — и подхватила Симпсона под руку. — А вы на вертолете прилетели? Никогда не летала на вертолете! Там сильно укачивает? -

Джек продолжал угрюмо молчать, и ей приходилось одной поддерживать светскую беседу: — А мы сегодня на лошади катались! Ларри, вы умеете ездить верхом? А вот Джек не умеет, хоть он и из Техаса!..

В номере гости уселись в кресла, оба дружно отказались от предложенной выпивки, после чего Симпсон достал что-то из кармана и обратился к Глэдис:

— Миссис Четтерсон... — смешавшись от ее укоризненного взгляда, он тут же поправился: — Глэдис... прежде всего — вот. Мы нашли это у него в номере и сочли возможным вернуть вам... — с этими словами он протянул ей позолоченный футлярчик от помады! Тот самый! Ее любимый, который она в прошлом году утащила у мамы!

Глэдис была потрясена — она уже и не чаяла когда-нибудь вновь увидеть его! Выхватив у Симпсона футлярчик, она быстро открыла его и проверила — помады нет, но это пустяки, можно новую вставить!

— Ларри! — подняла она глаза на фэбээровца, чтобы выразить ему всю меру своей благодарности (на самом деле ей хотелось повизжать и попрыгать на одной ножке, но при людях это было неприлично) — но, оказывается, это было еще не все!

— Кроме того, я, конечно, понимаю, что это ничтожная компенсация за те... неудобства, которые мы вам причинили, — продолжил Симпсон. Глэдис замотала головой — ну какой может быть разговор о неудобствах! И тут он кивнул Лэнгфорду — и тот вытащил из кармана очаровательную шкатулочку с инкрустацией по черному фону цветным перламутром — дымящаяся гора на фоне синего моря! — Вот, это вам маленький сувенир, на память о наших приключениях!

— Ну и что же означает вся эта... прелюдия? — пробудился от угрюмого молчания Джек.

Глэдис негодуяще покосилась на него — как он может?! В такой момент!

— Миссис Четтерсон, у нас возникла одна проблема, — начал было Лэнгфорд, тоже считавший, что надо уже переходить к делу.

— Совсем маленькая проблема! — перебил Симпсон, незаметно пиная его ногой: «Договорились же, что я лучше знаю, с чего начать разговор!» — Дело в том, что... преступник упорно утверждает, что пришел к вам за помадой, которую вы взяли в номере Веллера!..

— Но.... - начала Глэдис. Как же так?! Он же ее сам украл! Он что, забыл?! — Но он же сам ее забрал! — сумела она наконец растерянно выдать из себя.

— Он подтвердил, что обыскивал ваш номер и унес отсюда целый мешок помады — но той самой среди них не оказалось! Так вот, возникает вопрос — где же она?! Дело в том, что в этой помаде — давайте уж говорить в открытую! — спрятана микропленка с чрезвычайно секретными сведениями, и нам не хотелось бы, чтобы она попала в... случайные руки.

— Вы что, пытаетесь обвинить в чем-то мою жену?! — вскинулся Джек.

И в этот момент Глэдис — почти случайно, просто они все время говорили о помаде — бросила взгляд на тот ящик, в который она сама, лично, перед уходом сложила свои покупки. Он был приоткрыт!!!

Догадка, столь ужасная, что высказать ее вслух было невозможно, вспыхнула в мозгу Глэдис. Медленно, как сомнамбула, она встала и направилась к письменному столу.

— Нет, ну что вы! — начал отнекиваться позади нее Симпсон, хотя мрачное выражение, застывшее на лице Лэнгфорда, свидетельствовало об обратном. — Но, возможно, она положила ее куда-то — и забыла об этом? Или, скажем...

Глэдис вытащила ящик наружу и стала перекладывать помаду на стол, громко считая вслух:

— Один, два... три — нет, это крем... семь, восемь, девять...

Голоса за спиной постепенно затихли.

— Что там у тебя? — в общем молчании поинтересовался

Джек.

— Тринадцать, четырнадцать... Четырнадцать! — подняла она на него ошеломленные глаза.

— Ну и что?

— Я купила шестнадцать штук! — медленно, чтобы до всех дошло, объяснила Глэдис. — Сегодня, в обед купила, когда вы того маньяка уже увезли! А сейчас осталось только четырнадцать! Две опять пропали!!! — На нее смотрели три пары недоумевающих глаз — и, набрав побольше воздуха, она выдохнула: — Значит, на этом острове есть еще один маньяк!

И он по-прежнему охотится за моей помадой! И ту, наверное, тогда тоже он забрал...

После этих слов Симпсон и Лэнгфорд загалдели хором:

— Не морочьте нам голову, какой еще маньяк, на этом острове никогда никаких маньяков не было, миссис Четтерсон, куда вы дели помаду с микропленкой... это даже смешно, то есть даже не смешно, и он никакой не маньяк...

— Хватит!!! — перекрыл все мощный рев Джека, про себя решившего, что если он сегодня еще раз услышит слово «маньяк», то непременно кого-нибудь прикончит. Не Глэдис, конечно, а, скажем, того же Симпсона. Тем более — с каких это пор фэбээровец стал для его жены просто «Ларри»?! — Хватит! Заткнитесь, вы, все!

Тишина наступила почти мгновенно. Не ожидавшие подобной вспышки Симпсон и

Лэнгфорд ошеломленно уставились на него.

— Глэдис, быстро, не задумываясь, отвечай — куда ты дела помаду, которую взяла в том номере?

— К Панчу, под матрац!

— А ты ее там потом проверяла?!

— Конечно! — (Он ее что, за дуру принимает?!) — Там только клипса была! Это все ма...

— Ну-ка, проверь еще раз! — не дал ей закончить Джек.

В обычной ситуации Глэдис ни за что не стала бы слушаться подобных хамских распоряжений, но ее муж вел себя непонятно и был явно не в себе, поэтому она сочла за благо не спорить, подошла к клетке, нагнувшись, покорно пошарила под матрасиком и обернулась.

— Ничего тут нет!

— И той помады, что пропала сегодня из ящика, тоже нет?

— Нет!!! Я же говорю, это ма...

— Ящик, когда мы пришли, был приоткрыт?

— Да, а откуда...

Симпсон и Лэнгфорд, не понимавшие, что происходит, синхронно поворачивали головы, переводя взгляд с одного из собеседников на другого. И тут Джек Четтерсон, которого они оба знали как человека выдержанного, здравомыслящего и не склонного к поспешным выводам, неожиданно разразился взрывом идиотского хохота.

— Господа, похоже, моя жена кой-то веки раз оказалась права! На этом острове действительно есть жуткий маньяк, ворующий помаду — и я даже знаю, кто это!

Глэдис возмущенно вскинула голову. Что это за «кой-то веки раз»?! Она всегда в конце концов оказывается права! Ну... почти всегда... И тут до нее дошло — ее муж, ее собственный муж, оказывается, знаком с маньяком!!! И скрывал это от нее! И от всех!

— Давайте проведем маленький следственный эксперимент! — продолжал Джек, вскакивая и направляясь к письменному столу. — Думаю, минут пятнадцати-двадцати хватит! Я, конечно, ничего не обещаю, но чем черт не шутит! Глэдис, сядь! Вон туда, в мое кресло! И тихо — все тихо!

Пораженная его странным поведением, она, ни слова не говоря, села, куда было велено. Еще несколько секунд — и Джек с довольной ухмылкой плюхнулся в кресло напротив нее.

— Вот так! Теперь подождем!

— Вы хотите сказать?... — неожиданно встрепенулся Симпсон.

— Вот именно!

Лэнгфорд попытался шевельнуться и что-то спросить — на него зашикали уже двое!

— Тише! И не смотрите в ту сторону! Спугнете!

Только теперь Глэдис дошло — кажется, они думают, что сейчас сюда явится этот самый маньяк! И хотят сделать вид, что не заметили его — а потом быстро схватить и арестовать!

— А он кто? Он опять с балкона залезет, да? У него пистолет будет? — не выдержала она. Ну почему они уже все всё знают — а она до сих пор нет?!

Джек оторопело посмотрел на нее, словно только сейчас вспомнив об ее существовании, и быстро сказал:

— Слушай, ты можешь сделать для меня одно доброе дело?

— Какое?!

— Закрой глаза и медленно, вслух, посчитай до ста!

— Зачем?!!

— Это очень важно! Я тебе потом объясню!

— Да, миссис Четтерсон, это очень важно! — подтвердил, мгновенно сориентировавшись, Симпсон, которого Джек незаметно под столом пнул ногой. — От этого сейчас многое зависит!

Смысл столь странного задания оставался для Глэдис по-прежнему неясным, но — раз уж так просят! — она честно закрыла глаза и принялась за дело:

— Один, два, три...

Глаза ее были плотно зажмурены, и она не могла видеть, как со шкафа осторожно свесилась ушастая голова с темной «шапочкой» и горящими зеленым огнем глазами.

— ... шестнадцать, семнадцать...

Убедившись, что на него никто не смотрит, Панч бесшумно соскочил вниз, вдоль стенки пробежал к столу и запрыгнул на него. Опасливо оглянулся и замер, в любую секунду готовый пуститься наутек — но то, соблазнительное и блестящее, что он углядел сверху, тянуло его к себе с неодолимой силой.

— ... тридцать четыре, тридцать пять, тридцать шесть...

С независимым видом, высоко задрав хвост — пусть все видят, что он здесь просто гуляет! — кот прошелся взад-вперед по столу, постепенно приближаясь к заманчиво блестящим футлярчикам. Подобрался вплотную... ткнул один из них лапой, поката... — воровато покосившись на людей, схватил помаду зубами и одним прыжком снова взлетел на шкаф! Оттуда донеслись шорохи... постукивания, и вдруг — отчетливый шелестящий звук, словно что-то маленькое скользнуло по задней стенке!

— ... восемьдесят семь...

И в этот миг все трое мужчин с воплем: — Бинго! — сорвались с места и кинулись к шкафу.

Решив, что настал его последний час, перепуганный Панч в головокружительном прыжке пролетел над их головами и, прижав уши, понесся в спальню — но им было не до кота.

С громким: — На счет три! Начали! Раз, два, три-и!!! — они ухватились за шкаф и выволокли его из ниши, где, судя по количеству обнаружившегося за ним мусора, он стоял с момента основания отеля. Но, кроме мусора, там было и кое-что еще — в пыли, среди скомканных бумажек, пивных крышечек и дохлых бабочек, отсвечивали перламутровым блеском четыре тюбика помады, на одном из которых, взяв его в руки, Лэнгфорд смог различить изящную надпись «Рассвет орхидеи».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Перед уходом Лэнгфорд и Симпсон долго прощались, пожимали Джеку руку, хлопали его по плечу и желали хорошего отпуска. Вид у обоих был чрезвычайно довольный.

— А зачем тебе нужно было, чтобы я считала до ста? — спросила Глэдис, стоило им выйти за дверь.

К тому времени она уже поняла, что никакого второго маньяка на самом деле не было, а помаду у нее воровал Панч, но эта странная просьба так и оставалась для нее загадкой. А спрашивать при людях было неудобно — еще подумают, что она совсем уж ничего не соображает!

— А как я мог еще заставить тебя сидеть тихо?! — ухмыльнулся Джек. — Мне было важно понять, куда он прячет добычу — а ты бы непременно начала крутиться и подглядывать!

Она обиделась и не разговаривала с ним до утра.

На следующий день после ареста брюнет начал давать показания.

Отказался ответить он только на два вопроса — как его настоящее имя (имевшийся при нем румынский паспорт на имя Константина Бурлы был фальшивым — да он этого и не скрывал, сразу сказав, что под подкладкой чемодана имеются еще два — алжирский и чилийский — выбирайте, какой хотите!) и чьи именно интересы в этой неудавшейся сделке он представлял (как он сам объяснил: «Мне на пенсию еще рано, а помирать тем более!»).

АНБ не ошиблось — Веллер действительно решил подзаработать на продаже секретных сведений. Каким образом он вышел на покупателя и как протекали переговоры — история умалчивает. Брюнет был послан на остров уже с конкретным заданием — получить товар. В определенное время он должен был взять ключ у портье, зайти в номер 1256 и забрать микропленку, спрятанную в футлярчике с помадой (это придумал Веллер — человек прошлого поколения, к тому же начитавшийся шпионских романов — на самом деле можно было обойтись простой компьютерной дискетой).

Сам же Веллер в это время должен был сидеть в баре. Таким образом, было сделано все, чтобы он никогда не увидел того, кто придет за пленкой — а значит, даже будучи арестованным, не смог никого выдать.

Но, вопреки договоренности, Веллер приехал не один, а с Раймеком, который поселился в номере напротив — чтобы подстеречь покупателя и выяснить, кто же он такой. Зачем? Трудно сказать — имея дело с дилетантами, не приходится ждать, что они будут следовать заповеди «Меньше знаешь — дольше живешь»...

Впрочем, их план бы все равно не удался — брюнет вовсе не собирался идти через дверь. Будучи профессионалом, он хотел застраховаться от возможности быть замеченным случайным постояльцем или невовремя подвернувшейся горничной.

И тут в дело вмешалась Глэдис...

Каково же было удивление брюнета, когда, забравшись на балкон, он увидел сквозь стекло неизвестную особу, которая прямо у него на глазах схватила злополучную помаду и выбежала с нею за дверь! Что это? Происки конкурентов — или двойная игра самого Веллера, стремящегося сорвать куш побольше? В любом случае, без него тут не обошлось — ведь только он знал, где будет спрятана пленка! И, засев в номере, брюнет стал ждать...

Раймек же, заметив женщину, которая вошла в номер напротив, а через пару минут

выскочила оттуда и побежала к лифту, решил, что именно она и является законспирированным покупателем! Более того, он уже видел ее сегодня в лифте и знал, что она живет в этом же отеле — причем не одна, а с каким-то мужчиной.

Спустившись в бар, он рассказал обо всем Веллеру, после чего они вместе поднялись в номер 1256.

Что произошло дальше, никто не знает. По утверждению брюнета — единственного оставшегося в живых участника событий — Веллера застрелил Раймек, обвинив его в обмане и махинациях у него за спиной. Пуля и правда была выпущена из пистолета Раймека — но в чьих руках он тогда находился?...

Как бы то ни было, после смерти Веллера Раймек изъявил горячее желание сотрудничать с брюнетом и помочь ему вернуть украденный товар. Какую награду он бы получил за это? Трудно сказать — не надо забывать, что он был единственным, кто знал брюнета в лицо...

Дальнейшее поведение Глэдис оставалось им обоим абсолютно непонятным. Зачем она вернула не ту помаду? И почему спокойно загорает и не делает попыток уехать с острова — ведь товар-то уже у нее? Ждет кого-то (или чего-то — например, предложения о выкупе?).

Поэтому они договорились захватить ее и допросить с пристрастием: на кого она работает и где пленка?!

Но когда Глэдис, выпив отравленное шампанское, не свалилась без чувств, а почти открыто обвинила Раймека в убийстве Веллера, тот запаниковал и выхватил пистолет. К этому времени брюнет (сидевший в кустах неподалеку) был уже уверен, что имеет дело с ловкой и хитрой авантюристкой — и окончательно убедился в этом, увидев, как она одним движением обезоружила его случайного союзника.

Участь Раймека была решена — он выдал себя и из сообщника превратился в ненужного (и достаточно опасного!) свидетеля. Дальнейшее поведение Глэдис только укрепило брюнета в уверенности, что перед ним женщина незаурядных актерских способностей. Чего только стоил ее визг при виде трупа! Именно так и должен был вести себя подготовленный агент, чтобы его ни в чем невозможно было заподозрить!

К этому времени брюнет уже знал, где она живет — и наутро, стоило им с Джеком уйти из номера, произвел там тщательнейший обыск и забрал всю имеющуюся помаду (кроме помады с пленкой, которую Панч успел «перепрятать»). Распотрошив добычу у себя в комнате, он, естественно, ничего не нашел и решил, что пришло время серьезно поговорить с самой Глэдис. И, возможно — увы! — действительно предложить ей выкуп...

И тут возникла проблема: ему никак не удавалось ее найти! Хотя мистер и миссис Четтерсон числились проживающими в номере 1356, на самом деле там было пусто! Если они уехали с острова, то почему не оплатили счет? И почему администрация отеля продолжает держать за ними номер? А если не уехали — так где же они?!

Докладывать своим нанимателям о провале операции брюнету категорически не хотелось, и он продолжал, как сумасшедший, рыскать по острову, надеясь лишь на чудо. И чудо произошло! Проходя в сотый раз по набережной, он заметил там как ни в чем не бывало прогуливавшихся Джека с медсестрой (которую, как и следовало ожидать, принял за Глэдис).

Зачем он стрелял в них? На этот вопрос брюнет ответил даже с некоторой обидой:

— Во-первых, не в них, а в выпивку! Если бы я в них стрелял, так их бы уже на свете не было, я в цент с двадцати ярдов не промахнусь? А во-вторых — чтобы подергались. Думал,

испугавшись, она пойдет на переговоры охотнее! Кто же знал, что эта сука крашенная другую бабу вместо себя подставит и мне все карты спутает? А я-то, дурак, еще ее выручать полез!

Больше всего его бесило именно это — ведь в тот миг, когда, заявившись в номер Глэдис «для серьезного разговора», брюнет вдруг понял, что черномазая пьянчужка, которую он чуть не полез спасать в парке («уж больно жалостно вопила — аж мороз по коже!»), и подлая авантюристка, перебежавшая ему дорогу — это одно и то же лицо, пошатнулась его вера в человечество! Раз в жизни он решил совершить благородный поступок — а его подло обманули!

Хладнокровная реакция Глэдис на его появление и направленный на нее пистолет — равно как и все ее дальнейшие действия — еще раз убедили брюнета, что он имеет дело с незаурядным противником, который играет какую-то свою, непонятную игру. Но нападения сзади он никак не ожидал!

Впрочем, зля на нее за это брюнет не держал — ну переиграли его, бывает — и красиво переиграли! («Дрессированный бойцовый кот — это круто! Рассказать кому — не поверят!») Объяснять ему истинную подоплеку атаки Панча никто не стал.

Но всего этого Глэдис так никогда и не узнала...

Остаток отпуска прошел без всяких приключений. Они с Джеком купались, загорали, ездили на плантацию орхидей и полюбоваться на весьма кстати случившееся неподалеку извержение вулкана (по мнению Глэдис — ничего особенного: издали похоже на сбежавшую и подгоревшую молочную кашу, только воняет еще противнее!). Словом — отдохнули на славу!

Лишь одно маленькое пятнышко омрачало ее безоблачный небосклон. Она увозила с собой в Нью-Йорк изрядный запас косметики в расписных перламутровых футляриках и уже предвкушала, как ей будут завидовать подруги — у них такого нет! Может быть, она даже подарит им какую-нибудь мелочь. Но за все три недели отпуска Глэдис так и не смогла купить еще хотя бы одного тюбика темно-красной помады с нежным и романтичным названием «Рассвет орхидеи»...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Примерно 1 м 95 см.

Примерно 1 м 54 см.

Смоляное Чучелко — «персонаж» народных сказок американского Юга. Сделанная из соломы фигура, облепленная смолой.

Грязный Гарри — герой серии популярных триллеров, полицейский из Сан-Франциско, прозванный «грязным» за жестокость и непримиримость к преступникам.

Имеется в виду первая поправка к Конституции США — закон о свободе слова.

Пять футов десять дюймов — примерно 1 м 78 см

* 65 по Фаренгейту соответствует примерно 18 градусам Цельсия.

Мармозетка — разновидность мелких южноамериканских обезьян.